

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виноградов В. Н.</i> Освобождение балканских народов от османского ига (70-е годы XIX в.)	3
<i>Кузьмин В.</i> Пражский договор 1973 года — вклад в европейскую безопасность	10
<i>Войцеховский Мариан</i> (ПНР). Консервативная оппозиция в гитлеровской Германии и Польша (1933—1944)	23
<i>Бирман М. А.</i> Тесняки и марксистская пропаганда среди болгарского пролетариата в начале XX в.	29
<i>Иванова Р. П.</i> Общественное движение на Украине и польское восстание 1863 года	46

Из истории славяноведения

<i>Лаптева Л. П. А. Л.</i> Дювернуа и его работы по истории славян	59

К VIII Международному съезду славистов

<i>Зализняк А. А.</i> Новые данные о русских памятниках XIV—XVII веков с различием двух фонем «типа о»	74

СООБЩЕНИЯ

<i>Воронков В. И.</i> ПСЛ-«Вызволена» в борьбе за аграрную реформу (ноябрь 1918 — июнь 1919 г.)	97
<i>Гусев В. Е.</i> Рукописные заметки П. Шафарика на первых номерах «Сербского летописца»	106

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Валев Л. Б.</i> Труд по истории Болгарии для французского читателя	110
<i>Липатов А. В.</i> Из истории культурного общения Московской Руси и Польши	111

3
1978

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Севида И.</i> Пополнение «Богемяны»	113
<i>Клепикова Г. П.</i> Я. В. Закревська. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті	115

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1977 г.	117
Содержание иностранных журналов	124
<i>Судник Т. М., Толстой Н. И.</i> Памяти Мечислава Карася	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ.

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубликовский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

В. Н. ВИНОГРАДОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА (70-е годы XIX в.)*

70-е годы XIX в. ознаменовались крупными событиями в жизни балканских народов. В 1875 г. поднялись на восстание босняки и герцеговинцы, в 1876 г. произошло Апрельское восстание в Болгарии, против османской империи выступили Сербия и Черногория, в апреле 1877 г. началась русско-турецкая война. В войну вступила Румыния, затем, вторично, Сербия, потерпевшая осенью предыдущего года неудачу. Против османских угнетателей сражались русские солдаты, сербские и черногорские войники, румынские доробанцы, болгарские ополченцы, повстанцы Боснии и Герцеговины.

В. И. Ленин дал краткую, но всеобъемлющую характеристику событий второй половины XIX в. в Европе, отметив, что «основным объективным содержанием исторических явлений» этой поры «были буржуазно-национальные движения или „судороги“ освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹. В ходе их совершались прогрессивные исторические процессы большого значения для Юго-Восточной Европы; на смену феодальному строю приходил буржуазный. И совершалось это в специфической и необычайно трудной для балканских народов обстановке, в условиях ликвидации гнета самого отсталого тогда в Европе военно-феодального османского государства.

События 70-х годов XIX в. были не первым проявлением «судорог», которыми сопровождалось рождение нового общества. Им предшествовали Первое и Второе сербские восстания в 1804—1813 и 1815 гг., восстание Тудора Владимиреску в Валахии 1821 г., греческая национально-освободительная революция 1821—1829 гг., революции 1848 г. в Дунайских княжествах, крестьянские выступления 1835, 1836, 1837, 1841, 1850 гг. в Болгарии; они показывали, что обручи национального и феодального гнета, сжимавшие балканские владения Турции, трещали вовсю, что османское господство изжило себя и дни его были сочтены.

Процессы разложения и распада османской империи, развития национально-освободительного и социального движения угнетенных народов являлись основой Восточного вопроса, не сходящего с повестки дня европейской дипломатии в XIX в. На них наслаивались противоречия между великими державами и их борьба за влияние в Юго-Восточной Европе.

История Балкан свидетельствует о том, что субъективная политика царизма и объективная роль России — понятия разные, последнюю сле-

* Сокращенный текст доклада, прочитанного на конференции историков-славистов в Донецке 1 февраля 1978 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

дует в общем оценивать положительно. Разумеется, российские правящие круги действовали в своих классовых интересах, заботясь о развитии помещичьего хозяйства на юге страны, беспрепятственном вывозе зерна, укреплении своих позиций на юго-востоке континента. «Попутно» разрушалась османская империя. Но то, что для царизма изначально было побочным явлением, — исторически выступило на первый план. Кючук-кайнарджийский (1774 г.), Ясский (1791), Бухарестский (1812), Андрианопольский (1829) договоры зафиксировали независимость Греции, широкую автономию Сербского, Молдавского и Валашского княжеств. Они подрывали мощь Турецкой державы, ее способность держать в узде покоренные народы.

С другой стороны, Англия и Австрия, а в отдельные периоды Франция отстаивали принцип неприкосновенности европейских владений Турции, *status quo* на Балканах. Результатом этой политики со стороны западных держав явилась Крымская война. В договоре Англии и Франции говорилось о сохранении территориальной целостности османских владений как цели их союза. Для фактического, а затем и формального главы британского правительства, лорда Д. Пальмерстона, цели войны этим не ограничивались. Он собирался безвозвратно подорвать могущество России и ее влияние в Европе и вынашивал планы перекройки карты: Аландские острова должны были отойти к Швеции, Прибалтика — к Пруссии; Дунайские княжества — к Австрии, Крым и Грузия — к Турции².

Крымская война существенно истощила и подорвала силы России. Что же касается европейских владений Турции, то результаты войны не могли быть ни долговременными, ни прочными, ибо опередившие в своем развитии основные турецкие районы южнославянские земли были оставлены под властью прогнившего и деспотического государства.

Вот как характеризовали Турцию кануна войны 1877 г. ораторы в британском парламенте. Османское правительство «злоупотребляло властью и было проклятием для населения, которым управляло» (герцог Аргайл). «...Гражданская администрация не защищает, а наводит ужас на страну; суды погрязли в безнадежной коррупции; чиновники и судьи — это стая кровожадных вампиров. . . Царит насилие, приправленное продажностью» (лорд Э. Фицморрис)³. Один из парламентариев заметил, что единственной «европейской привычкой», которой обзавелись турецкие правители за двадцать лет, минувших после Крымской войны, был государственный долг. Он достиг шести миллиардов франков. Бюджет систематически сводился с дефицитом. В 1875 г. Турция оказалась не в силах выплачивать ростовщические проценты по внешним долгам и объявила частичное государственное банкротство⁴. Чиновники и войска месяцами не получали жалованья и жили грабежом «опекаемого» и «охраняемого» ими населения. Возникла остроумная мысль — прекратить выплату жалованья дипломатам. Ее пришлось оставить, ибо тем некого было грабить.

Вся система османского господства над покоренными народами превратилась в анахронизм, вызывавший непрекращавшуюся волну протестов с их стороны. Империя продолжала расползаться; Крымская война замедлила, но не приостановила этот процесс. В 1859—1862 гг. произошло объединение Молдавского и Валашского княжеств, создание Румынии, в 1866—1869 гг. развернулось Критское восстание. Активизировалось освободительное движение в Болгарии, создавались революционные организации, действовали повстанческие четы. Наконец, последовал взрыв

² R. W. Seton-Watson. Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 326.

³ «Parliamentary Debates», 3-d Ser., v. 237, p. 707; v. 231, p. 158.

⁴ Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 18—21.

1875 г. Оправдалось высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: «Сохранить в Турции status quo! С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить его полное разложение»⁵.

Подкоп под турецкое владычество шел и с другой стороны. Недовольная крымским поражением Россия стремилась восстановить флот на Черном море и вернуть отторгнутую Южную Бессарабию. Для русско-балканского сотрудничества существовали реальные и веские основы.

Общественность России проявляла живейший интерес к славянскому вопросу. И. С. Тургенев недаром избрал героем своего романа «Накануне» болгарина Инсарова. Дружеские русско-балканские связи, стремления народов России действительно помочь южным славянам уходят в десятилетия и века.

Искренняя и бескорыстная поддержка народами России национально-освободительного движения на Балканах поражала зарубежных современников. Сошлемся опять-таки на высказывания в британском парламенте: «Если ныне перед населением турецких провинций забрезжила свобода, так это лишь благодаря настроениям в России, которые, называйте их сентиментальными, гуманистическими, нелогичными или как хотите, явились одной из могущественных движущих сил в истории»⁶. Некоторые представители русской дипломатии, командования и администрации сознавали невозможность насаждения царских порядков на Балканах. Участвуя в выработке конституции республики Семи соединенных островов (Ионических) в начале XIX в., Органических регламентов для Дунайских княжеств в тридцатые годы, они в какой-то мере учитывали веяния времени, местные условия и специфику развития. При этом, однако, они пытались опереться на самые консервативные силы балканского общества⁷.

На Западе в отдельные периоды также выражалась солидарность с освободительным движением на Балканах. Она проявилась в сочувствии греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг.; в негодовании в связи с расправами над болгарскими повстанцами в 1876 г. Все же западноевропейская общественность мало и плохо знала Балканы, и в общем ее не слишком тревожили судьбы населявших их народов.

Опасаясь усиления влияния России на Балканах, правящие круги западных держав были заинтересованы в сохранении там status quo. Для балканских народов, отмечал Ф. Энгельс, это означало «просто увековечение их угнетения Турцией»⁸. В таких условиях угнетенные народы Балкан в борьбе за свое освобождение не могли рассчитывать на поддержку со стороны западных держав.

Внутрибалканских сил для свержения османского ига было явно недостаточно. Критически отзываясь об общественной системе, политических порядках и правах в Османской империи, не следует впадать в преувеличение и рисовать ее бессильным государством. Апрельское восстание болгарского народа было жестоко подавлено. Сербская армия, несмотря на приток добровольцев из России, и немалый — пять тысяч человек, по-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 5.

⁶ «Parliamentary Debates», 3-d Ser., v. 237, p. 49.

⁷ А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976; е е ж е. Конституция Семи соединенных островов 1803 г. «Балканские исследования», М., 1974; В. Я. Гросул. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966; е го ж е. О конституционной политике России на Балканах. «Вопросы истории», 1969, № 8; И. С. Достян. Россия и балканский вопрос. М., 1972; е е ж е. Россия и проблема государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в. «Etudes balkaniques», 1976, № 3.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 31.

терпела поражение; лишь русский ультиматум остановил турецкое наступление в одном переходе от Белграда; боснийско-герцеговинские повстанцы находились в тяжелом положении.

Взаимоотношения между различными государственными объединениями и политическими силами на Балканах были далеко не безоблачными. Народы, населявшие полуостров, находились с точки зрения национального, государственного и политического развития в разном положении. Румыния пользовалась широкой автономией, Греция завоевала независимость. Казалось бы, существовали все условия для их выступления в поддержку восставших южных славян.

Однако нельзя забывать высказывания В. И. Ленина: «...для буржуазии требование равноправия наций очень часто равносильно на деле проповеди национальной исключительности и шовинизма, очень часто совместимо с проповедью разделения и отчуждения наций»⁹. Едва успев стать на ноги, румынская и греческая буржуазия, встав на путь эгоизма и расчета, стала думать о расширении своего влияния на Балканах и подчинении других народов. Видный румынский консервативный деятель В. Боереску призывал не поддаваться чувствам и энтузиазму, а проводить «политику равновесия и выгоды», чтобы оказаться на той стороне, «куда больше склонится перевес»¹⁰. Румынская буржуазия хотела бы превратить свою страну в барьер между Россией и южными славянами и уполномоченного западноевропейского капитала на юго-востоке континента. Румыния отказалась поддержать Сербию в войне против Турции и провозгласила нейтралитет. Ее правительство обратилось к европейским правительственным канцеляриям, стремясь получить государственную независимость дипломатическим путем. Лишь потерпев на этом пути полную неудачу, кабинет министров обратился к России. Осторожно-выжидательную позицию заняла Греция, и в этом ее поощрял Лондон.

Изучение соотношения общеевропейских и внутрибалканских факторов приводит к выводу, что кроме как от России балканским народам помощи было ждать неоткуда. Друг русских революционных демократов и ненавистник царизма Христо Ботев писал: «Пусть говорит кто что хочет, а я скажу: христианские народности Балканского полуострова встретят сочувствие только в России»¹¹.

Царское правительство неохотно и с опаской вступило в войну. Его беспокоило революционное движение в своей стране, экономическая слабость России, нехватка финансов, недостаточная подготовленность армии, возможность возрождения «крымского» антирусского фронта Англии, Франции, Турции, Сардинии и, фактически, Австрии, наконец, революционный потенциал самих балканских народов. Два года оно лавировало, пытаясь выговорить хоть что-то в пользу южных славян. Крайний предел его уступок (хоть и принятый с оговорками) — так называемый мартовский протокол 1877 г., подписанный державами в Лондоне. Это была просьба о реформах, адресованная Порте. В нем не употреблялось даже слова «автономия». Русское правительство шло и на это (хотя и с некоторыми возражениями). Лишь получив отказ Стамбула, оно, уже полгода державшее под ружьем отмобилизованную полумиллионную армию, решилось на войну.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 145.

¹⁰ М. М. Залышкин. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878. М., 1974, с. 134.

¹¹ Н. Тодоров. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и его место в Восточном кризисе. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja. Kn. XXX. Odieljenje društvenih nauka, kn. 4. Sarajevo, 1977, s. 183.

История ее хорошо известна. Стремительный бросок через Румынию, которая, убедившись, что с помощью просьб и меморандумов независимости не получишь, шла к союзу с Россией; форсирование Дуная, вошедшее в историю военного искусства как пример эффективного решения сложнейшей стратегической задачи; три неудачных штурма крепости Плевна — ключевой позиции турецкой обороны (последний — при участии румынских войск); труднейшая осада этой крепости, завершившаяся капитуляцией 50-тысячного турецкого гарнизона во главе со способным полководцем Осман-пашой; героическое «сидение на Шипке» русских войск и болгарского ополчения. Далее — преодоление Балкан на всем их протяжении и марш через Южную Болгарию, преследование разгромленного неприятеля. Перемирие застало русскую армию на берегах Мраморного моря; Стамбул она «обтекла». И не сопротивления разбитых турецких сил опасалось командование, а вступления в войну Великобритании и Австро-Венгрии. Русские позиции вдоль Босфора находились под прицелом эскадры адмирала Хорнби, введенной в проливы. Такие разные по взглядам, но одинаково опытные люди как канцлер А. М. Горчаков, военный министр Д. А. Милютин, главнокомандующий на Балканском театре на заключительном этапе Э. И. Тотлебен опасались возрождения крымской коалиции в измененном варианте (место Франции могла занять Австро-Венгрия).

Русское правительство пошло на пересмотр условий Сан-Стефанского мира. Но и делегаты Берлинского конгресса 1878 г. должны были считаться с историческими реалиями. Война, в которой участвовало 900 тыс. русских солдат, свыше 50 тыс. румын, 7 тыс. болгарских ополченцев, до 80 тыс. сербов (при ее завершении), отряды черногорского войска, боснийские и герцеговинские повстанцы, не могла пройти бесследно для юго-востока Европы. Рухнула полувековая система *status quo*. Была признана и оформлена международным актом независимость Румынии, Сербии, Черногории; все эти государства получили территориальные приращения; была достигнута договоренность о расширении Греции; после пятивекового османского ига, растоптавшего древнюю государственность болгарского народа, она возродилась.

В России итоги конгресса были восприняты с болью и остро критически. Недовольство вызывало прежде всего грубое попрание европейским ареопатом национальных интересов болгарского народа, раздел его на две части, создание, помимо автономного княжества Болгарии, турецкой провинции Восточная Румелия. Но уже в дни конгресса Д. А. Милютин записывал в свой дневник: «Какие бы то ни были теперь постановлены европейской дипломатией ограничения в самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей предназначены, можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»¹².

Это были вещи слова. Через несколько лет княжество Болгария и так называемая Восточная Румелия объединились. Именно русско-турецкая война привела к образованию на Балканах новой политической единицы — болгарского государства, что обеспечило болгарскому народу возможность самостоятельного развития. В социально-экономическом отношении этот период, указывает акад. Хр. Христов, является рубежом между феодальной и капиталистической общественно-политическими формациями в Болгарии. Прекратила существование османская феодальная система в области землевладения и сельскохозяйственного производства. В промышленности

¹² «Дневник Д. А. Милютина», т. 3. М., 1950, с. 69—70.

были устранены препятствия для развития зародившихся в недрах феодализма новых производительных сил и созданы условия для утверждения буржуазного строя¹³.

Сотни памятников, увековечивших события тех дней, покрывают горы и долины Болгарии. Их воздвигли благодарные потомки. И к этим знакам признательности в наши дни прибавляются новые. В городе Плевен, в той самой крепости Плевна, к которой сто лет назад было приковано внимание всего мира, недавно создана величественная панорама. В ознаменование столетия Плевенской эпопеи город был награжден советским орденом Дружбы народов. Награда эта представляется символической — в 1877—1878 гг. народы объединили свои усилия для низвержения османской власти на Балканах.

Крупные социальные сдвиги произошли в ходе войны 1877—1878 гг. и после нее в Румынии. Завоевание независимости, пишут Н. Петряну и Н. Хускариу, «дало новый толчок экономическому и социальному развитию страны, оказало глубокое влияние на всю историческую эволюцию Румынии, позволило в большей степени утвердиться румынской нации как нации самостоятельной, определило значительные изменения в соотношении сил между классами, убило ритм исторического развития»¹⁴. Именно в итоге войны национальная буржуазия вышла на первое место в управлявшей страной политической коалиции с помещиками. А вместе с ускорением темпов капиталистического развития рос и креп антипод буржуазии — пролетариат.

Столь же значительные перемены произошли и в других районах Балкан.

На Западе было широко распространено мнение (в том числе и среди опытных политиков), что военные и дипломатические успехи России на Балканах чуть ли не автоматически приводили к усилению здесь, прочно и на длительное время, политических позиций царизма. Действительность, однако, свидетельствовала об обратном. Свержение и даже ослабление османской власти в том или ином районе, достигавшееся с помощью русских войск или дипломатии давало толчок развитию экономических и социальных процессов, выводило на арену общественной жизни новые силы во главе с молодой балканской буржуазией. Прогрессивные круги, дружески относившиеся к передовой России, ненавидели царизм; равнявшиеся к предпринимательской деятельности широкие буржуазные слои обращали свои взоры не к отсталому государству на востоке, а к западу, с которым были заинтересованы в экономическом и политическом сотрудничестве. Успехи России на Балканах в перспективе вели не к усилению, а к ослаблению влияния царизма в этом регионе.

События 70-х годов XIX в. в историографии на протяжении десятилетий освещались крайне односторонне: выяснялась политика правящих кругов, позиция верхних социальных страт, планы и действия армейского командования. Можно сказать, что подлинный творец истории, народ, оставался за кулисами буржуазной историографии. Второе, что следует отметить, — это явный уклон в сторону анализа политики великих держав. Известно, что за столом конгресса в Берлине ни болгары, ни сербы, ни черногорцы, ни румыны не сидели. В лучшем случае соглашались выслушать их пожелания. И поныне на страницах англосаксонских изданий разыгрываются «оборонительные» варианты трактовки роли британского империализма, будто бы защищавшегося от агрессии царской России

¹³ Хр. Х р и с т о в. Русия, западните държави и освобождението на България. «Исторически преглед», 1977, № 5—6, с. 21.

¹⁴ N. Petreanu, N. Huscaru. Independența și mutațiile survenite în viața social-politică a României. «Independența României». București, 1977, p. 321.

в Восточном Средиземноморье, а в ФРГ поддерживается тезис о беспристрастно-маклерской и миротворческой деятельности Бисмарка. Остаются нераскрытыми некоторые аспекты политики великих держав. Акад. А. Л. Нарочницкий подчеркивает поэтому, что анализ этой политики «еще во многом не завершен»¹⁵.

В исторической науке социалистических стран сделано уже немало. Перспективна тема революционных связей народов России и Балкан, разработка которой только началась. Появились лишь отдельные труды, посвященные Турции 70-х годов XIX столетия. Усилия историков СССР, балканистов и востоковедов, еще не сомкнулись.

Столетие освобождения балканских народов от чужеземного ига несомненно, послужит стимулом для активизации исследовательской работы по всем многообразным аспектам Балканского кризиса 70-х годов прошлого столетия.

¹⁵ А. Л. Нарочницкий. Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы. «Вопросы истории», 1976, № 11, с. 32.

В. КУЗЬМИН

ПРАЖСКИЙ ДОГОВОР 1973 ГОДА — ВКЛАД В ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Коренные изменения в пользу сил мира и социализма в последние годы позволили осуществить поворот от политики «холодной войны» к разрядке напряженности. Этот процесс нашел свое сконцентрированное выражение в успешном проведении совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. «Советский Союз, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — рассматривает результаты совещания не просто как подведение необходимого политического итога второй мировой войны. Это вместе с тем осмысливание будущего применительно к реальностям сегодняшнего дня. . . Едва ли кто будет отрицать, что результаты совещания являются тщательно взвешенным балансом интересов всех государств-участников. Поэтому относиться к ним необходимо особенно бережно»¹. Поворот от конфронтации к сотрудничеству явился важнейшим завоеванием миролюбивых сил.

Эти изменения не произошли сами по себе. «Успехи, достигнутые в оздоровлении политического климата планеты, стали возможны прежде всего благодаря возросшей мощи Советского Союза и других социалистических государств, их последовательной миролюбивой политики, настойчивой борьбе за мир широких народных масс на всех континентах»². Комплекс объективных и субъективных факторов в конце 60-х годов вынудил Запад к практическому поиску путей разумного диалога с мировым социалистическим содружеством. Правящие круги ведущих западно-европейских государств, в том числе и ФРГ, вынуждены были считаться с тем, что со странами социализма больше нельзя вести разговор с «позиции силы».

Осенью 1969 г. в результате затяжного правительственного кризиса к власти в Бонне пришло правительство «малой коалиции» во главе с социал-демократом В. Брандтом. В отличие от своих предшественников правительство В. Брандта вынуждено было согласиться с политическими и территориальными реальностями, сложившимися в Европе, и исходить из них в своей официальной политике. Жизнь подтвердила genialность ленинского предвидения о том, что основное противоречие нашей эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом — должно и может быть разрешено не с помощью войны, а путем соревнования двух систем³.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 336.

² «Постановление ЦК КПСС „О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции“». «Правда», 1977, 1 февраля.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 143.

В результате усилий Советского Союза и других социалистических стран, настойчиво проводивших линию на разрядку напряженности, в 1970 г. состоялось подписание московского договора между СССР и ФРГ. «Нормализация отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, — указывал Л. И. Брежнев, — это одно из важнейших событий в послевоенной истории Европы»⁴.

Московский договор во многом стимулировал созыв общеевропейского Совецания, начало переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и ускорил нормализацию отношений других социалистических государств с ФРГ. Еще в ходе советско-западногерманских переговоров была достигнута договоренность о том, что вопросы, связанные с недействительностью мюнхенского соглашения, будут обсуждены между ЧССР и ФРГ во взаимоприемлемой для них форме⁵. Важное значение для оздоровления обстановки в Европе, в том числе и для чехословацко-западногерманского урегулирования, имели беседы Л. И. Брежнева с В. Брандтом в Ореанде (1971) и визит Л. И. Брежнева в ФРГ (1973)⁶. В своих действиях, направленных на оправдание мюнхенского диктата⁷, ФРГ не раз в послевоенный период меняла тактические приемы⁸. В их основе лежали попытки законсервировать решение этой проблемы, а тем самым по существу отказаться от ее решения. «Правящие круги ФРГ за годы, прошедшие после Мюнхена, не сделали ничего, чтобы восстановить справедливость и аннулировать мюнхенский диктат»⁹. Поэтому от правительства В. Брандта требовалось проявление политической ответственности и трезвого учета обстановки в Европе для того, чтобы открыть новую страницу и в отношениях с Чехословакией. Выступая 27 октября 1969 г. на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве, Г. Гусак подчеркивал: «Нам хочется верить, что новое правительство Федеративной Республики Германии будет искренне стремиться к нормализации отношений с нашей страной и другими странами Центральной и Восточной Европы. Речь идет о целом ряде вопросов европейской безопасности, по которым имеются реальные возможности добиться прогресса в деле безопасности и мировой консолидации обстановки в Европе. . .»¹⁰.

Центральное место в урегулировании отношений ЧССР и ФРГ занимал вопрос об аннулировании мюнхенского соглашения 1938 г., ставшего прологом второй мировой войны. Его резко осудили все демократические и миролюбивые силы¹¹.

Мюнхенское соглашение противоречило международному праву, было грубым нарушением принципов суверенитета и государственной независимости Чехословакии, заключено без ее представителей. Оно было навязано Чехословакии силой, угрозой агрессии, приведшей в конце

⁴ Л. И. Брежнев. Там же, с. 420.

⁵ «Правда», 1973, 13 декабря.

⁶ «История внешней политики Советского Союза», т. II. М., 1975, с. 517.

⁷ 30 сентября 1938 г. Гитлер, Чемберлен, Даладьё и Муссолини подписали соглашение, по которому гитлеровской Германии отошли чехословацкие пограничные районы.

⁸ В связи с 30-летием мюнхенского соглашения 29 сентября 1968 г. в Бонне было заявлено, что мюнхенское соглашение было навязано Чехословакии под угрозой применения силы и поэтому оно «уже недействительно», что ФРГ стремится к добрососедским отношениям с Чехословакией и что ее границы для ФРГ бесспорны. Фактически бундестаг подтвердил свою прежнюю (декабрь 1966 г.) позицию по Мюнхену. Ее смысл состоял в том, что мюнхенское соглашение было действительным с 30 сентября 1938 г. по 15 марта 1939 г. См. подробно: «Rudé právo», 5 X 1968.

⁹ Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 97.

¹⁰ Там же, с. 15—16.

¹¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., Госполитиздат, 1948.

концов к ликвидации чехословацкого государства. Мюнхенское соглашение грубо попирало чехословацкую конституцию 1920 г., являлось нарушением Устава Лиги Наций (особенно статей 10, 16, 17, 20) и пакта Бриана-Келлога от 27 августа 1928 г. Из незаконности мюнхенского соглашения исходили главы держав антигитлеровской коалиции в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций¹². Международный трибунал в Нюрнберге квалифицировал эту сделку как неотъемлемую часть преступного нацистского заговора против мира¹³. Поэтому ЧССР могла подходить и подходила к решению данного вопроса только исходя из международно-правовой, моральной и политической недействительности с самого начала этого соглашения.

В опубликованной в газете «Руде право» 8 июня 1972 г. статье подчеркивалось, что нормализации чехословацко-западногерманских отношений нельзя достичь без признания в той или иной форме недействительности мюнхенского соглашения, даже при наличии реальных правовых трудностей.

Позиция делегации ФРГ, которая прибыла в Прагу в марте 1971 г. для ведения переговоров, отличалась от позиции ЧССР. Представители ФРГ стремились доказать, что мюнхенское соглашение было законным, но потеряло правовую силу в результате нарушения его Гитлером, т. е. не с 30 сентября 1938 г., а с момента оккупации Чехословакии гитлеровскими войсками 15 марта 1939 г. Представители ФРГ не раз пытались доказать, что аннулирование мюнхенского соглашения противоречит нормам международного права¹⁴. В ФРГ ссылались на позицию Англии, до сих пор формально не отказавшейся от подписи премьер-министра Н. Чемберлена¹⁵, хотя и осудившей во время войны захват Гитлером Чехословакии. Тем не менее представители ФРГ сознательно игнорировали позиции правительств Франции и Италии, подписавших мюнхенское соглашение, и впоследствии заявивших о его незаконности с самого начала¹⁶.

В западногерманской печати утверждалось, что в результате аннулирования мюнхенского соглашения ФРГ идентифицировала бы себя с гитлеровской Германией, и это позволило бы чехословацким органам преследовать судетских немцев, а также требовать полного возмещения причиненного Чехословакии ущерба за захват судетской области. Западногерманская сторона упорно отстаивала эту точку зрения вплоть до начала 1973 г.

Отрицательную позицию к проблеме недействительности мюнхенского соглашения занимали и западногерманские центры по изучению положения в социалистических странах. Аргументация их представителей основывалась на том, что с ликвидацией мюнхенского соглашения споры меж-

¹² «Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов». М., 1970, с. 400.

¹³ «Нюрнбергский процесс», т. I. М., 1965, с. 517—523.

¹⁴ Вместе с тем в ФРГ высказывались и единичные трезвые оценки, в которых подвергалась критике жесткая позиция клерикалов и функционеров переселенческих союзов по этому вопросу. См. полемику Ю.-В. Брюгеля с одним из противников нормализации отношений с ЧССР Р. Хильфом на страницах журнала «Osteuropa»: № 12, 1970, S. 839; № 11, 1972, S. 880; № 8, 1972, S. 618—639 и т. д.

¹⁵ См. И. Д. О с т о я - О в с я н ы й. Новое о Мюнхене (по материалам английских архивов). «Новая и новейшая история», 1969, № 4, 5; 1970, № 1. Опираясь на позицию Великобритании, западногерманская сторона утверждала, что многосторонний международный договор аннулировать путем двусторонних соглашений невозможно. По ее мнению, в результате аннулирования мюнхенского соглашения могли возникнуть трудности и в области гражданского права, но они, конечно, не были настолько серьезными, чтобы вызвать «хаос в международном праве», как о том писала печать ФРГ.

¹⁶ 29 IX 1942 г. Комитет Сражающаяся Франция, возглавляемый де Голлем, объявил мюнхенский диктат недействительным. Правительство Италии 26 IX 1944 г. заявило о недействительности этого акта, равно как и решения Венского арбитража от 2 XI 1938 г.

ду чехами и немцами якобы разрешены не будут, а признание ничтожности мюнхенского соглашения представлялось ими «чистым формализмом»¹⁷.

Чехословацко-западногерманские переговоры в 1971—1972 гг. проходили очень напряженно. В проект договора делегация ФРГ предлагала включить положение, фиксирующее сложившуюся общую границу ЧССР и ФРГ, и установить дипломатические отношения. Рассмотрение вопроса о недействительности мюнхенского соглашения представители ФРГ хотели отложить на более позднее время, так как опасались правовых последствий аннулирования мюнхенского соглашения. В Бонне считали, что признание его незаконности могло бы отразиться на государственной принадлежности судетских немцев в ФРГ¹⁸.

На ход переговоров негативное влияние оказывала внутривнутриполитическая борьба в ФРГ, активные выступления оппозиции против «восточной политики» правительства Брандта. Одновременно, в силу классовой неоднородности, в рядах самой СДПГ не было единого мнения по этому вопросу. Проблемы отношений с ЧССР явились предметом разногласий в СДПГ еще на ее съезде в Карлсруэ в 1964 г. после письма президента ЧССР канцлеру ФРГ, в котором содержался призыв нормализовать двусторонние связи¹⁹. Отношение СДПГ к мюнхенскому соглашению сформулировал на съезде Ф. Эрлер, который, в частности, заявил, что «речь идет о договоре, навязанном и нарушенном Гитлером, и ФРГ, по мнению съезда, не имеет права основывать на нем свои территориальные притязания»²⁰.

Позиция реалистических сил в СДПГ стала объектом сильного давления судетонемецкого землячества и «Союза изгнанных». Руководители этих организаций (В. Якш, Р. Рейтцнер, Б. Кёрберг и др.), занимая ответственные посты в СДПГ и возглавляя правую группировку партии, влияли на ее политику вообще и на внешнеполитические концепции в особенности. Позиция группы В. Якша фактически была тождественной концепциям бывших главных генлейновских активистов — В. Бехера, Вальтера Бранда, Ф. Бема и др.²¹. Скатившись на их платформу, В. Якш требовал изменения status quo в Европе в пользу западногерманского империализма и не исключал в этом процессе методы насилия.

Руководство СДПГ маневрировало между крайне правыми группировками и сторонниками нормализации отношений с социалистическими

¹⁷ R. Hilf. Deutsche und Tschechen. Bedeutung und Wandlungen einer Nachbarschaft im Mitteleuropa. Opladen-Leske, 1973, S. 118.

¹⁸ F. Wittman. Vor dem Abschluß des deutsch-tschechoslowakische Vertrag. «Politische Studien», 1973, № 210, S. 377; R. Hilf. Die tschechoslowakische Forderungen auf Ungültigkeit des Münchner Abkommens ab initio. «Osteuropa», 1970, № 12, S. 839.

¹⁹ «Stern», 1963, № 45, S. 202.

²⁰ J. Kvaček. K vývoje koncepcie «východní politiky» SPD. «Mezinárodní vztahy», 1972, № 4, s. 27.

²¹ Реваншизм В. Якша и его сторонников не являлся случайностью. Это процесс логического развития идеологии германской социал-демократии в чешских областях. Выступая против единства действий с КПЧ в домюнхенской Чехословакии, один из руководителей немецких социал-демократов в Чехии В. Якш уже тогда перешел на платформу германского буржуазного национализма. В 1936 г. свои политические концепции он сформулировал в книге «Народ и рабочие», что привело немецкую социал-демократию в Чехословакии к капитуляции перед генлейновским фашизмом. (См. «Европейская безопасность» М., 1962, с. 143—144.)

После Мюнхена В. Якш, эмигрировав в Англию, возглавил националистическое направление судетонемецкой эмиграции. Он выступал против восстановления Чехословакии в домюнхенских границах. Его деятельность была направлена не против германского империализма, а в определенной степени против экстремизма нацистской партии. В основу этой политики В. Якш положил мюнхенский диктат и требовал, чтобы после войны западные районы Чехословакии были оккупированы и управлялись западными державами.

странами. В своей речи В. Брандт, в частности, отмечал: «Мы не можем быть равнодушны к чувствам тех наших соотечественников, которых постигла судьба изгнанников. Они должны быть включены в орбиту нашей внутригерманской и внешней политики... Я надеюсь, что при решении проблем германской „восточной“ политики можно будет избежать одностороннего преувеличения и достичь наибольшего успеха в этой сложной области»²².

Во время переговоров с ЧССР западногерманская оппозиция предприняла нажим на правительство В. Брандта с целью сорвать переговоры. Представитель ХДС Р. Барцель настаивал, чтобы христианские демократы не признавали мюнхенский договор недействительным с самого начала. Представитель судетонемецкого землячества и депутат ХСС в бундестаге В. Бехер неоднократно выступал с требованием не заключать договора с Прагой «за счет судетских немцев»²³.

Накануне выборов в бундестаг в 1972 г. борьба между сторонниками и противниками реалистической внешней политики ФРГ приобрела особую остроту. В центре всей предвыборной борьбы была проводимая правящей коалицией «восточная политика». Несмотря на сложную обстановку, правительство СДПГ-СвДП продолжало осуществление курса на заключение договора с ЧССР.

Победа на выборах 1972 г. укрепила позиции коалиции. 18 января 1973 г. В. Брандт выступил в бундестаге с правительственным заявлением. Он выразил надежду, что в ближайшем будущем система двусторонних договоров о неприменении силы будет дополнена договором с Чехословакией на основе ликвидации мюнхенского соглашения. «Во внешнем плане, — говорилось в заявлении, — федеральное правительство будет последовательно продолжать свою политику развития добрососедских отношений... Мы будем добиваться широкого сотрудничества с государствами Восточной Европы в экономической, научно-технической и культурной областях... Федеральное правительство будет продолжать политический диалог с государствами Варшавского Договора»²⁴.

Заявление Брандта вызвало в стране широкий резонанс, несмотря на резкую критику оппозиции. Изложенная в нем внешнеполитическая программа была поддержана членами правительства ФРГ и большинством депутатов бундестага. Заместитель председателя СДПГ Г. Венер высказался за то, «...чтобы Бонн и Прага дали ясное определение, отвергающее гитлеровскую агрессию» и всему тому, «с чем связано мюнхенское соглашение»²⁵. Он сослался на обмен письмами между председателем правительства ЧССР и канцлером ФРГ (сентябрь — октябрь 1972 г.), которые, по его мнению, конкретизировали позиции обоих правительств.

В Чехословакии заявление В. Брандта было встречено как подтверждение курса правительства ФРГ, направленного на нормализацию отношений с ЧССР. На февральском (1973) Пленуме ЦК КПЧ Г. Гусак, в частности, отмечал: «Мы с интересом восприняли заявление канцлера Вилли Брандта, выразившего готовность урегулировать отношения между ФРГ и ЧССР. Мы считаем, что назрело время для проведения официальных переговоров между правительствами обеих стран и готовы приступить к ним в любое время. При наличии доброй воли с обеих сторон можно достичь соглашения и найти взаимоприемлемую позицию... Это отвечало бы интересам Чехословакии и ФРГ, а также интересам мира и

²² J. Kvaček. Ibid.

²³ Ibid., s. 32.

²⁴ «Правда», 1973, 19 января.

²⁵ «Práse», 24 II 1973.

безопасности в Европе»²⁶. ЧССР вновь подчеркнула, что время для официальных переговоров наступило. В марте 1973 г. заместитель министра иностранных дел ЧССР И. Гётц и статс-секретарь ФРГ П. Франк обменялись письмами, а 13 апреля руководители делегаций рекомендовали «своим правительствам начать официальные переговоры по вопросу о заключении договора»²⁷.

Настойчиво проводя курс на разрядку напряженности, правительство ЧССР рассматривало ход переговоров с ФРГ не только как процесс нормализации двусторонних отношений, но и как закрепление реалистического подхода правящих кругов ФРГ к формированию общеевропейской безопасности. И. Гётц в интервью для печати подчеркивал: «Обе делегации отдавали себе отчет в том, что речь идет не только о двусторонних делах, но и о том, что наконец мы должны увязать отношения между двумя соседними странами с позитивными тенденциями в Европе»²⁸.

Официальные переговоры между ЧССР и ФРГ проходили с 7 по 11 мая в Праге и 23—25 мая 1973 г. в Бонне, в ходе которых был согласован проект договора и сопроводительных документов по так называемым гуманитарным вопросам. В Бонне 20 июня 1973 г. состоялось парафирование договора, а 21 июня его текст был опубликован в печати.

При парафировании договора Б. Хнёупек и В. Шеель обменялись речами. Высоко оценивая договор, Б. Хнёупек подчеркнул: «Можно надеяться, что договор вступит в силу в ближайшее время и тем самым будет создана основа для нормализации отношений». Одновременно министр иностранных дел ЧССР охарактеризовал договор как конструктивный вклад в процесс разрядки напряженности²⁹. В. Шеель отметил, что договор призван открыть новую главу в истории отношений между двумя государствами, что он подтверждает намерения партнеров развивать добрососедские отношения на основе отказа от политики силы³⁰. В Бонне была достигнута договоренность о том, что канцлер и министр иностранных дел ФРГ посетят ЧССР с официальным визитом в начале сентября 1973 г. «Путь в Прагу для федерального канцлера В. Брандта и министра иностранных дел В. Шееля был открыт»³¹.

Положительная оценка успешному ходу чехословацко-западногерманского урегулирования была дана на встрече руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Крыму (июль 1973 г.). В заявлении Президиума ЦК КПЧ к итогам Крымской встречи подчеркивалось: «Чехословацкие коммунисты ценят, что благодаря совместным действиям были созданы благоприятные условия для того, чтобы в соответствии с жизненными интересами народов Чехословакии могли быть решены столь важные вопросы, как урегулирование наших отношений с ФРГ на основе договорного признания недействительности мюнхенского соглашения. Это будет способствовать нормализации и углублению взаимных отношений ЧССР с ФРГ»³².

Перед ЧССР и ФРГ открывались широкие перспективы сотрудничества. Однако против договора продолжалось вестись массированное наступление оппозиции. Депутат ХДС в бундестаге Ф. Витман летом 1973 г. в газете «Ди Вельт» выступил с резкой критикой договора, назвав его «чрезвычайно опасным компромиссом». Председатель землячества судет-

²⁶ Г. Г у с а к. Там же, с. 924.

²⁷ «Rudé právo», 14 IV 1973.

²⁸ Ibid., 21 VI 1973.

²⁹ Ibid.

³⁰ «Svobodné slovo», 21 VI 1973.

³¹ «Spiegel», 1973, № 51, S. 17.

³² «Život strány», 1973, № 16, s. 3.

ских немцев В. Бехер во время проведения очередного собрания в Мюнхене (июнь 1973 г.) потребовал изменения договора с Прагой и, прежде всего, осуждения переселения немцев из чехословацких пограничных областей. В этом его поддержал неонацистский еженедельник «Националь дайтунг», заявивший в провокационной статье, что правительство «преклонило колени перед Прагой»³³.

Накал борьбы вокруг договора продолжал усиливаться. Правые силы в качестве мишени выбрали главу делегации ФРГ на переговорах П. Франка, который занял двойственную позицию. В письме, направленном им Совету судетонемецкого землячества и в адрес газеты «Судетендейче дайтунг», П. Франк пытался доказать, что выселение, осуществленное согласно Потсдамским соглашениям, «было незаконным»³⁴. Чехословацко-западногерманские переговоры серьезно осложняли вмешательство ФРГ в дела Западного Берлина. В ходе обсуждения сопроводительных документов к пражскому договору западногерманская делегация (9—10, 10—22 августа 1973 г.) предприняла попытку добиться от ЧССР согласия на осуществление посольством ФРГ в Праге консульских функций в полном объеме в отношении Западного Берлина, в том числе и в сфере оказания правовой помощи. Это был, как писал западногерманский журнал «Шпигель» «августовский ультиматум» боннского правительства. Такое осуществление предоставляло бы посольству ФРГ право выступать от имени судов и официальных учреждений Западного Берлина и означало бы согласие с противоправными претензиями ФРГ на Западный Берлин, с ее попытками рассматривать Западный Берлин как «землю ФРГ». В этой связи важно подчеркнуть, что стержнем четырехстороннего соглашения СССР, США, Великобритании и Франции от 3 сентября 1971 г., ставшего существенным шагом в ослаблении напряженности в Европе, наряду с обязательствами его участников «способствовать устранению напряженности и предотвращению осложнений» в районе Западного Берлина, является положение о том, что связь между западными секторами Берлина и ФРГ будет осуществляться с учетом того, что они по-прежнему не являются составной частью ФРГ³⁵. В оговоренном четырехсторонним соглашением порядке представительства западноберлинских интересов в международных делах сказано, что оно ограничено консульским обслуживанием постоянных жителей Западного Берлина, представительством западноберлинских интересов в международных организациях, на конференциях. Допускается также распространение на Западный Берлин международных соглашений, заключаемых ФРГ. Но все это может иметь место лишь при условии, что вопросы безопасности и статуса города затрагиваться не будут.

Тем не менее на ЧССР с резкими нападками обрушилась западногерманская буржуазная печать. Она стала обвинять Чехословакию в нежелании уступить в решении «технических вопросов» и излишне «узком» толковании четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. В Бонне было объявлено, что визит канцлера В. Брандта в Прагу не состоится в ранее намеченные сроки. Оппозиция стала требовать проведения жесткой линии в отношениях с Чехословакией. Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС В. Маркс заявил, что в противном случае канцлер Брандт не встретит никакой поддержки со стороны ХДС/ХСС.

Акциям дипломатического давления Бонна ЧССР противопоставила принципиальную позицию. Руководствуясь согласованной линией социалистического содружества в отношении ФРГ, ЧССР решительно от-

³³ «Rudé právo», 21 VI 1973.

³⁴ «Nová mysl», 1973, № 10, s. 1330.

³⁵ «Правда», 1971, 4 сентября.

ставала четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. «Чехословакия, — писала „Руде право“, — которая последовательно соблюдает международные договоры, не может по принципиальным соображениям действовать в противоречии с четырехсторонним Соглашением по Западному Берлину. Чехословакия не является участником этого Соглашения и не имеет права действовать в противоречии с ним. По таким же принципиальным соображениям мы считаем своей важной и неотложной задачей борьбу против искажения смысла этого Соглашения и нападков на него»³⁶.

Желаемых Бонном результатов не дали и переговоры в Праге (27—28 августа 1973 г.) депутата бундестага, члена президиума СДПГ Б. Фридриха. Тем не менее не все члены бундестага разделяли такой подход правительства ФРГ. Г. Венер, выражая беспокойство по поводу решения отложить визит Брандта, заявил, что Бонн «перегнул палку»³⁷.

Однако стороны смогли найти выход из сложившегося положения. Этому способствовали советско-западногерманские договоренности. 3 ноября 1973 г. в Москве А. Громыко и В. Шеель обменялись мнениями по вопросам, связанным с практическим осуществлением четырехстороннего соглашения по Западному Берлину³⁸. Московская встреча дала возможность сблизить позиции сторон на переговорах между ФРГ и ЧССР³⁹. Представитель правительства ФРГ А. Грюневальд заявил, что некоторые вопросы в оказании правовой помощи гражданам Западного Берлина будут урегулированы позднее. Правительства ЧССР и ФРГ обменялись вербальными нотами, в которых указывалось, что при решении этих проблем ЧССР и ФРГ будут руководствоваться советско-западногерманскими договоренностями от 3 ноября 1973 г.⁴⁰. Так был выбит еще один козырь, которым оппозиция пыталась воспрепятствовать нормализации отношений. Путь к ней был открыт.

11 декабря 1973 г. в Прагу прибыли В. Брандт и В. Шеель. В тот же день договор о взаимных отношениях Чехословакии и ФРГ был подписан.

Комментируя это событие, министр иностранных дел ЧССР Б. Хнѳепек отмечал: «Мы понимаем наш Договор с ФРГ как вклад ЧССР в общее дело борьбы за мир, безопасность и международное сотрудничество, импульс которому дала известная Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС»⁴¹. Правительства ЧССР и ФРГ приняли решение установить дипломатические отношения со дня подписания договора на уровне посольств. 24 апреля 1974 г. в Бонне приступил к исполнению своих обязанностей посол ЧССР в ФРГ И. Гётц⁴².

В преамбуле договора ЧССР и ФРГ, выражая свою готовность создать прочные основы для развития добрососедских отношений, крепить мир и безопасность в Европе, убежденные необходимостью соблюдать цели и принципы Устава ООН, зафиксировали моральное осуждение мюнхенского соглашения 1938 г., которое «было навязано Чехословацкой Республике нацистским режимом под угрозой применения силы»⁴³. В статье I договора мюнхенское соглашение объявлялось ничтожным⁴⁴. Разъяснение этой формулировки дается в ст. 52 Венской конвенции о

³⁶ «Rudé právo», 4 IX 1973.

³⁷ Ibid., 8 XII 1973.

³⁸ «Правда», 1973, 4 ноября.

³⁹ «Spiegel», 1973, № 50, S. 20.

⁴⁰ «Rudé právo», 6 XII 1973.

⁴¹ «Международная жизнь», 1974, № 2, с. 139.

⁴² «Rudé právo», 25 IV 1974.

⁴³ «Международная жизнь», 1974, № 2, с. 154.

⁴⁴ «Rudé právo», 12 XII 1973.

праве международных договоров. Там указывается, что «договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силы или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенного в Уставе ООН». Наиболее полная характеристика данной формулировки содержится в советско-чехословацком Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 6 мая 1970 г., в котором провозглашено, что «Мюнхенское соглашение было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляло собой составную часть преступного заговора фашистской Германии против мира и грубое нарушение основных норм международного права...»⁴⁵. Хотя формулировка, зафиксированная в пражском договоре от 11 XII 1973 г., и не носит столь развернутого характера, она отвечает справедливым требованиям Чехословакии и удовлетворяет пожеланиям ФРГ. Договор не затрагивает юридических последствий, вытекающих из права, применявшегося с 30 сентября 1938 г. до 9 мая 1945 г., не изменяет гражданства живущих и умерших, вытекающего из правопорядка каждой из сторон. Оба государства признали действующими некоторые юридические акты, вытекающие из применения германского права в чехословацких пограничных областях в период с 30 сентября 1938 г. до 9 мая 1945 г. Речь идет только о частных правовых актах (о браках, разводах, гражданско-правовых решениях судов, о нотариате, патентах и лицензиях).

Принципиальное значение для ЧССР и ФРГ имеют договоренности, содержащиеся в ст. IV. В ней зафиксировано, что в своих взаимоотношениях, а также в вопросах обеспечения безопасности в Европе, ЧССР и ФРГ не будут иметь каких-либо территориальных претензий друг к другу и не будут выдвигать такие претензии в будущем⁴⁶. Пражский договор подтвердил принцип нерушимости и неприкосновенности общей границы ЧССР и ФРГ, принцип отказа от угрозы силой или ее применения в вопросах, затрагивающих европейскую и международную безопасность. ЧССР и ФРГ обязались решать свои споры исключительно мирными средствами (ст. III). В договоре сформулирована готовность обеих стран к расширению «сотрудничества в области экономики, науки, научно-технических и культурных связей, охраны окружающей среды, спорта, транспортных и других отношений, отвечающих интересам обеих стран» (ст. V)⁴⁷. Таким образом, пражский договор создал прочную основу, которая позволяет развивать чехословацко-западногерманские отношения на основе принципов мирного сосуществования.

Во время пребывания В. Брандта и В. Шееля в Праге 12 декабря 1973 г. состоялись чехословацко-западногерманские переговоры. В опубликованном коммюнике были изложены цели и задачи этого визита, в центре которого находилось подписание договора о взаимоотношениях между ЧССР и ФРГ. Представители обоих государств высказались за развитие двустороннего сотрудничества⁴⁸. Но если пражский договор позволил найти общий подход двух стран к развитию двусторонних отношений, то переговоры подтвердили, что по целому ряду вопросов мировой и европейской политики ЧССР и ФРГ занимают противоположные позиции.

Во время чехословацко-западногерманских переговоров большое внимание было уделено проблемам экономического сотрудничества. К их числу относились требования чехословацкой стороны о ликвидации

⁴⁵ «Советско-чехословацкие отношения. 1961—1971. Документы». М., 1975, с. 488—489.

⁴⁶ «Международная жизнь», 1974, № 2, с. 154.

⁴⁷ «Rudé právo», 12 XII 1973.

⁴⁸ Ibid., 13 XII 1973.

дискриминационного для ЧССР внешнеторгового режима в ФРГ, обоюдное стремление к усилению кооперационных связей, более активное совместное сотрудничество на рынках третьих стран⁴⁹. Стороны пришли к договоренности приступить к обсуждению этих вопросов⁵⁰. Представители ФРГ попытались сконцентрировать свое внимание на так называемых гуманитарных вопросах. В. Шеель обратился к чехословацкой стороне с просьбой благожелательно решить вопросы, связанные с переселением чехословацких граждан немецкой национальности в ФРГ в рамках воссоединения семей⁵¹. Чехословацкая сторона выразила готовность рассмотреть эти вопросы в духе согласованных документов.

После подписания пражского договора 21 декабря 1973 г. были установлены дипломатические отношения Венгрии и Болгарии с ФРГ⁵².

Оппозиция в ФРГ в вопросах нормализации отношений с ЧССР терпела одно поражение за другим. Тем не менее подготовка к ратификации пражского договора (январь 1974 г.) проходила в сложной борьбе с противниками разрядки напряженности. Оппозиция и реваншистские силы решили торпедировать ратификацию договора с ЧССР. Несмотря на заявление Г.-Д. Геншера во время первого чтения проекта договора в бундесрате (март 1974 г.) о том, что пражский договор обращен в будущее, представители оппозиционного блока выступили с нападками на договор. В бундесрате, где большинство депутатов являлись представителями оппозиционных партий, пражский договор в июне 1974 г. был отклонен. Отказ от ратификации договора явился составной частью широкой атаки правых сил ФРГ против разрядки напряженности. В эту борьбу активно включилось землячество судетских немцев. Депутат ХСС В. Бехер обвинил правящую коалицию в предательстве и заявил, что договор с Прагой «препятствует примирению чехов и немцев»⁵³. Ф. Витман в интервью газете «Судетендейче цайтунг» заявил: «Договорами мы никогда не достигнем примирения. Хотя формально мы будем соблюдать заключенные договоры, но интерпретировать их будем по-своему»⁵⁴.

Осуществление своих замыслов лидеры оппозиции возлагали на изменение политического курса ФРГ в связи с уходом В. Брандта с поста канцлера. Однако их расчеты не оправдались. В правительственном заявлении 17 марта 1974 г. отмечалось, что правительство ФРГ будет продолжать политику нормализации отношений с социалистическими странами. Новый канцлер Г. Шмидт подчеркнул, что договор между ЧССР и ФРГ должен быть в ближайшее время ратифицирован⁵⁵. 6 июня 1974 г. на заседании Юридического комитета бундестага большинством голосов было принято решение о том, что с точки зрения западногерманской конституции и международного права у Комитета нет возражений против ратификации договора с ЧССР. Комитет отверг предложения ХДС/ХСС отклонить пражский договор.

Правительственное заявление Г. Шмидта вызвало разочарование в правых оппозиционных кругах ФРГ. Во время решения вопроса о ратификации договора с Чехословакией оппозиция вновь усилила свое давление на правительство Шмидта. Перед вторым и третьим чтением договора В. Бехер летом 1974 г. выступил на собрании судетских немцев в Нюрнберге и призвал бундестаг отказаться от договора с Прагой. На

⁴⁹ Чехословакия является государством — учредителем Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ).

⁵⁰ «Spiegel», 1973, № 51, S. 19.

⁵¹ Ibid., S. 19—20.

⁵² «Правда», 1973, 22 декабря.

⁵³ «Rudé právo», 22 III 1974.

⁵⁴ Ibid., 8 IV 1974.

⁵⁵ Ibid., 18 V 1974.

реваншистском сборище 8 июня 1974 г. в Бонне был принят ряд злобных античехословацких резолюций⁵⁶.

Выходками реваншистов была глубоко обеспокоена чехословацкая общественность. По поводу состоявшегося в июне 1974 г. в Нюрнберге 25-го слета судетских немцев МИД ЧССР выступило с нотой протеста⁵⁷. В ней подчеркивалось, что этот слет был полон ненависти к Чехословакии, социалистическим странам, политике разрядки напряженности и пронизан духом реваншизма⁵⁸. Осуждая это сборище, газета «Праце» подчеркивала, что судетонемецкие дни «были самым злобным актом, направленным против нормализации отношений между ЧССР и ФРГ». Выступление В. Бехера было квалифицировано газетой как «самый резкий выпад против Договора между ФРГ и ЧССР»⁵⁹. Нелепость подстрекательских выпадов в Нюрнберге была настолько очевидна, что их немедленно осудили представители СДПГ.

19 июня 1974 г. в обстановке острых дебатов в бундестаге началось заключительное чтение договора, а 20 июня он был утвержден. Из присутствовавших на заседании бундестага 422 депутатов за проголосовало 232, против — 190. 10 июля 1974 г. бундестаг большинством голосов окончательно отверг возражения оппозиции против пражского договора⁶⁰.

Перед голосованием в бундестаге выступили представители отдельных его фракций. Депутат от СДПГ Б. Фридрих заявил, что социал-демократы выступают за ратификацию договора потому, что «спустя 29 лет после окончания войны пришло время, чтобы в отношениях между обоими народами была окончательно подведена черта под злополучным прошлым и чтобы два народа, живущие и граничащие в центре Европы как соседи, в конце концов установили нормальные отношения»⁶¹. Б. Фридрих подверг критике оппозиционные партии, отвергавшие договор между ЧССР и ФРГ. Депутат от СвДП д-р Гоппе также поддержал представителя СДПГ. Позицию ХДС/ХСС о договоре с ЧССР изложил депутат ХДС В. Маркс. Он обрушился на договор с нападками, назвав его «невзвешенным». Представитель ХДС выступил против аннулирования мюнхенского диктата. Во время голосования из 429 депутатов 262 проголосовали против вето бундесрата и 167 выступили за⁶². Это означало, что коалиция СДПГ — СвДП получила на 13 голосов больше, чем этого требовал минимум.

Отношение реалистических кругов ФРГ к вопросу ратификации договора было положительно встречено в ЧССР. В этой связи министр иностранных дел ЧССР Б. Хнѣупек отмечал: «Мы ценим усилия тех сил в правительственных, экономических и иных кругах ФРГ, которые проводят политику делового сотрудничества и добрососедства с ЧССР»⁶³.

15 июня 1974 г. в Праге состоялась сессия Федерального Собрания ЧССР. На ней присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, члены Президиума, секретари ЦК КПЧ, члены правительства, представители общественных организаций, а также посол ФРГ в ЧССР. Обсуждался вопрос о ратификации пражского договора 1973 г. С изложением позиции ЧССР выступил Б. Хнѣупек. Он обратил внимание депутатов на то, что пражский договор явился отражением процессов, наиболее ха-

⁵⁶ Ibid., 11 VI 1974.

⁵⁷ «Lidová demokracie», 4 VI 1974.

⁵⁸ «Rudé právo», 4 VI 1974.

⁵⁹ «Práce», 4 VI 1974.

⁶⁰ «Rudé právo», 11 VII 1974.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid., 20 VI 1974.

рактрных для современной международной обстановки, когда создаются условия перехода от политики «холодной войны» к разрядке напряженности. Этот поворот, говорил Б. Хнёупек, был достигнут благодаря координированной и принципиальной политике стран социалистического содружества, благодаря последовательной политике СССР, тому «мирному наступлению», которое было провозглашено XXIV съездом КПСС⁶⁴. Чехословацкий парламент ратифицировал пражский договор единогласно.

Для обмена ратификационными грамотами в Бонн 18 июля 1974 г. вылетел Б. Хнёупек, а 19 июля 1974 г. договор вступил в силу⁶⁵. В речи на церемонии обмена грамотами министр иностранных дел ЧССР отметил историческое значение договора в развитии отношений между ЧССР и ФРГ. Он подчеркнул, что в ЧССР «Договор рассматривается как победа разума и реализма», который покончил с прошлым и создал реальные возможности для равноправного сотрудничества и добрососедства. «Тем, что наш Договор вступает в силу, в наших отношениях открывается новый этап — этап добрососедского сотрудничества. Мы далеко не исчерпали все возможности. Это касается самых различных областей, где наши развитые страны имеют широкое поле деятельности»⁶⁶. Министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер в своем выступлении подчеркнул, что пражский договор дает «новую ориентацию» в западногерманско-чехословацких отношениях, представляя собой «рубеж между прошлым и будущим»⁶⁷.

Заключение и ратификация договора о взаимных отношениях ЧССР и ФРГ явились крупной победой чехословацкой внешней политики, которая с помощью Советского Союза и других социалистических стран смогла вывести чехословацко-западногерманские отношения на уровень нормального делового сотрудничества. Пражский договор не только отвечал интересам чехословацкого народа, но и содействовал формированию фундамента европейской безопасности наряду с московским, варшавским, берлинским договорами и четырехсторонним соглашением по Западному Берлину.

Агрессивная политика гитлеровской Германии и других империалистических держав Запада получила международно-правовое, моральное и политическое осуждение в официальном документе, подписанном правительством ФРГ. Была подтверждена нерушимость чехословацко-западногерманских границ, зафиксирован отказ от всяких территориальных притязаний. Пражский договор явился крупным вкладом в международно-правовое признание принципа неприкосновенности границ и неприменения силы, в дальнейшее укрепление европейской безопасности, что позже нашло свое выражение в 10 принципах Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки.

Весь ход процесса нормализации отношений ЧССР с ФРГ показал, что чехословацкая сторона, опираясь на поддержку всего социалистического содружества, демократические силы в ФРГ, должна была вести решительную борьбу за каждый шаг по пути нормализации двусторонних отношений, поскольку оппозиция в ФРГ сделала свою борьбу против нормализации чехословацко-западногерманских отношений составной частью реваншистской стратегии, направленной на торпедирование процесса разрядки, на срыв политики урегулирования отношений ФРГ с социалистическими странами.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid., 20 VII 1974.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ «Lidová demokracie», 20 VII 1974.

Высокая оценка чехословацко-западногерманскому урегулированию была дана в решениях XV съезда КПЧ. В отчетном докладе ЦК партии съезду Г. Гусак подчеркивал: «Для нас особенно важно урегулирование положения в Европе, в частности нормализация отношений социалистических стран с ФРГ на основе признания бесспорных реальностей, прежде всего отказа от любых притязаний на насильственное изменение существующих границ»⁶⁸. В договоре с ФРГ, говорил Г. Гусак, был окончательно признан недействительным мюнхенский диктат 1938 г. и принято обязательство взаимно уважать территориальную целостность и нерушимость границ между ЧССР и ФРГ. Историческим фактом явилось то, что этот шаг был осуществлен благодаря последовательному политическому курсу КПЧ, ее марксистско-ленинского руководства. «Мы окончательно подводим черту под прошлым и исправляем грехи буржуазной республики», — говорил министр иностранных дел ЧССР Б. Хнёупек⁶⁹.

Ратификацией договора о взаимных отношениях ЧССР и ФРГ завершился наиболее сложный этап нормализации отношений стран социализма с ФРГ. Это был выдающийся результат соединенных усилий социалистических государств и это дало возможность подтвердить в международном масштабе нерушимость западных границ ГДР, ПНР и ЧССР. Как подчеркивалось в решениях XXV съезда КПСС, «теперь и юридически окончательно перечеркнут мюнхенский диктат. Закреплены важнейшие итоги освободительной борьбы европейских народов в годы второй мировой войны и после нее. Созданы предпосылки для устойчивого мира и добрососедского сотрудничества как в Европе, так и за ее пределами»⁷⁰.

⁶⁸ «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., 1977, с. 86.

⁶⁹ «Rudé právo», 16 VII 1974.

⁷⁰ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 7.

МАРИАН ВОЙЦЕХОВСКИЙ

КОНСЕРВАТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ПОЛЬША (1933—1944)

Консервативная оппозиция Гитлеру в Германии была сначала связана с «системой III рейха», существовавшей с 30 января 1933 г. Она сотрудничала с правительством, причем не на низших уровнях власти. В качестве примера здесь можно привести Ульриха фон Хасселля, который до 1937 г. оставался на дипломатической службе, Карла Герделера, обер-бургомистра Лейпцига, позднее имперского комиссара цен, назначенного на эту должность самим Гитлером, или же высших военных чинов. Такое положение объяснялось тем, что национал-социалисты сохранили старый, веймарский государственный аппарат и старые кадры военных. «Гомогенность системы государственного управления, — пишет Ганс Моммзен,¹ — несмотря на создание новых министерств, продолжала сохраняться». Таким образом, консервативная оппозиция вышла из государственного и военного аппарата, более того, значительная часть участников этого движения вплоть до 20 июля 1944 г. оставалась на службе. Это не могло не влиять на разработку программ о будущем (после успешной ликвидации национал-социалистской системы правления) Германии.

В данной статье хотелось бы остановиться на оппозиции, сформировавшейся в немецких правых консервативных кругах, связанной, как уже было сказано, с национал-социалистским аппаратом власти. Ограничение темы обусловлено той ролью, которая отводилась Польше в программе этого движения, ролью достаточно значительной.

По своему социальному происхождению деятели рассматриваемого нами немецкого движения были связаны прежде всего с прусской аристократией (армия) и прусским чиновным сословием и в политическом отношении тяготели к немецкому национализму.

Сейчас можно оставить в стороне мотивы их борьбы с гитлеризмом, хотя нужно отметить, что они носили не только моральный, но и политический характер: это было стремление сохранить для Германии позицию гегемона в Европе, используя успехи, достигнутые в этом отношении Гитлером.

Центральной фигурой этого движения был К. Герделер, происходивший из прусского чиновного сословия. Родившись в Пиле (Шнайдемюль) в 1884 г., сформировавшись духовно еще в вильгельмовской Германии, он воспитывался в Повислье, в Квидзыне (Мариенвердер)². Следовательно,

¹ H. M o m m s e n. Beamtenum im Dritten Reich. Mit ausgewählten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik. Stuttgart, 1966, S. 14.

² G. R i t t e r. Carl. Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956, S. 21 nn.

он был человеком «немецкого востока», считал себя знатоком польских проблем. Еще в марте 1943 г. в секретном меморандуме, адресованном немецкому генералитету, он писал, что «включение Польши в состав Германии для нас тоже отнюдь не было бы благодатью»³. В этих словах обнаруживается представление о тех трудностях, с которыми сталкивался в польском вопросе еще «железный канцлер», а также, вероятно, и понимание необходимости встать на реалистическую почву — признать существование польского государства. Ибо еще в 1919 г. Герделер писал, что «единственная возможность спасти немецкую нацию на востоке и восточную границу рейха — это военное подавление Польши»⁴. В это же время Герделер активно участвовал в подготовке предусмотренного Версальским договором плебисцита в Восточной Пруссии. Следовательно, польские проблемы не были ему чужды, и это не могло не сказаться в рассуждениях о будущем Германии после ликвидации национал-социалистического господства. Тем более, что именно перу Герделера принадлежит наиболее конкретная программа внутренней и внешней политики Германии после устранения Гитлера от власти и заключения мира с западными государствами⁵.

В период межвоенного двадцатилетия Герделер не занимался польскими вопросами, однако нам известно его мнение по поводу подписанной 26 января 1934 г. польско-немецкой декларации о неприменении силы. Он критиковал Гитлера за мнимый, как позднее оказалось, отказ от территорий, переданных по Версальскому договору Польше⁶. Эту точку зрения тогда выражала проживавшая там часть немцев,⁷ и таким образом, Герделер был не одинок в своей оценке. Характерно, что подобным образом трактовали эту декларацию и находившиеся в эмиграции немецкие социал-демократы⁸.

В 1939 г. Герделер писал: «Нет никакого сомнения в том, что немецкая армия должна стать мощной во всех отношениях, поскольку определенные вопросы будущего Германии могут быть решены только при введении в дело войск, в частности, возвращение польского коридора и вообще пересмотр восточных границ. . . Впрочем, по-настоящему ни один народ в Европе не хочет войны, которая в течение многих лет препятствовала бы возвращению к привычному укладу жизни и уничтожила бы существенные основы культуры». Польский вопрос рассматривается здесь, как бы мы сказали сегодня, в категориях локальной войны.

В интересах истины и без намерения проводить аналогии публицистического характера следует отметить, что, развязывая войну с Польшей, Гитлер имел в виду именно локальную войну. Тогда в его планы не входило развязывание европейской войны — она должна была начаться позднее, однако вышло по-другому. Здесь уместно заметить, что войну с Польшей Гитлер мог себе позволить, кроме прочего, и потому, что она пользовалась популярностью у части населения и молчаливой поддержкой консервативных правых кругов, как гражданских, так и военных. Это не значит, что мы не учитываем при этом, например, напрасных и, к сожалению, несколько гротескных усилий Ульриха фон Хасселля в конце августа

³ Ibid., aneks VII, S. 606.

⁴ Ibid., S. 27.

⁵ Ibid., S. 340.

⁶ Ibid., S. 74.

⁷ M. Wojciechowski. Die polnisch-deutschen Beziehungen 1933—1938. Leiden, 1971, S. 81.

⁸ A. Czubiński. Wybrane problemy z dziejów polskiego i międzynarodowego ruchu robotniczego. Warszawa, 1977, s. 232.

1939 г., направленных на предотвращение войны⁹. Однако мы знаем, что ценой мира должны были стать территориальные уступки со стороны Польши. За год до неудачного покушения на Гитлера, 20 июля 1943 г., Хассель записал в своем дневнике: «Не было никаких оснований для утверждений Гитлера, будто бы Англия после Мюнхена решила напасть на Германию, как только она станет для этого достаточно сильной. Напротив, английское решение было направлено на то, чтобы, учитывая опыт предшествовавших событий и не доверяя гитлеровским уверениям, привести в готовность свои вооруженные силы для оказания сопротивления повторной акции Гитлера. При этом в высшей степени вероятно, что при умелой политике Германии Англия не могла бы воспрепятствовать ликвидации коридора в благоприятный момент»¹⁰.

Будущее, которое предуготовлялось Польше в планах немецких консервативных правых кругов, должно рассматриваться в контексте общих установок в сопоставлении с постулируемой системой как внутренней, так и внешней политики Германии. Как уже отмечалось, наиболее конкретизированная такая программа принадлежит Герделеру. Она была систематизирована в записях, сделанных уже в тюрьме гестапо в сентябре 1944 г. Это была очень консервативная программа, обращенная к тому же к старогерманским традициям, не чуждым национал-социализму. Она постулировала создание авторитарного государства как средства избежать политической мозаики Веймарской республики и ее бесславного конца. Авторитарное государство должно было также препятствовать распространению марксизма в послевоенной Германии. Герделер полагал, что марксизм якобы скомпрометировал себя и не может больше быть основой какой-либо партии, «столь же мало (это хотелось бы подчеркнуть. — прим. автора) разрешается церкви проводить надпартийную политику. В этом направлении не допускается никаких догматических решений. Здесь начинается политическое искусство, в котором мастерами упражнялся Бисмарк. Он допустил лишь одну государственную ошибку — боролся с рабочим движением, превратив таким образом рабочих в противников государства, вместо того чтобы сделать их его опорой»¹¹. Понимаемое таким образом государство, свободное как от марксизма, так и от влияния церкви на политическую жизнь, должно было управляться конституционным монархом, либо из династии Гогенцоллернов, либо — Виттельсбахов. Если бы это оказалось невозможным, то во главе государства должен был встать регент или президент рейха, причем после его избрания на этот пост в третий раз он должен был оставаться на нем пожизненно. Здесь чувствуется отголосок квазирегентства Пауля фон Гинденбурга.

Управляемая таким образом Германия должна была быть поделена на административные единицы — старогерманские гау, в соответствии с традиционным делением Германии до 1871 г. Еще ранее, на рубеже 1940—1941 гг., Герделер составил список этих будущих областей¹²; среди них оказались: Западная Пруссия, Вартегау или Познань, Верхняя Силезия, а также Эльзас и Австрия. Польского историка поражает принятие гитлеровской терминологии разделения рейха на партийные округа — гау, а также предложение сохранить гитлеровское административное новообразование: Вартегау, не говоря уже о стремлении удержать под властью Германии территории бывших прусских владений, Эльзаса и Австрии. Почему Герделер не включил в этот список Судеты?

⁹ Vom andern Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938—1944 von Ulrich von Hassell. Zürich, 1946, S. 79 nn.

¹⁰ Ibid., S. 323.

¹¹ G. Ritter. Ibid., aneks I, S. 569 nn.

¹² Ibid., aneks II, S. 578.

Программу создания будущей Европы и роли в ней Германии, а также ее внешней политики Герделер разработал осенью 1943 г.¹³, когда для стороннего наблюдателя уже было очевидно, что Германия не может выиграть войну. Исходным пунктом этой программы было убеждение, что Европа нуждается в защите от «русского насилия». Такой защитой могла стать только сильная Германия, идущая рука об руку с Великобританией. Характерно, что Герделер предполагал, глубоко ошибаясь в своих предсказаниях, что США не будут играть значительной роли в формировании послевоенной Европы, при этом он выражал удовлетворение, что в этой Европе существенной роли не будет играть Франция, заранее исключенная из рассмотрения в результате поражения, понесенного в 1940 г.

Немецко-британский европейский союз, обращенный против СССР, должен был стать основой будущих судеб нашего континента. Какое положение отводилось во всех этих планах Польше?

По нашему мнению, целесообразно проследить роль Польши в планах немецких консервативных кругов в хронологическом порядке, ибо тогда более ясно предстанет ее эволюция, связанная сначала с успехами, а позже — с поражениями Германии на полях сражений второй мировой войны.

В феврале 1940 г. в швейцарском курортном местечке Ароса Ульрих фон Хасселль изложил сотруднику британской Интеллидженс сервис Лонсдейлу Брайанту принципы проекта компромиссного мирного договора между Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией — с другой¹⁴. Основным был постулат сохранения сильной Германии как «оплота против большевизма», о чем мы уже упоминали при обсуждении программы Герделера 1943 г. Предусматривалось оставить Германии Австрию и Судеты; таким образом, этот проект санкционировал как «аншлюсс», так и Мюнхен. Восточная граница Германии определялась в принципе в соответствии с ее линией 1914 г., ибо предполагалось возрождение польского государства и чешской республики (!). Однако неизвестно, означало ли это «в принципе» уступки в пользу Польши по сравнению с границей 1914 г. или расширение территориальных владений Германии на востоке. Ведь территории, включенные в состав рейха в октябре 1939 г., значительно выходили за пределы на 1914 г.

Хасселль подчеркнул, что именно такой мир может заключить Германия после свержения национал-социалистов, и выразил надежду, что Великобритания согласится на эти условия еще до планируемого переворота. Британский ответ (март 1940) носил уклончивый характер. Великобритания не хотела связывать себе руки и была готова проводить все переговоры лишь после успешного завершения переворота¹⁵.

Встречи в Аросе были единственным серьезным непосредственным контактом между консервативной оппозицией и Великобританией в годы второй мировой войны. Поражение Франции сделало такие контакты беспредметными. Ибо, с одной стороны, Великобритания приняла решение после июня 1940 г. вести войну до победного конца, а с другой — консервативные противники национал-социализма в Германии пока притихли, поскольку возможность победы Германии в войне казалась весьма вероятной. Планы, определявшие роль Германии в «Европе без Гитлера», создаваемые в последующие годы, не обсуждались с представителями западных держав, если не считать пребывания Герделера в Стокгольме в 1943 г.

¹³ Ibid., aneks VI, S. 583 nn.

¹⁴ Vom andern Deutschland, op. cit., S. 127 nn.

¹⁵ Ibid., S. 148 n.

30 мая 1941 г., т. е. за три недели до нападения Германии на СССР, Герделер подготовил очередной проект мирного договора, предназначенный для Великобритании¹⁶. Этот проект шел дальше, чем предположения, представленные более года назад в Аросе. Он предусматривал восстановление границ Германии 1914 г. не только на востоке, но и с Францией и Бельгией, сохранение за Германией Судет, Австрии и области Клайпеды, а также возвращение ее колоний. Таким образом, поражение Франции повлияло на расширение программы территориального увеличения Германии.

Очередной, уже упоминавшийся¹⁷ проект мирного договора, разработанный Герделером, относится к осени 1943 г. и является наиболее обширным. Исходя из необходимости создания немецко-британского европейского союза, Герделер требовал восстановления восточной границы Германии от 1914 г.: «на Востоке приблизительно в границах рейха от 1914 г.» Это «приблизительно», видимо, указывает на уступчивость в требованиях, что, вероятно, было обусловлено убеждением в неизбежном поражении Германии, независимо от возможности сохранения власти Гитлером. Предусматривалось также сохранение за Германией Судет и Австрии. Новшеством, однако, был постулат присоединения южного Тироля «вплоть до границы Бозен — Меран», что было связано с выходом Италии из войны в качестве союзника Германии. Таким образом, опять представился случай для расширения программы территориальных притязаний.

Относительно Эльзаса проект предусматривал два варианта: создание автономного Эльзаса или раздел этой области между Германией и Францией в соответствии с языковым критерием, следовательно, иначе, чем в мае 1941 г.

Таким образом, Польша занимает в рассматриваемом проекте видное место, не только в связи с предполагавшейся восточной границей Германии от 1914 г. Предоставим слово Герделеру: «Впрочем, в союзе европейских государств, к которому мы должны стремиться, внутриевропейские границы будут играть все более незначительную роль. Этот территориальный состав немецкого рейха предполагает соглашение о Польше. Насколько можно судить сейчас, территория Польши зависит от того, удержит ли немецкий фронт польскую восточную границу 1938 г. Если она будет прорвана, то судьба Польши будет зависеть от России. Мы вполне понимаем возмущение и ненависть польского народа по отношению ко всему, что произошло. Мы чувствовали бы то же самое. . . Польша может получить возмещение за Западную Пруссию и Познань путем заключения государственной унии с Литвой. Таким образом, оба народа будут удовлетворены, а Польша получит выход к морю. Такая уния имела место в прошлые столетия; она развалилась из-за династических разногласий. . . Можно, таким образом, надеяться, что постепенно после этих страшных и мучительных испытаний отношения между Германией и Польшей будут снова налажены. Во всяком случае мы будем готовы предоставить Польше любую возможную помощь в залечивании ее ран и в будущем». Далее в проекте, однако, мы читаем: «Огромное бремя вины за эту бесчеловечную войну разделяет Германия со всем миром. Но разрушения, причиненные войной, сегодня в Германии уже больше, чем в любой другой части Европы. Поэтому для Германии физически невозможно, кроме создания в самой Германии, которым будут заняты поколения, заниматься еще восстановлением других стран».

¹⁶ G. R i t t e r. Ibid., aneks V, S. 583.

¹⁷ См. сноску 14.

В уже цитированном тайном меморандуме¹⁸, написанном несколькими месяцами раньше и направленном германскому генералитету в марте 1943 г., Герделер, в частности, писал: «Тем самым я подхожу к предпосылкам, которые должны быть созданы, чтобы наше нынешнее положение и наше будущее были обеспечены (. . .) в особенности германские вооруженные силы должны оставаться способными удерживать восточный фронт не западнее восточной границы Польши. Это важно, потому что тогда мы будем по отношению как к полякам, так и к англосаксам иметь в руках ключ от судьбы Польши. . . Самостоятельная, правильно управляемая Польша сама должна будет искать экономического и политического союза с Германией. По возможности ей надо устроить государственную унию с автономной во всех остальных делах Литвой (выход к морю)».

Последние сохранившиеся политические программы на будущее, разработанные немецкими правоконсервативными кругами, относятся к 1943 г., т. е. к периоду, когда гитлеровская Германия, несмотря на пережитые ею поражения, еще оставалась сильной в военном отношении, что обеспечивало ведение мирных переговоров в случае свержения Гитлера. В июле 1944 г., когда было совершено неудачное покушение на его жизнь, военное положение Германии на фронтах уже значительно ухудшилось, поэтому маловероятно, что в случае перехода власти к разговорщикам они могли надеяться на превращение в жизнь рассмотренных выше программ. Но не об этом здесь речь. Суть дела в том, что такие программы были разработаны, что имелись люди, которые, несмотря на горькие уроки войны и жестокие испытания времен гитлеровского господства, выпавшие и на долю самих немцев, «ничему не научились и ничего не запомнили». Тезисы о границе 1914 г. на востоке, об удержании восточного фронта вдоль восточной границы Польши 1938 г. — это результат мышления категориями, характерными для периода до 1914 г. и опыта 1918 и 1920 гг. Уния Польши и Литвы — это подновленные германские идеи, выдвигающиеся в ситуации, когда лидеры немецкого консервативного движения были полностью осведомлены о масштабах преступлений, совершенных национал-социалистами в Польше, лучшим свидетельством чего является «Дневник» Хасселля, содержащий множество упоминаний о жестокостях гитлеровцев в Польше. Деятели типа Герделера и Хасселля, однако, не понимали, что в результате второй мировой войны должна пасть гегемония Германии в Европе, и их намерения господствовать на востоке становятся несостоятельными. Во всем этом вызывает удивление, причем особенно с моральной точки зрения, намерение удерживать в своих руках территориальные завоевания Гитлера либо путем политического пантажа, либо военной силой.

З. Войцеховский в 1951 г. писал: «Правая юнкерско-феодалная оппозиция, выступавшая против Гитлера еще во время войны, вела себя совершенно беспардонно в отношении польского вопроса. И это несмотря на то, что гитлеровское нападение на Польшу было очевидным преступлением и что вопрос о существовании больших масс польского населения на западных землях в межвоенный период тоже был вне дискуссий. В Германии, пребывавшей в плену юнкерски-капиталистических представлений, не был проведен совсем, или только в очень незначительной степени, пересмотр проблемы польско-немецких отношений. Там все еще придерживались тех представлений, которые так хорошо обрисовал Генрик Сенкевич в „Бартеке Победителе“»¹⁹.

¹⁸ См. сноску 4.

¹⁹ Z Wojciechowski. Polska nad Wisłą i Odrą wobec Niemiec. «Życie i Myśl», 1951, № 11/12, s. 431.

М. А. БИРМАН

ТЕСНЯКИ И МАРКСИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В НАЧАЛЕ XX в.

Формирование классового сознания пролетариата, сопровождающееся появлением отряда передовых и сознательных рабочих, который в марксистской литературе на рубеже XIX—XX вв. получил именование «рабочей интеллигенции»¹, является в исторической и во всей обществоведческой науке в целом одним из малоисследованных, хотя и важных вопросов комплексной проблемы складывания рабочего класса и его роста в социальном и культурном отношении, становления его в качестве социально-политической силы в капиталистическом обществе.

Процесс зарождения рабочей интеллигенции в Болгарии не был еще предметом специального изучения ни в болгарской, ни в советской литературе. Лишь в некоторых трудах по истории партии тесняков освещаются отдельные моменты и эпизоды деятельности тесняков в области марксистской пропаганды среди рабочих, связанные с интересующим нас вопросом². Задачей настоящей статьи является выяснение основных аспектов и этапов названного процесса.

Начало пропаганды социалистических идей среди формирующегося болгарского пролетариата связано с первыми социалистическими кружками, возникшими по инициативе Д. Благоева и Н. Габровского еще в конце 80-х годов XIX в.³ Объединение первых социалистов в 1891 г. в Болгарскую социал-демократическую партию создавало более прочные основы для развертывания марксистской пропаганды среди рабочих.

Основная трудность на этом пути заключалась в том, что отсталая мелкобуржуазная Болгария, освободившаяся от феодального ига султанской Турции и вступившая на капиталистический путь развития, была бедна

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 269; т. 6, с. 131, 389; т. 17, с. 5; Г. Димитров. Сочинения, София, 1951, т. 1, с. 323.

² В первую очередь следует отметить здесь работы болгарского историка П. Цанева. См. П. Цанев. За ролята на работническите просветни дружества и групи при партията и някои данни за дейността на софийско дружество «Класово съзнание». «Исторически преглед», 1955, кн. 6, с. 67—76; П. Цанев. Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП (1885—1923). София, 1962; см. также Ц. в. Тодорова. Първи стъпки на младежкото революционно движение в България. София, 1972; П. Чолов. Отношението на партията към читалищата и библиотеките (1891—1912). «Известия на Института по история на БКП» (далее — «Известия ИИ БКП»), т. 24. София, 1970, и др. работы.

³ См. К. Ламбрев. Наченки на работническото и профсъюзното движение в България. 1878—1891. София, 1960, с. 45—46; Г. Георгиев. Поява и развитие на работническото движение в София (1885—1910). «Исторически преглед», 1963, кн. V, с. 74.

интеллектуальными кадрами, интересовавшимися марксизмом, составлявшими на заре социалистического движения основной костяк социал-демократической партии (недаром первых социал-демократов называли в стране «ласточками» и «жаворонками»). К тому же внимание социал-демократов в период зарождения партии и в первые годы ее существования было сконцентрировано на борьбе с реакционным диктаторским режимом правительства С. Стамбулова и многочисленными идейными противниками марксизма — прежде всего, с народниками.

Параллельно с этим шла также полемика внутри социалистического движения между его революционным крылом (сторонниками создания политической партии болгарского пролетариата) и реформистами. Последние, организовав в 1892 г. социал-демократический союз (их называли «союзистами»), поначалу прямо выступали против создания политической партии пролетариата, призывая сосредоточиться на защите экономических интересов рабочих. Позднее, уже после объединения в 1894 г. с партией, многие «союзисты» сохранили неверие в перспективы зарождавшегося болгарского пролетариата, что впоследствии обусловило их стремление перенести центр деятельности партии в мелкобуржуазные слои (ремесленники, крестьяне и др.).

Революционные социал-демократы во главе с Д. Благоевым с самого возникновения социал-демократической партии подчеркивали, что ее главная задача — пробуждать классовое сознание рабочих⁴. В условиях, когда пролетариат в Болгарии находился еще в стадии формирования, не могло быть и речи, отмечал Д. Благоев, чтобы он сразу же осознал свои классовые интересы, цели и средства борьбы. Первейшей заботой революционных социал-демократов в этот период являлось скорейшее создание авангарда социал-демократической партии, воспитание ядра класса — сознательных рабочих, сплоченных вокруг социал-демократической партии; ядро это, считал Д. Благоев, должно соответствовать масштабам численности народа и пролетариата, и в малой стране может на определенном этапе достигать нескольких тысяч сознательных рабочих⁵.

Значительным достижением раннего этапа развития болгарской социал-демократии, потребовавшим огромных усилий немногочисленных ее кадров, была подготовка, издание и распространение марксистской литературы⁶. По словам Г. Бакалова, одного из самых активных переводчиков и пропагандистов марксизма в Болгарии, болгарские социал-демократы предпринимали максимум возможных усилий, чтобы «... сделать доступными рождающемуся пролетариату произведения марксистской мысли»⁷. В то время как Д. Благоев сосредоточил свои силы на подготовке оригинальных работ, раскрывавших с марксистских позиций насущные проблемы болгарского рабочего движения, другие деятели партии (Г. Ба-

⁴ См. Д. Благоев. Съчинения, т. I. София, 1957, с. 227, 435, 527; т. 2, с. 25—26, 53—54, 227—229, 247, 362, 364—367, 407, 428, 461, 496—497, 506, 512; т. 3, с. 17—18, 22—23, 45—46, 94—95, 109, 116, 238, 317; «Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (далее — «БКП в резолюции»), т. I. София, 1957, с. 10.

⁵ См. Д. Благоев. Съчинения, т. II, с. 248—249; т. 3, с. 12, 23, 116.

⁶ См. П. Цанев. Издаването..., с. 10—82. Ф. Энгельс в 1893 г. в письме в редакцию болгарского журнала «Социал-демократ» выражал свою радость по поводу успехов балканских социалистов, «которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое К. Марксом знамя современного пролетариата...», и отмечал, что он на старости лет изучает болгарский язык, чтобы следить за продвижением идей социализма на юго-востоке Европы (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 424).

⁷ Г. Бакалов. Марксистската книга в България. В кн. Избрани произведения. София, 1953, с. 50.

калов, Н. Габровский и пр.) занимались главным образом переводами трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и виднейших их последователей (Г. Плеханова, А. Бебеля, В. Либкнехта, К. Каутского, П. Лафарга, Ж. Геда и др.)⁸. Один из идейных противников болгарских социал-демократов народник Б. Минцес, свидетельствуя об энтузиазме маленькой горстки болгарских марксистов, писал, что они «... систематически, последовательно издают переводные книги, брошюры и статьи, и эта работа делает им честь»⁹.

Рабочий класс Болгарии был в это время в своей массе далек от идей научного социализма¹⁰. Проникновению марксизма в его среду мешала прежде всего устойчивость консервативных и конформистских черт массового сознания, присущих вчерашним мелким собственникам (разорившимся ремесленникам, крестьянам и др.), ставшим пролетариями. Один из ветеранов рабочего движения в Сливене (крупном пролетарском городе Болгарии), свидетельствует: «Мещанская психология господствовала в сознании наемных рабочих в начале промышленного развития страны»¹¹. Препятствовало также активное противодействие со стороны правящих кругов. Стремясь подавить рабочее движение в самом зародыше, болгарская буржуазия, отмечал Д. Благоев, ашпелировала тогда в основном к грубой силе, к кулаку¹². Предприниматели часто прибегали и к экономическим средствам давления — беспощадно увольняли рабочих при малейшем намеке на их интерес к социалистической литературе и к объединению¹³.

Тормозящим фактором, особенно на раннем этапе, когда в составе пролетариата преобладали рабочие мелких предприятий ремесленного типа, — главным образом выходцы из обедневших ремесленников — были религия и церковь. Как свидетельствует И. Хаджийский, исследовавший психологию болгарских ремесленников, в Болгарии ремесленники отличались большей, чем крестьяне, религиозностью¹⁴. Поэтому до поры до времени на рабочий класс оказывали влияние открытые выступления болгарского духovenства против социал-демократии. Представители церкви внушали верующим, что социалисты — «сеятели разврата», враги общества и государства¹⁵; Синод проводил «народные чтения» с целью борьбы против проникновения марксизма в ряды трудящихся.

И все же, несмотря на названные противодействующие факторы, болгарское рабочее движение постепенно развивалось и набирало силы. Тяжелые условия жизни и быта — практически ничем не ограниченный рабочий день, нищенская зарплата, грубое отношение мастеров и многих владельцев предприятий¹⁶ — обуславливали нарастание недовольства

⁸ См. Г. Бакалов. Там же, с. 60, Н. Михов. Какво е чела българската социалистическа и прогресивна интелигенция през първите двадесет години след освобождението. «Годишник на Български библиографски институт», т. I, 1948, с. 426—449.

⁹ «Списание на Българското икономическо дружество» (далее — «СБИД»), 1897, кп. 11, с. 918—919.

¹⁰ См. Д. Благоев. Съчинения, т. 2, с. 362; т. 11, с. 179, 569.

¹¹ «Известия ИИ БКП», кн. 3—4, с. 468 (воспоминания Ю. Кынева).

¹² См. Д. Благоев. Съчинения, т. 12, с. 108.

¹³ См. «Работник», 6 II 1893; К. Ламбрев. Работническото и професионалното движение в България (1891—1903). София, 1966, с. 69, 120—121.

¹⁴ См. Ив. Хаджийски. Съчинения, т. 2. София, 1974, с. 481.

¹⁵ См. Централен партиен архив при ЦК БКП в Софии (далее — ЦПА), ф. 1, оп. 2, д. 8, л. 1—2; ф. 143, оп. 1, д. 183, л. 2; «Социалист», 30 XII 1894; 23 IX 1896; «Работнически вестник», 8 IX 1900; «Българска комунистическа партия. Документи на централните ръководни органи» (далее — БКП. Документи цро), т. I. София, 1972, с. 266, 307, 379, 514, 530; т. II, 1974, с. 70, 148, 246, 396.

¹⁶ См. Д. Благоев. Съчинения, т. 2, с. 186; К. Ламбрев. Положението на работническата класа в България от освобождението до началото на XX в. София, 1954, с. 80—201.

и проявления отпора, в начале стихийного. С течением времени на смену господствовавшим в 80-х годах примитивным формам социального протеста (уход с работы, бунт и др.) приходят стачки. Позднее на рубеже XIX—XX вв. они становятся более продолжительными и упорными; классовый антагонизм между рабочими и работодателями проявляется все более четко и определенно. Происходят сдвиги и в формах организации: преобладавшие в 90-е годы взаимовспомогательные кассы и товарищества и кооперативные объединения постепенно сменяются в начале XX в. профессиональными объединениями — синдикатами¹⁷.

Революционные социал-демократы во главе с Д. Благоевым, Г. Кирковым и Г. Георгиевым считали главной задачей партии — содействовать развитию классового сознания пролетариата, превращению его в организованную силу, сплоченную вокруг авангарда. Они стремились подчинить этой задаче деятельность возникавших рабочих организаций. Неустанно и систематически они начали пропагандировать среди рабочих идеи марксизма, используя создававшиеся с конца XIX в. рабочие социал-демократические клубы и читальни. В 1899 г. появилась новая форма социалистического просвещения пролетариата — по инициативе социал-демократов в Софии и Пловдиве были открыты специальные вечерние школы для рабочих. В 1902—1903 годах таких школ — курсов было уже 7 с общим числом учащихся более 400 (около 1/2 — члены с-д партии, более 3/4 — молодежь до 30 лет); действовали они в основном в больших городах (София, Пловдив, Русе, Шумен и др.). Преподавали в них как общеобразовательные дисциплины (грамматику, географию, математику и др.), так и обществоведческие (историю и историю социализма, основы социал-демократии и политэкономии и т. д.). Цель курсов — подготовить сознательных социал-демократов¹⁸. Занятия на курсах вели виднейшие деятели партии (Д. Благоев, Г. Кирков и др.), а также молодые студенты — социал-демократы.

В этот же период немалую часть времени и сил революционные социал-демократы вынуждены были уделить борьбе с оппортунистами, которые активизировали свою деятельность в конце XIX в. Вдохновленные ревизионистскими выступлениями Эд. Бернштейна и его последователей в других странах, а также временным переходом мелкобуржуазных избирателей болгарской деревни на выборах в 1899 г. на сторону социал-демократии (в условиях затянувшегося аграрного кризиса и при отсутствии в тот момент отдельной крестьянской партии) болгарские оппортунисты в 1900 г. стали в нарушение решений партийного съезда издавать журнал «Общее дело». В нем проповедовали идеи примирения классовых противоречий и сотрудничества всех «производительных классов». Фактически общедельцы (другое их название — «широкие социалисты») относились отрицательно к пропаганде идей марксизма среди рабочих, призывали сместить центр деятельности партии в мелкобуржуазные слои, поскольку по существу не верили в потенциальную силу и возможности болгарского пролетариата¹⁹.

Отстаивая в борьбе с широкими социалистами пролетарский характер партии, революционные социал-демократы (они получили название «тес-

¹⁷ См. «История на профсъюзното движение». София, 1968, с. 56—60; К. Л а м б р е в. Работническото..., с. 71, 207, 210.

¹⁸ См. «Работнически вестник», 29 XI 1901; 31 X 1902; «БКП. Документи про», т. II, с. 409, 424; т. III, с. 34—36. Попытки создания аналогичных курсов были приняты и в некоторых других городах.

¹⁹ См. Д. Д и м и т р о в. Разплата в работнишката партия. София, 1901, с. 32; «БКП. Документи про», т. II, с. 398, 505, 511; Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 11, с. 500—501, 542—544; К. Ш а р о в а. Разцеплението на Бр. с-д през 1903 г. София, 1955, с. 22—31.

ных социалистов») считали важнейшей задачей партии превращение «... борющихся за улучшение своего экономического положения пролетариев в сознательную и организованную силу»²⁰. В изданном в 1903 г. в связи с разрывом с широкими социалистами «Манифесте к болгарским рабочим» ЦК партии тесных социалистов заявлял: «... Мы верим в будущую мощь болгарского пролетариата, Мы верим в торжество социализма в Болгарии»²¹.

В условиях отсталой крестьянской страны, какой была Болгария в начале XX в., отстоять и сохранить пролетарскую партию было чрезвычайно трудно. Тесным социалистам удалось это сделать, и в этом состояла их историческая заслуга перед болгарским рабочим классом. Разрыв тесных социалистов в 1903 г. с оппортунистами привел к закреплению и утверждению теоретических и организационных основ пролетарской марксистской партии, которая стала именоваться БРСДП (тесных социалистов). Это было важнейшим этапом в формировании пролетарского авангарда в Болгарии.

После разрыва с общедельцами тесняки смогли уделять больше внимания непосредственному классовому воспитанию рабочих, пробуждению и росту их классового сознания. Эта задача была конкретизирована в специальных резолюциях X, XI, XIII, XIV и XVI съездов партии²². С целью пропаганды научного социализма и поднятия общего образовательного и культурного уровня пролетариев согласно решениям съездов партии постепенно создавалась и расширялась сеть разнообразных организаций под руководством местных партийных комитетов; формировались прежде всего культурно-просветительные комиссии, задачей которых было руководство деятельностью партийных клубов и читален, рабочих кружков и товариществ по самообразованию, вечерних рабочих курсов и школ и т. п.²³ Наиболее распространенным типом организаций, учреждавшихся для пропаганды социалистических идей среди беспартийных рабочих и отчасти молодых членов партии из рабочих, были просветительные объединения и группы. Они появились в таких городах как София, Пловдив, Варна, Русе, Сливен, Бургас, Видин, Кюстендил, Стара Загора, Ямбол, Станимака, Перник, Дупница, Самоков, Шумен и в отдельных крупных селах (село Шипка и др.)²⁴. Образцом послужило созданное еще 25 февраля 1903 г. по инициативе Г. Киркова софийское просветительное общество «Классовое сознание». Она охватило вначале свыше 100 человек (почти исключительно — молодые рабочие); секретарем общества был избран молодой печатник Г. Димитров (тогда ему не исполнилось и 21 года, но он имел уже опыт участия в рабочем движении)²⁵.

Под руководством софийского общества «Классовое сознание» в рабочем клубе Софии в 1903 г. действовала вечерняя школа для рабочих. В ней читали лекции руководители партии (Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев, Х. Кабакчиев и др.). Как и в ранее существовавших вечерних рабочих школах, в ней преподавались общеобразовательные и обществоведческие дисциплины²⁶. По ряду предметов в школе практиковалось

²⁰ Д. Благоев. Съчинения, т. 7, с. 169.

²¹ «БКП в резолюции», т. I, с. 408.

²² Там же, с. 153, 155—156, 168, 174, 189—190, 206—207, 234—238, 248—251.

²³ См. «БКП. Документи про», т. III, с. 167—170, 274, 291, 297, 315, 336—338, 368—369, 412—414, 419, 460—471, 493; П. Чолов. Отношението... с. 127—128, 131.

²⁴ См. «Работнически вестник», 25 VIII 1904; 14 VII 1910; «БКП. Документи про», т. III, с. 412—414, 486; П. Цанев, За ролята..., с. 74—76.

²⁵ См. «Работнически вестник», 25 VIII 1904; «Спомени за Георги Кирков — Майстора», София, 1965, с. 198; «Спомени за Георги Димитров», т. I, София, 1971, с. 44.

²⁶ См. «Спомени за Георги Кирков — Майстора», с. 204, 253, 277; «Бележити българи», т. IV, София, 1971, с. 87.

обсуждение прочитанных лекций. С течением времени к ведению занятий стали привлекаться наиболее подготовленные слушатели, выступавшие с самостоятельными рефератами. Первым из слушателей начал вести занятия в школе Г. Димитров: избранный в 1904 г. членом и делопроизводителем руководящего комитета Общего рабочего профессионального союза (ОРПС) — объединения революционных профсоюзов, действовавшего под руководством тесняков, — он вел беседы по практике профсоюзной работы²⁷. Аналогичные вечерние курсы — школы для рабочих действовали в 1904 г. также в Пловдиве, Варне и Стара Загоре²⁸; позже они были созданы также в Русе и других наиболее крупных городах²⁹.

В небольших городах местные организации тесняков не имели сил и возможностей для создания вечерних рабочих курсов — школ. Политико-воспитательная работа среди пролетариев проводилась там в основном в форме лекций и бесед на базе партийных (или как их еще называли — «рабочих») клубов и библиотек-читален чаще всего в рамках упомянутых просветительных объединений и групп. О характере деятельности этих клубов имеется свидетельство габровского врача П. Цончева, далекого от революционного рабочего движения; он, констатируя целенаправленность «духовной пищи» в рабочих клубах, отмечал, что эта «духовная пища... имеет единственную цель — подвести рабочих к классовому сознанию, объединить их»³⁰. Поощряя самообразование пролетариев, тесняки прилагали большие усилия для развертывания широкой сети просветительных точек и добились в этом направлении немалых результатов: уже в 1905 г. в стране насчитывалось 29 руководимых партией рабочих библиотек — читален и клубов³¹.

Тематика лекций, рефератов и бесед (с последующими обсуждениями) была разнообразной, — чаще всего слушателей интересовали насущные проблемы болгарского и международного рабочего и социалистического движения, а также вопросы исторического материализма; иногда читались и лекции общекультурного профиля. В лекциях и беседах, проводившихся тесняками (как и в ходе занятий в вечерних и воскресных рабочих школах) пропагандировались принципы революционного социализма и пролетарского интернационализма, идеи последовательной классовой борьбы с буржуазией, непримиримость к оппортунизму. Для освещения сложных и специальных тем местные организации небольших городов нередко приглашали лекторов из Софии или близлежащих крупных городов. Руководители партии тесняков (особенно Г. Кирков, а позднее — Г. Димитров) не только вели преподавание в Софийской вечерней школе, но и часто выезжали в отдаленные населенные пункты и выступали перед рабочей аудиторией³². Они придавали огромное значение делу классового воспитания болгарского пролетариата. «Наши партийные руководители, — вспоминает один из ветеранов, — умели ценить деятелей из среды интеллигенции, которые верно служили рабочему классу. Но самые прочные гарантии они видели в воспитании деятелей из среды рабочего класса»³³.

²⁷ «Спомени за Георги Димитров», т. I, с. 79—80, 82—83; «Борба и победа». София, 1974, с. 24, 42—43.

²⁸ «Работнически вестник», 10 IX 1904; «БКП. Документи про», т. III, с. 418, 502.

²⁹ См. В. А н г е л о в. Живот за партията. София, 1972, с. 160—161.

³⁰ «СБИД», 1910, кн. 5, с. 358.

³¹ «БКП. Документи про», т. III, с. 418; П. Ч о л о в. Отношението..., с. 127—130.

³² См. «История на Българска комунистическа партия». София, 1969, с. 130; «Георги Димитров. Биография». София, 1972, с. 53; П. Ц а н е в. Георги Кирков — Майстора. София, 1964, с. 137—139.

³³ «Георги Димитров в спомени на журналисти». София, 1971, с. 101.

Пропаганду идей социализма тесняки вели и непосредственно в рамках профсоюзных организаций, считая, что «...классовое воспитание пролетариев,— как сформулировал в выступлении перед рабочими Софии 13 III 1905 г. Г. Кирков,— является одной из важнейших сторон деятельности профсоюзов»³⁴. К примеру, созданный в апреле 1904 г. синдикат швейников Софии периодически организовывал беседы и рефераты на темы о рабочей солидарности, о целях, формах и методах борьбы пролетариата и т. п.³⁵. Аналогичные темы обсуждались и в других профсоюзных организациях, а также и в существовавших во многих городах кружках или товариществах по самообразованию рабочих, действовавших под руководством местных партийных организаций³⁶.

Много внимания уделяли тесняки вопросам интернационального, а также и атеистического воспитания пролетариата. В газете «Рабочнически вестник» и в журнале «Ново време» систематически публиковались статьи и заметки, разоблачавшие религиозное мракобесие и шовинизм, популяризовавшие классовую борьбу рабочих зарубежных стран, пропагандировавшие идеи пролетарского интернационализма³⁷.

Большой интерес вызывали события в России; сюда в связи с нараставшей на рубеже XIX—XX вв. революционной борьбой российского пролетариата и всех трудящихся и эксплуатируемых перемещался центр мирового революционного движения³⁸. Партия тесняков и сознательные болгарские рабочие с радостью встретили весть о начале революции в России — еще в январе 1905 г. ЦК БРСДП (тесняков) через газету «Рабочнически вестник» открыл подписку в поддержку революции в России. В том же номере газеты ее редактор Г. Георгиев писал: «Дело русского пролетариата есть дело рабочих всех стран... Международный пролетариат радуется и торжествует по поводу любого успеха своих русских братьев»³⁹. Состоявшийся в августе 1905 г. XII съезд тесняков принял специальную резолюцию, в которой приветствовал участников российской революции⁴⁰. По всей стране — в Софии и Тырново, Панагюриште и Татар-Пазарджике; Ямболе и Бургасе, Станимаке и Плевене и во многих других городах — на собраниях и митингах рабочие с жадностью слушали

³⁴ ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 33, л. 16.

³⁵ С докладами на собраниях софийских швейников неоднократно выступали Г. Кирков, Г. Димитров и другие видные деятели партии. См. ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 33, л. 16—18, 23—25, 26, 27, 31, 34, 40, 44—45, 55, 75—76, 86—87.

³⁶ См. Архив секции по истории профсоюзного движения Научно-исследовательского института по профсоюзным проблемам «Георгий Димитров» при Центральном совете профсоюзов Болгарии в Софии (далее — Архив секции истории профсоюзов НИИИП), ф. Спомени, № 6, 842; «Известия на държавните архиви», кн. 20. София, 1970, с. 91—102. К примеру, в кружке по самообразованию рабочих в г. Ески-Джумайя (ныне — Тырговиште) за период с июня по декабрь 1904 г. было проведено 18 собраний с обсуждением рефератов (см. ЦПА, ф. 36, оп. 3, д. 188, л. 22).

³⁷ Подробнее см. С. Баръмов. Отношението на тесните социалисти към религията и борбата им за атеистично възпитание на трудещите се. «Известия на Виспа партийна школа „Станке Димитров“ при ЦК на БКП», кн. 12. София, 1961, с. 177—194; В. Хаджиновилов. Интернационалистическите традиции на Българската комунистическа партия. София, 1962, с. 72—89, 115—117.

³⁸ «Читал с восхищением „Зарю“ (речь идет о журнале, издававшемся в 1901—1902 гг. при активном участии В. И. Ленина и других „искровцев“.— М. Б.).— писал 30 мая 1901 г. Д. Благоев Г. Бакалову.— Я живу сейчас ожиданием революции в России, которая может начаться каждый день» (Д. Благоев. Съчинения, т. 20. София, 1964, с. 240).

³⁹ «Рабочнически вестник», 15 I 1905.

⁴⁰ См. «БКП. Документи про», т. III, с. 408, 430—434. Аналогичные резолюции были приняты и на последующих, XIII и XIV съездах партии тесняков в 1906 и 1907 гг. См. «БКП в резолюции», т. I, с. 186, 202.

докладчиков о революционных событиях в России⁴¹. Широко информируя в газете «Работнически вестник» о революции в России, тесняки отмечали ее огромное международное значение и подчеркивали роль пролетариата как передовой руководящей силы в революции⁴².

Революционные события в России, непосредственные контакты с российскими революционерами, а также широко проникавшая в Болгарию из России марксистская литература оказывали значительное влияние на передовых болгарских рабочих. «Самые лучшие кадры рабочей интеллигенции, — отмечал Г. Димитров, — воспитывались под влиянием русской марксистской литературы, с одной стороны, и героической борьбы русских революционеров против царизма, буржуазии и оппортунизма, с другой»⁴³.

Регулярно и повсеместно отмечали тесняки праздник Первого мая как день международной пролетарской солидарности⁴⁴. В годы революции в России число болгарских рабочих, принимавших участие в первомайских собраниях, митингах и манифестациях, возросло⁴⁵; в последующие годы численность пролетариев — участников первомайских празднеств, продолжала нарастать⁴⁶.

Одной из распространенных форм просветительной деятельности тесняков были своеобразные «вечеринки», имевшие большой успех у рабочих (обычно они устраивались в субботу, иногда — в воскресенье и в праздничные дни). Их подготовкой и проведением занимались специально созданные для этой цели при местных партийных и профсоюзных организациях комиссии⁴⁷.

Открывались вечера обычно лекцией или докладом на общественно-политическую или общекультурную тему — к примеру вечер рабочих в софийском партийном клубе в декабре 1904 г. начался лекцией Д. Благоева на тему: «Пролетариат и искусство»⁴⁸. За лекцией следовали выступления артистов-любителей; как правило, концерт начинался с драматических композиций по произведениям классиков болгарской и мировой художественной литературы — инсценировались (часто, в сокращенном виде) рассказы и пьесы И. Вазова, А. Константинова («Бай Ганю производит выборы»), А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Андреева и других авторов.

Большим успехом пользовались декламации произведений с революци-

⁴¹ См. «Работнически вестник», 9 и 12 II, 2 IV, 14 V, 12 и 18 XI 1905. Подробнее об откликах на революцию 1905 г. в Болгарии см. В. Хаджиниколов. Отражение на първата руска революция в България. София, 1956; Г. Атанасов. Към въпроса за влиянието на първата руска революция върху развитието на работническото движение у нас. София, 1959; О. В. П а н ц у к т и л о в а. Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М., 1956 и др.

⁴² См. «Работнически вестник», 28 X 1905; Т. П е т р о в. Избрани произведения. София, 1954, с. 307; Х р. К а б а к ч и е в. Избрани произведения. София, 1953, с. 176, 180.

⁴³ Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 7. София, 1953, с. 341. См. также А. В е к о в. Българо-руски революционни връзки. 1885—1917. София, 1965.

⁴⁴ См. П. Ц а н е в. Първомайските чествувания у нас. 1893—1944. София, 1956, с. 28—51.

⁴⁵ См. В. Х а д ж и н и к о л о в. Отражение..., с. 81—85.

⁴⁶ См. «Работнически вестник», 30 IV 1910; Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 2. София, 1952, с. 489.

⁴⁷ См. ЦПА (София), ф. 36, оп. 3, д. 158, л. 1; д. 175, л. 1; ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 45; 53—55, 192, 199; ф. 184, оп. 1, д. 4, л. 16; Централен Държавен исторически архив в София (далее — ЦДИА), ф. 105, оп. 1, д. 503, л. 1; ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 93—94; «Работнически вестник», 18 VII 1905, 16 XI и 4 XII 1907; 3, 12 I, 21 и 26 II, 14 III 1908; 3 IV и 12 X 1909.

⁴⁸ См. «Работнически вестник», 25 XII 1904; с лекцией на сходную тему — об отношении социал-демократии к вопросам культуры — выступал на вечеринке рабочих в Плевене Г. Киров. См. «БКП. Документи цро», т. II, с. 261.

онно-демократическими и социалистическими идеями — Хр. Ботева, П. Яворова, Г. Гейне («Ткачи»), С. М. Слеспяка-Кравчинского и других авторов⁴⁹. Особенно популярными у рабочих Болгарии (как и многих других стран) были в это время произведения М. Горького («Песня о Буревестнике», сцены и песни из пьесы «На дне», «Мать» и др.)⁵⁰ и драма Г. Гауптмана «Ткачи» (вместе с песней сilesских ткачей «Кровавый суд»), — написанная в 1891 г., переведенная Г. Георгиевым на болгарский язык и изданная в Варне в 1899 г. тиражом в 3 тыс. экземпляров⁵¹. Из произведений болгарских авторов особенно большой успех имели сатирические рассказы-фельетоны Г. Киркова и стихотворение Д. Полянова (одного из основоположников болгарской пролетарской литературы) «Низвергнутые кумиры»⁵². Возникшие в этой связи в Софии, Варне, Сливене, Шумене и других городах самодеятельные труппы рабочих⁵³ имели большое значение для формирования классового сознания болгарского пролетариата.

Наряду с инсценировками пьес и рассказов и декламацией стихов и фельетонов непременным элементом художественной части рабочих вечеров были музыкальные номера: открывались вечера исполнением струнным оркестром или хором болгарских пролетарских песен «Дружная песня» и «Рабочий марш» (обе написаны Г. Кирковым и положены на музыку Г. Горановым и Э. Маноловым) и «Интернационала». Звучали также народные и революционные песни и гимны: «Марсельеза» и один из наиболее популярных ее русских вариантов «Рабочая Марсельеза», «Варшавянка», «Красное знамя», итальянский «Рабочий марш», «Смело, товарищи, в ногу!», «Дубинушка» (позднее стали петь ее новый вариант под названием «Машиноушка» с подчеркнuto пролетарским характером текста). Все зарубежные песни (включая французские, итальянские и польские) исполнялись до Октябрьской революции за отсутствием болгарских переводов на русском языке⁵⁴.

⁴⁹ См. ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 120, 179, 190, 203; Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 2—6, № 682, л. 2. Часто декламировались стихи из изданных в 1901—1902 гг. Г. Бакаловым в Варне антологий «Лучи поэзии» и «К свободе»; Бакалов же издал и сборники пролетарских песен (в них были опубликованы и переведенные им песни рабочих разных стран), также использовавшиеся на вечерах. Деятельность Г. Бакалова в качестве издателя, переводчика и пропагандиста среди рабочих масс произведений марксистской мысли и мировой художественной литературы была оценена Д. Благоевым в 1901 г. как «чрезвычайно полезная для социал-демократии, как «гордость» партии (Д. Благоев. Сочинения, т. 20, с. 206); подробнее о роли Г. Бакалова в формировании элементов социалистической литературы и культуры в Болгарии в целом и в популяризации классиков зарубежной, в том числе русской, литературы в Болгарии см. Ж. Авджиев. Георги Бакалов. София, 1959, с. 20—38, 48—49, 144—146, 149; В. И. Злыднев. Русско-болгарские литературные связи XX века. М., 1964, с. 64—69, 80—83.

⁵⁰ «Известия на народния музей. Варна», кн. III (XVIII). Варна, 1967, с. 174—180. В квартирах передовых болгарских рабочих начала века часто висел портрет М. Горького.

⁵¹ См. П. Цанев. Издаването..., с. 127, 153; К. Маркс дал высокую оценку песне ткачей, назвав ее «смелым кличем борьбы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 2-е изд., с. 443). На русский язык пьеса Г. Гауптмана была переведена А. И. Елизаровой-Ульяновой, при участии В. И. Ленина, высоко ценившего это произведение (см. «Вопросы истории», 1976, № 1, с. 205).

⁵² См. Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 2; «Революционна София. 1891—1944. Спомени». София, 1969, с. 50; Г. Ковачев. Кратки спомени. София, 1974, с. 29—30, 87—88.

⁵³ См. Г. Ковачев. Там же, с. 30; «Известия на народния музей. Варна», кн. IV (XX). Варна, 1968, с. 188; «Известия ИИ БКП», кн. 3—4, с. 463.

⁵⁴ См. ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 120, 179, 190, 203; Е. Метева. Руската революционна песен в България (1876—1944). «Годишник на Софийския университет. 1970. Факултет по славянски филологии», т. 64. София, 1972, с. 167, 188—190, 192—193, 196—197.

На вечеринках царила обстановка непринужденности и товарищества. Вечера, — свидетельствовал один из ветеранов, — «... создавали теплую сердечную атмосферу для посещавших их рабочих и работниц, укрепляли пролетарскую солидарность. Здесь все — болгары, русские, бежавшие от лап царской полиции и жандармов, евреи, армяне, греки, турки — чувствовали себя равноправными товарищами, братьями...»⁵⁵. Оканчивались вечеринки танцами и лотереей (в качестве призов были книги на революционные темы и издания классиков художественной литературы). Иногда на вечерах выступали и члены молодежных спортивных групп, исполнявшие гимнастические упражнения⁵⁶. Некоторые вечера устраивались за небольшую плату — собранные средства шли в пользу бастующих рабочих⁵⁷. «Вечеринки, — писал Г. Ковачев, один из активных деятелей рабочего движения Болгарии того времени, — восполняли наши духовно-культурные потребности. Партия использовала их для воспитания рабочих, для предохранения их от повинистической и религиозной отравы и от широкосоциалистического „эрзац“-социализма. С помощью вечеринки мы привлекали рабочую молодежь, отрывая ее от зловредного влияния буржуазных танцевальных, спортивных, культурных и прочих объединений»⁵⁸. Летом вместо вечеринки партийные организации часто устраивали загородные экскурсии.

Особое внимание, как уже отмечалось, тесняки обращали на классовое воспитание молодых рабочих, на необходимость которого специально обращалось внимание в решениях XIII съезда БРСДП в 1906 г.⁵⁹ С этой же целью начали создаваться в Софии, Русе, Варне и в других городах отдельные молодежные спортивно-гимнастические кружки и объединения («Молодежь», «Сокол», «Борец» и др.) — в них занятия спортом сочетались с социалистическим просвещением⁶⁰. Позднее, в 1912 г. на базе этих молодежных кружков была создана болгарская пролетарская молодежная организация — действовавший под руководством партии тесняков Союз рабочей социал-демократической молодежи (во главе с Л. Кандевым и В. Ленковым)⁶¹.

В конце первого десятилетия XX в. тесняки, стремясь к разнообразию форм организации и сплочения рабочих, стали устраивать встречи пролетариев соседних или близлежащих городов (Хасково и Харманли, Габрово и Севлиево, Берковица и Врагца и т. д.)⁶².

Поставив перед собою задачу способствовать пробуждению классового сознания пролетариата, его духовному развитию, тесняки в процессе своей деятельности стремились решить эту задачу как можно более широко. Они не только пропагандировали среди рабочих идеи марксизма, обучали их грамоте, но и старались познакомить пролетариев с культурными ценностями, содействовали, например, созданию рабочих театрально-драматических трупп, музыкально-хоровых коллективов и т. п.

Практическая культурно-просветительная работа партии тесняков велась в органической связи с активностью крупнейших ее интеллектуальных представителей на теоретическом фронте.

⁵⁵ Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 3.

⁵⁶ Там же, № 67, л. 3—4; «Годишник на музея на революционното движение в България», кн. 6. София, 1974, с. 144—145; «Революционна София...», с. 51.

⁵⁷ «Известия на народния музей. Варна», кн. IV (XX), с. 188—189, 197.

⁵⁸ «Спомени за Георги Киров — Майстора», с. 165.

⁵⁹ «БКП в резолюции», т. I, с. 190; см. также «Ново време», 1906, кн. 4, с. 221—227.

⁶⁰ Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 67, л. 1—4; № 691, л. 2; «Работнически вестник», 18 VIII 1904; 28 VIII 1907; «БКП. Документи про», т. III, с. 131, 146, 270—271, 483, 494.

⁶¹ «История на младежкото революционно движение в България». София, 1972, с. 41—59.

⁶² «Работнически вестник», 24 VIII 1907, 20 и 22 V 1909, 23 VIII 1910.

Руководители тесняков хорошо понимали важность и значение теории. Опираясь на труды Ф. Энгельса и работу В. И. Ленина «Что делать?», Д. Благоев еще в 1902 г. в полемике с общедельцами сформулировал, что борьба пролетариата только там приведет к прочным завоеваниям и победе, где она планомерно ведется в трех, согласованных между собою направлениях — теоретическом, политическом и экономическом⁶³. Вдохновленные историческими перспективами пролетариата, его социально-преобразующей ролью идеологи партии и ее публицисты в борьбе с буржуазными апологетами неокантианства и «чистого искусства», а также в полемике с проповедниками реформистских концепций решительно отстаивали (прежде всего, через журнал «Ново време» и газету «Работнически вестник») теоретические основы марксизма, марксистские принципы и взгляды в различных областях теории и обществознания⁶⁴. Осмысливая с позиций научного социализма насущные проблемы болгарской действительности в своих оригинальных историко-экономических, литературно-критических, философско-эстетических, педагогических и иных произведениях, болгарские марксисты — Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев, Г. Бакалов и их более молодые соратники — Хр. Кабакчиев, В. Коларов, Г. Димитров, Т. Петров, Е. Марковский, Бр. Илиев, В. Благоева, Б. Хаджисотиров, Л. Кандев, Т. Стойлов и др. — давали ответ на многие злободневные вопросы и тем самым поднимали авторитет марксизма и рабочего класса, их роль в духовной жизни страны.

Особое значение в этом отношении имело создание Г. Кирковым, Д. Поляновым и другими деятелями рабочего движения произведений художественной литературы, музыкальной и иной культуры, появление рабочего театра. Так, в процессе классовой борьбы, параллельно и в тесной связи с изменениями в социальной психологии и сознании нового класса (пролетариата) в результате активной деятельности главным образом руководителей партии тесняков и ее представителей складывалась идеология болгарского пролетариата, рождались в Болгарии элементы молодой социалистической культуры, интернационалистской по своей сущности⁶⁵.

Широкие социалисты также вели просветительную работу среди пролетариев⁶⁶, хотя и не столь целеустремленно и систематически, как тесняки. Их различало и другое: культурно-просветительная деятельность широких социалистов по своей сущности была социал-реформистской, проходила с позиций абстрактносоциалистических (фактически, общедемократических) идей, в отрыве от политической борьбы. Одна из брошюр изданных общедельцами в этой связи, называлась, к примеру, «Через просвещение к свободе»⁶⁷.

⁶³ См. Д. Благоев. Съчинения, т. 8, с. 87—89, т. 12, с. 403—404.

⁶⁴ См. К. Андреев. Вестител на новото време. История и теоретическата борба на списание «Ново време». София, 1972, с. 10—92; «Светилник на марксистката мисъл. 70 г.». «Ново време» и «Работнически вестник». София, 1968, К. В а с л е в. Към въпроса за теоретическото наследство на партията от нейния тесносоциалистически период. «Философска мисъл». 1959, № 3, с. 46—69.

⁶⁵ В работах советских и болгарских ученых (в первую очередь здесь следует назвать труды Ж. Авджиева, В. И. Злыднева, С. Каролева, Д. Ф. Маркова, Л. Павлова, Т. Павлова, Д. Паскалева, Г. Цанева и др.) исследован вклад Д. Благоева (отчасти и его соратников) в становление в Болгарии марксистской эстетики, критики, литературоведения и некоторых иных сфер духовной культуры. Не достает, однако, обобщающих синтетических трудов, посвященных изучению процесса зарождения и развития элементов социалистической культуры в капиталистической Болгарии в целом.

⁶⁶ Особую активность проявил в этом один из деятелей партии широких социалистов И. Янулов. См. Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 972, л. 1, 7—10; «Общо дело», 1905, кн. 7—8, с. 562—565.

⁶⁷ Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 972, л. 10.

Партия тесняков, как и революционные социал-демократы других стран, проводила свою культурно-просветительную работу в тесной связи с революционной агитацией и пропагандой, с задачами пробуждения и развития классового сознания пролетариата, с борьбой за его освобождение. «Рабочий класс крайне заинтересован в просвещении, — отмечалось в статье Т. Петрова, одного из видных партийных публицистов рассматриваемого времени, — чтобы иметь возможность осуществить те задачи, которые на него возлагает история»⁶⁸. Тесняки были близки к ленинскому пониманию этой проблемы. Как известно, В. И. Ленин разоблачал порочность реформистских тезисов о том, что необходимо дождаться, пока рабочий класс поднимает свой образовательный уровень, прежде чем вести среди него революционную пропаганду, и подчеркивал, что подлинного просвещения и подлинной сознательности масс нельзя добиться без их активного участия в борьбе за свое освобождение⁶⁹. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, — подчеркивал В. И. Ленин, — только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»⁷⁰.

«Основная задача социалистической партии — таково было кредо Д. Благова — пробуждать классовое сознание у рабочих, — вспоминает один из ветеранов партии тесняков, — организовывать и просвещать их, чтобы они были готовы в решительный момент на штурм классового врага...»⁷¹. Будучи приверженцами бескомпромиссной классовой борьбы, сторонниками революционной тактики, тесняки исходили из представления, что перед болгарским пролетариатом в перспективе стоит историческая задача совершения социальной революции⁷², и не ограничивались просветительством, агитацией и пропагандой. Они хорошо понимали, что повышение образовательного и культурного уровня рабочих и пропаганду среди них марксизма необходимо сочетать с решительной и непримиримой политической борьбой, в ходе которой в основном только и возможно настоящее классовое воспитание пролетариата. Правда, идейной позиции тесняков были присущи некоторые слабости сектантско-догматического свойства — игнорирование революционных возможностей крестьянства, недостаток политической гибкости и маневренности (в частности, не всегда оправданная тактика в отношении реформистских профсоюзов и единых действий с ними⁷³ и др.). Но в период до первой мировой войны, когда на первом плане стояла задача организации пролетариата и формирования его классового сознания, эти недостатки и слабости на практике не приводили к сколько-нибудь существенным издержкам в деятельности партии⁷⁴. Огромное внимание тесняки уде-

⁶⁸ См. Т. Петров. Избрани произведения, с. 375.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 312; т. 6, с. 69—70; т. 10, с. 356—357; т. 25, с. 351; т. 30, с. 314; «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 2. М., 1976, с. 438—439. Аналогичную постановку вопроса находим мы и у Р. Люксембург. См. Р. Люксембург. Избранные сочинения, т. I, ч. 1. М., 1928, с. 177.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

⁷¹ Л. Дюгмеджиев. Спомени и размисли. София, 1974, с. 29.

⁷² Д. Благов. Съчинения, т. 14, с. 291. Подробнее об этом см. Й. Йотов. Димитър Благов — основател и строител на революционно-марксистката партия на българската работническа класа. В сб. Димитър Благов — бележит теоретик и революционер. София, 1976, с. 160—171; Т. Колева. Димитър Благов за историческата роля на работническата класа в България. Там же, с. 198—207, 224—225.

⁷³ См. Д. Коджейков. Партията и профсъюзното движение. София, 1970, с. 82—83.

⁷⁴ Ошибочные взгляды тесняков по крестьянскому вопросу все же сказались в 1910—1911 гг., когда в партии обсуждался вопрос о создании отдельного профсоюза сельскохозяйственных рабочих (см. ЦПА, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 126; «Работнически

ляли практическо-организаторской работе среди пролетариата (прежде всего, среди промышленных рабочих), руководству профсоюзами и стачечной борьбой, и другим формам классовой борьбы (митингам, демонстрациям и т. д.). В цитированном выше «Манифесте к болгарским рабочим» ЦК БРСДП тесных социалистов 1903 г. утверждалось, что «... непримиримая классовая борьба есть единственная атмосфера, в которой он (пролетариат. — М. Б.) должен быть воспитан и организован»⁷⁵. И это приносило свои плоды.

По инициативе тесняков с конца первого десятилетия господствовавшие в начале века синдикаты и смешанные профсоюзные организации были заменены централизованными производственно-отраслевыми профсоюзами, входившими в ОРПС, руководимый тесняками. Создание централизованных отраслевых производственных профсоюзов означало новую, более высокую ступень организации рабочих. Численность членов ОРПС выросла с 1500 в 1904 г. до 5,4 тыс. в 1910 г., а в 1912 г. превышала 8 тыс.; удельный вес промышленных рабочих в составе членов ОРПС увеличился с 28% в 1904 г. до 52,7% в 1910 г.⁷⁶

Эти изменения происходили на фоне общего роста численности и удельного веса рабочего класса, в первую очередь, — промышленного пролетариата. За период с 1900 по 1910 г. доля рабочих в составе самостоятельного населения страны выросла с 10% до 15%⁷⁷. Рост численности и удельного веса промышленных рабочих, намечавшиеся тенденции производственной и территориальной концентрации и территориально-отраслевой локализации отдельных категорий и групп, характеризовавшие процесс формирования отряда промышленных рабочих, создавали в целом благоприятные условия для организации рабочих, пробуждения и роста их классового сознания, содействовали превращению промышленных рабочих в ядро болгарского рабочего класса.

Немалые сдвиги произошли и в формах борьбы пролетариата. Забастовки становятся обычным явлением, приобретают более упорный и наступательный характер. Бастующие начинают выдвигать требования политического характера, добиваясь введения рабочего законодательства и защиты своих прав. В ходе стачек растет классовое сознание пролетариата — они участвуют в забастовках солидарности, собирают средства в пользу бастующих⁷⁸. Авангардную роль в большинстве стачек играли тесняки, стремившиеся использовать стачки как средство классового воспитания рабочих. В отличие от них, реформисты предпочитали

вестник», 24 IX 1910 и 4 V 1911). Идея эта тогда не была осуществлена, так как руководство партии считало, что условия для ее реализации не созрели («История на профсъюзното движение». София, 1973, с. 201—203).

⁷⁵ «БКП в резолюции», т. I, с. 408.

⁷⁶ Г. Димитров. Съчинения, т. 2, с. 76; т. 4, с. 126.

⁷⁷ См. М. А. Бирман. К формированию болгарского пролетариата (численность и структура в начале XX в.). «Рабочий класс в мировом революционном процессе». М., 1977, с. 134.

⁷⁸ Важнейшие аспекты и этапы руководимой тесняками деятельности классовых профсоюзов и стачечной борьбы болгарского пролетариата рассматриваемого времени обстоятельно освещены в двух фундаментальных коллективных трудах болгарских историков. См. В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, В. Топалов, С. Великов, Д. Мичев, В. Василев, В. Георгиев, Д. Шарланов. История на профсъюзното движение в България. София, 1968, с. 95—120; В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България (дале — Стачните борби). София, 1960, с. 122—162, а также в иных работах болгарских и советских историков (М. Исусова, Цв. Тодоровой, К. Шаровой, В. Д. Вознесенского, О. В. Панцуктиловой, П. Т. Руценок и др.).

выступать от имени рабочих с петициями⁷⁹ и часто и охотно шли на компромиссы с буржуазным лагерем⁸⁰. По приблизительным подсчетам, около $\frac{4}{5}$ бастующих за период 1908—1911 гг. участвовали в забастовках, руководимых тесняками; остальные — в стачках, проведенных реформистскими профсоюзами⁸¹.

К концу десятилетия в практическо-политической деятельности тесняков среди рабочих уделялось все большее внимание пропаганде борьбы с шовинизмом и милитаризмом, популяризации идей пролетарского интернационализма и, прежде всего, идей солидарности рабочих балканских стран⁸². Это было обусловлено ростом национализма и военной угрозы на Балканах, ставшими особенно ощутимыми после Боснийского кризиса 1908—1909 гг. Вместе с революционными социал-демократами других балканских стран тесняки активно пропагандировали лозунг создания федерации демократических республик на Балканах, провозглашенный на 1-й конференции социал-демократии Балкан в январе 1910 г. Лозунг этот балканские социал-демократы (вместе с революционной социал-демократией всего мира)⁸³ рассматривали как наилучшую перспективу для демократического решения национально-территориальных проблем в Юго-Восточной Европе, как призыв к борьбе с милитаризмом и шовинизмом на Балканах. В этот период тесняки и руководимые ими профсоюзы устанавливают более тесные контакты с профсоюзами и социал-демократами Сербии, Греции и Румынии. В частности, в течение 1909—1911 гг. между рядом отраслевых профсоюзов ОРПС и соответствующими сербскими профсоюзами (союзами табачников, горняков, металлистов, деревообделочников, кожевников, транспортников и др.) были заключены соглашения о взаимодействии, о координации совместной борьбы со штрейкбрехерством и т. д.⁸⁴.

Обострение на фоне указанных общебалканских процессов классовых противоречий в Болгарии, выразившееся в нарастании к концу десятилетия стачечной борьбы, обусловило более заметные сдвиги в настроениях и сознании рабочего класса. Как отметил Г. Димитров в одном из циркуляров руководства ОРПС от 20 XII 1910 г., болгарский пролетариат вступил в стадию «быстрого пробуждения»⁸⁵. В социальном облике

⁷⁹ «Петиция — ваше боевое оружие» — так заявили в 1904 г. общедельцы в одном из обращений к рабочим (ЦДИА, ф. 11, оп. 1, д. 734, л. 1; см. также ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 108, 112).

⁸⁰ См. ЦПА, ф. 168, оп. 1, д. 99, л. 2, 6; ф. 996, оп. 2, д. 545, л. 1; Стачные борби, с. 97, 113, 128, 130, 132—133, 149, 167, 170; к примеру, декларация стачечного комитета железнодорожников в январе 1907 г. (в нем господствовали реформисты) содержала заверения, что, в отличие от стачек в России, забастовка железнодорожников не направлена против существующего строя, а также советы правительству пойти на уступки и реформы во избежание «анархии» в стране. См. ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 211.

⁸¹ Абсолютные данные взяты из «Статистически годишник на българското царство. Година първа. 1909» (далее — Стат. годишник. Год. I. 1909). София, 1910, с. 484; Стат. годишник. Год. II. 1910, 1911, с. 542; Стат. годишник. Год. III. 1911, 1914, с. 530.

⁸² См. «Ново време», 1908, кн. XI, с. 638—640; Х. К а б а к ч и е в. Към балканската федерация. София, 1914, с. 121; Д. М и т е в. Към въпроса за пролетарския интернационализъм на БРС-ди (т. с.). София, 1957, с. 48—85, 94—125; С. П р о д е в. «Работнически вестник» — разобличител на милитаризма и царската военщина. София, 1953, с. 103—135.

⁸³ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, с. 151—152.

⁸⁴ См. «Тютюноработник», 27 XI 1909; «Металлороботник», 9 I 1910; «Дърводелски работник», 18 IV 1910; «Кожарообушар», 23 III 1911; «Телеграфопощенски вестник», 17 XI 1911; М. И с у с о в. Връзки между работническото движение в България и Сърбия в началото на XX в. «Исторически преглед», 1965, № 3, с. 11—25; «Георги Димитров и профсъюзното движение». София, 1972, с. 67, 219—221.

⁸⁵ ЦПА, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 112.

болгарского рабочего класса происходили изменения: процесс формирования нового класса сопровождался не только ростом его численности (в абсолютном и относительном выражении), но и повышением его грамотности и культурного уровня; постепенно создавались — не без влияния революционной социал-демократии — в повседневной жизни, раньше всего — у передовых рабочих, новые идеалы, этические нормы и ценности ⁸⁶, которые в свою очередь имели большое значение в деле пробуждения классового сознания широких слоев пролетариата. Рабочий класс превращался в потенциально значимую общественную силу ⁸⁷.

Сдвиги в сознании основной массы рабочих происходили в целом медленно. Процесс духовного развития затронул различные слои и отряды пролетариата не в равной степени: городские рабочие (в особенности, в крупных городах и промышленных центрах) приобщались к чтению и культуре гораздо быстрее сельских. Металлисты, печатники и железнодорожники превосходили по своему образовательному уровню текстильщиков, табачников, шахтеров ⁸⁸. Мужчины-рабочие имели гораздо более высокие показатели грамотности, чем работницы. Большая часть болгарского пролетариата все еще оставалась неорганизованной ⁸⁹. Будучи несознательной и необразованной, она находилась — как неоднократно отмечал перед войной Д. Благоев ⁹⁰, — под сильным влиянием мелкобуржуазной идеологии. «Действительно сознательные рабочие, — писал В. И. Ленин, — во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих» ⁹¹.

Важнейшим проявлением процесса пробуждения рабочего класса было формирование в начале сравнительно немногочисленного слоя передовых рабочих, рабочих-интеллигентов, воспитанных партий тесняков. Из этого круга постепенно в ходе классовой борьбы выделились десятки, а затем и сотни активистов — функционеров революционных профсоюзов и партии тесняков; приобретая необходимый опыт и знания, они вырастали в пропагандистов идей марксизма и организаторов широких масс болгарского пролетариата.

На рубеже XIX—XX веков такие передовые рабочие, как наборщик, организатор синдиката печатников Д. Сумпуров (1873—1903) или текстильщик Г. Василев Тилчев (1871—1913, депутат XII Народного собрания от социал-демократии) были одиночками. Спустя 10—15 лет (через сравнительно короткий срок) перед Балканскими войнами 1912—1913 гг. в рядах революционных профсоюзов и в партии тесняков уже завоевало признание немалое число рабочих, ставших руководителями отраслевых профсоюзов, пролетарскими журналистами, сотрудниками и даже редакторами профсоюзных газет.

⁸⁶ Л. Д р а м а л и е в. Комунистическата правственост в теорията и практиката на тесния социализъм. София, 1968, с. 100—107, 111—112.

⁸⁷ Эту тенденцию отмечали не только руководители и идеологи рабочего класса (см. Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 12, с. 422, 551—552; т. 14, с. 155, 539; т. 15, с. 274; т. 16, с. 380; Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 2, с. 273), но и наиболее дальновидные представители буржуазного лагеря. См. «СБИД», 1907, кн. 4—5, с. 255; Е. С т а т е л о в а. Политика, партии, печат на българската буржоазия (1909—1912). София, 1973, с. 42, 54.

⁸⁸ См. М. А. Б и р м а н. Промышленный пролетариат Болгарии начала XX в. «Советское славяноведение», 1977, № 3, с. 43.

⁸⁹ Это не являлось тогда исключительной особенностью Болгарии; во всем мире в начале XX в. (кроме Германии, Англии и Дании) профсоюзы не были многочисленными. См. Е. С. В а р г а. Капитализм XX века. М., 1961, с. 20—24; «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 2. М., 1976, с. 422—423.

⁹⁰ См. Д. Б л а г о е в: Съчинения, т. 12, с. 231, 496—497; т. 13, с. 29, 282; т. 14, с. 404, 409, 468, 511, 548; т. 15, с. 20—21, 238, 265—266; т. 16, с. 333, 339; Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 1, с. 304—305.

⁹¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 236.

Рабочим-печатником был Г. Димитров, вступивший в 1902 г. в БРСДП и избранный в 1904 г. в руководство ОРПС, а в 1909 г. — в состав ЦК партии. Талантливый организатор, отдавший всю свою огромную энергию, волю и энтузиазм борьбе за освобождение рабочего класса, трибун, зажигавший своим огненным словом рабочих, самоотверженно преданный партии и пролетариату борец, обладавший колоссальной работоспособностью и настойчивостью в самообразовании, обеспечившими ему широкие познания, Г. Димитров быстро вырос из профсоюзного активиста в пролетарского руководителя, которым болгарское рабочее движение могло гордиться⁹². Избранный в 1913 г. в XVI Народное собрание, Г. Димитров с блеском представлял в течение многих лет (до 1923 г.) болгарский пролетариат в буржуазном парламенте.

В XVI Народном собрании, кроме Г. Димитрова, — в числе депутатов от партии тесняком были и другие рабочие⁹³ — Камен Тошев (из Берковицы), Власи Власковский (из Трояна) и Александр Дунчев (из Плевена)⁹⁴. Немалое число пролетариев было избрано в 1910—1912 гг. депутатами городских муниципалитетов; среди них были: текстильщики Атанас Каварджиков, Г. Василев Тилчев, Димитр Русов, Стефан Царев и Стефан Армянов — в Сливене, рабочий деревообделочник Вичо Папазов в Шумене, кожевник Пенчо Плачков — в Габрово, Иван Парушев — в Бургасе, Мате Кербел — в Варне, Георги Токушев — в Русе, Христо Грошев — в Котеле, Коста Халваджийски — в Самоково и др.

Печатники дали болгарскому рабочему движению не только Г. Димитрова, но и Тодора Данаилова, избранного накануне войны секретарем Софийского комитета партии, и других деятелей; металлисты — Антона Иванова (1884—1942), Стояна Стойкова (1875—1921) и Петко Напетова (1880—1933); шахтеры Перника — Темелко Ненкова (1877—1925), Тодора Димитрова и Георги Кирова; пловдивские и хасковские табачники — Николу Господинова (1881—1915) и Жеко Димитрова (1886—1925); пловдивские кожевники — Рангела Димитрова (1886—1923); портные — Любу Ивошевич-Димитрову (1882—1933), швею, ставшую журналисткой и поэтессой, а с 1909 г. — редактором органа профсоюза швейников газеты «Шивашки работник» и Камена Тошева; железнодорожники — Николу Пенева (1879—1955), деревообделочники — Михаила Хлебарова (1885—1962) и др.⁹⁵

Активистов рабочего класса отличало, как правило (по свидетельству

⁹² Д. Благоев. Съчинения, т. 13, с. 398.

⁹³ Прежде лишь двое рабочих избирались депутатами (от социал-демократической партии): Г. Василев Тилчев в 1902 г. в XII ОНС и Власи Власковский в V ВНС в 1911 г.

⁹⁴ См. А. Георгиев. Път през борби и победи. София, 1965, с. 25.

⁹⁵ Многие из них (начиная с Г. Димитрова) своим духовным ростом были в немалой степени обязаны Г. Киркову: он проявлял, по словам Г. Димитрова, поистине «отповскую заботу» о воспитании и развитии молодых революционеров из рабочей среды. Г. Кирков был человеком творческим, одаренным множеством талантов. В нем удачно сочетались качества выдающегося партийного руководителя-организатора, эрудированного и высокообразованного марксиста, яркого публициста и великолепного оратора, остроумного, веселого и внимательного к людям собеседника. Наряду с этим, он был большим мастером слова, поэтом и сатириком, «художником и творцом по натуре», как его охарактеризовал Д. Благоев (Д. Благоев. Съчинения, т. 18, с. 475). Будучи в рассматриваемое время секретарем ЦК партии и руководителем профсоюзов, он непрерывно разъезжал по стране и постоянно находился в рабочей среде; тесное общение с ним помогало молодым революционерам быстрее усвоить опыт болгарского и европейского рабочего движения, точнее ориентироваться в практике классовых борб, содействовало выявлению их способностей и талантов. См. Г. Димитров. Съчинения, т. 11, с. 237; Д. Благоев. Съчинения, т. 18, с. 478; «Спомени за Георги Кирков—Маїстора», с. 11—12, 17, 24, 179.

знавших их лиц)⁹⁶, упорное стремление к знаниям и культуре, к изучению марксистской литературы. Овладев в результате настойчивого и систематического самообразования основами марксистской теории и знаниями в различных областях, они становились рабочими-интеллигентами с широкими социальными и духовными интересами и большим кругозором. Уровень интеллектуального развития некоторых из них поражал окружающих.

О духовном росте передовых пролетариев свидетельствовало и появление в их среде поэтов и корреспондентов, сотрудничавших в рабочей печати⁹⁷. Если ранее, на рубеже XIX—XX вв. зарождение рабочего класса в результате пролетаризации крестьян и ремесленников было объектом внимания писателей-профессионалов, то в начале XX в. уже среди самих рабочих проявляется стремление к литературному творчеству, что свидетельствовало о духовном пробуждении нового класса. Как отмечал Г. Бакалов в 1904 г. в статье «Рабочий пишет»: «Рабочие начинают приобретать веру в свои силы, в силы своего класса»⁹⁸. Из числа рабочих-корреспондентов формировались пролетарские журналисты, такие, как Я. Иванов, Б. Гогов, Др. Коджейков, Ю. Милев, С. Георгиев, А. Гогов, Б. Баров, А. Захариев, А. Киров, С. Бочваров, Б. Балев, Г. Лулчев и многие другие; на их плечи легла тяжесть подготовки и издания газет отраслевых профсоюзов, которые начали выходить в предвоенные годы⁹⁹.

Формирование в Болгарии в предвоенные годы отряда передовых рабочих было показателем развития и роста болгарского пролетариата в социальном и культурном отношении, достижения им определенного этапа на пути превращения из «класса в себе» в «класс для себя». Являясь активными и сознательными борцами за освобождение пролетариата, передовые рабочие, рабочие — интеллигенты воплощали в себе лучшие черты нового класса — чувство собственного достоинства, готовность к жертвам во имя достижения социалистических идеалов, выдержку и стойкость, демократизм и интернационализм, чувство солидарности с угнетенными и эксплуатируемыми во всем мире. Став носителями революционных традиций, они заложили прочную основу для дальнейшего прогрессивно-поступательного развития болгарского рабочего и социалистического движения. Именно передовые и сознательные рабочие, выдержавшие испытания в годы Балканских войн и первой мировой империалистической войны, обогащенные опытом революционной борьбы в Болгарии и за рубежом, в первую очередь — опытом Великого Октября, явились прочной опорой обновления болгарского рабочего движения, важнейшим этапом которого было преобразование в 1919 г. БРСДП (тесных социалистов) в Болгарскую коммунистическую партию.

⁹⁶ См. Архив секции истории профсоюзов НИИПП, ф. Спомени, № 72, № 278, л. 2; № 691, л. 1—2; № 865, 908, 965; № 982, л. 1; В. Ангелов. Там же, с. 160—161, 190—191; Г. Ковачев. Там же, с. 44.

⁹⁷ См. Н. И. Кравцов. Социалистическая поэзия Болгарии конца XIX — начала XX в. «Литература славянских народов», вып. 8. М., 1963, с. 3—52; Д. Ф. Марков, Болгарская поэзия первой четверти XX в. М., 1959, с. 39.

⁹⁸ «Работнишко дело», 1904, кн. 1, с. 38.

⁹⁹ А. Георгиев, Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, М. Исусов. Профсъюзният печат в България, кн. 1. София, 1958, с. 230—280; «Советское славяноведение», 1976, № 5, с. 97—98; «Георги Димитров в спомени на журналисти», с. 49, 69, 83—84, 101.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. — в годы первой революционной ситуации — общественно-политическая обстановка в Российской империи была весьма напряженной. Борьба революционных демократов, либералов и крепостников вокруг реформы и ее проведения, размежевание в связи с этим социальных сил, могучая проповедь «Современника» и «Колокола», распространение нелегальных воззваний, энергичная подготовка к польскому восстанию, деятельность тайных обществ и кружков, усиление национально-освободительной борьбы угнетенных народов — вот ее характерные черты.

Важным событием в общественной жизни на Украине в это время являлась деятельность тайной революционной организации — Харьковско-Киевского общества (1856—1860)¹, пытавшегося объединить усилия демократов в их борьбе с крепостничеством и самодержавием. Цель общества — «перемена существующего порядка в России на республиканский» и «всеобщий переворот в России»².

Часть студентов — участников тайного общества, отчисленных из Харьковского университета в 1859 г., обосновывается в Киевском университете. Здесь они создают литературный кружок, выпускают рукописный журнал «Гласность». Бывшие студенты-харьковчане во главе с Я. Бекманом активно включаются в бурную общественную жизнь Киева, стремятся установить контакты с польскими студентами Киевского университета.

Польские студенты объединялись в нелегальные кружки — гмины — по принципу землячества. В марте 1857 г. на основе гмин образуется тайная организация «Тройницкий союз», который активно действовал в 1859—1862 гг. Часть членов Союза, придерживавшаяся шляхетских взглядов, отделилась от него; другие примкнули к революционному течению, возглавляемому Провинциальным комитетом на Руси; третьи — во главе с В. Антоновичем — порвали с польским движением и присоединились к украинскому студенческому кружку³. В эти же годы политическую агитацию среди населения вело и другое тайное общество — «Общество учебного пособия польского народа», руководимое И. Коперницким⁴.

¹ Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Киев, 1960; Р. А. Таубин. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1860 гг. М., 1963.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., ед. хр. 26, ч. 1, лит. Б (ч. 3), л. 268; лит. Б (ч. 7), л. 454.

³ «Показания и записки Оскара Авейде». М., 1961, с. 133, 277—278; J. T a b i s. Polacy na uniwersytecie Kijowskim 1834—1863. Kraków, 1974, s. 91; M. D u b i e s k i. Młodzież polska w uniwersytecie Kijowskim przed r. 1863. Kijów, 1909, s. 68—69.

⁴ «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.». Киев, 1963, с. 88—93, 302—303.

Оно стало центром подготовки польского восстания на Правобережье в 1860—1862 гг.

Члены Харьковско-Киевского общества пытались наладить связи с польскими студентами. В письме М. Муравского к Н. Левченко от 24 марта 1859 г. сообщалось: «Собрания наши начались, затевается с н о в а (разрядка моя. — *Р. И.*) сближение с поляками, не знаю, что выйдет»⁵. Речь шла о собраниях харьковских и киевских студентов, «желавших сблизиться со студентами-поляками и уничтожить в последних ненависть и отчужденность от русских, которая так заметна в Киевском университете»⁶. О таком же намерении рассказывает и Л. Зеленский: «Сначала общее желание было сблизиться с польскими товарищами, но оно не имело успеха. За сим началась явная борьба; доставившая кружку значительный перевес»⁷.

Во время следствия В. Португалов говорил, что члены кружка «собирались по воскресеньям и, приглашая в свои собрания студентов-поляков, которым молва приписывала первенство между своими, читали журналы и старались убеждать их, что главное назначение студента заниматься своим делом и сколь можно более воспользоваться пребыванием в университете, дабы впоследствии соответствовать своему положению в обществе»⁸. Характеризуя таким образом эти собрания, В. Португалов пытался скрыть от жандармов подлинные цели кружка. А там, по-видимому, обсуждались и другие, более волновавшие молодежь вопросы.

Руководящие деятели «Земли и воли», первой всероссийской нелегальной организации, понимали сложность обстановки на Правобережной Украине и важность установления прочных связей с польским освободительным движением. После переговоров в ноябре 1862 г. с польским Центральным национальным комитетом (ЦНК) «Земля и воля» пыталась оказать действительную помощь польскому восстанию со стороны украинской общественности, хотя руководители ЦНК, как видно из документов, на Украине полагались лишь на свои силы. В соглашении говорилось: «Организация Центрального комитета на Украине охватит весь край по сторону Днепра. ЦНК и его организации поддерживали связи с представителями „Земли и воли“ через посредство уполномоченного русинского Провинциального комитета»⁹, т. е. польской организации на Украине. Ни о каких связях с украинскими организациями или группами не упоминалось. Это свидетельствовало об ограниченности руководителей восстания на Правобережье.

Л. Ф. Пантелеев рассказывает, что в конце 1862 г., после переговоров «Земли и воли» с представителем ЦНК Э. Падлевским, один из активных землевольцев И. Г. Жуков привез в Петербург из Киева Ф. Рьльского. «Имелось в виду, — отмечает он, — установить более определенную связь „Земли и воли“ с малороссийским движением»¹⁰. И. Г. Жуков сообщает, что А. А. Слепцов поручил ему привезти в Петербург «для переговоров кого-либо из партии украинофилов, боровшихся, как мне было известно, во главе со студентом Антоновичем с поляками за посягательство на прерогативу устранения среди местного населения благоденствия, с чем противники — украинофилы — не соглашались, считая польский элемент для Украины пришлым и чуждым для родины Шевченко, как по языку,

⁵ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 26, ч. 7 (1), с. 51.

⁶ Там же, ч. 7 (2), л. 134.

⁷ Там же, ч. 1, лит. А (ч. 3), л. 300.

⁸ Там же, ч. 7 (2), л. 109.

⁹ «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, с. 562.

¹⁰ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания. М., 1958, с. 242.

так и по вероисповеданию... Я привез из Киева Рыльского, которого поместил в своей квартире...»¹¹.

Член московского отделения «Земли и воли» И. Андрущенко сообщает о другой попытке землевольцев, в частности московского отделения, привлечь на свою сторону агентов в Киеве. Ю. М. Мосолов сказал Андрущенко, что «комитет хотел соединиться с малороссийской партией в Киеве, но безуспешно, ибо многие из молодых людей, живущих в Киеве, которых комитет хотел привлечь к себе, положительно отказались от пропаганды»¹². Он назвал В. Антоновича, который был весьма авторитетным среди киевской молодежи, и предложил Андрущенко, знакомого с ним, убедить его в необходимости совместных действий¹³. Подобный разговор об Антоновиче и украинском оппозиционном движении вел с Андрущенко и член петербургской организации «Земли и воли» П. В. Пушторский, причем почти в тех же выражениях¹⁴. Беседа с Мосоловым проходила весной 1863 г. («после святой недели»), а с Пушторским — в мае 1863 г.¹⁵.

Андрущенко был хорошо знаком и с другими украинскими деятелями. В феврале 1862 г. он вместе со студентом Петербургского университета П. Косачем ездил из Чернигова в Киев¹⁶. В Киеве Андрущенко знакомится с доктором Кистяковским, который передает через него пакет для своих знакомых на Черниговщине. Кто эти люди? П. Косач был в близких отношениях с выдающимся революционером-демократом А. А. Красовским¹⁷, участником киевской громады. А. Ф. Кистяковский — член киевской и петербургской громады, юрист, в будущем известный профессор уголовного права, один из активных корреспондентов и редакционных сотрудников украинского журнала в Петербурге «Основа». Кроме того, Андрущенко был хорошо знаком с ведущими деятелями черниговской громады — баснописцем Л. И. Глибовым, врачом С. Д. Носом (с ним он жил вместе на квартире и обменивался нелегальной литературой). Андрущенко поддерживал дружеские связи с участником к тому времени уже разгромленного Харьковско-Киевского общества А. Тыщинским, учителем гимназии И. П. Дорошенко и др. Андрущенко помещал свои статьи в «Черниговском листке», издаваемом Глибовым, посылал свои материалы в Петербург, в «Основу»¹⁸.

Контакты Андрущенко с этими людьми и стремились использовать землевольцы. Именно в разгар польского восстания в Литве и Белоруссии Андрущенко привозит на Украину большое количество нелегальной литературы¹⁹. Это были запрещенные издания «Что нужно народу?» (110 экз.), «Долго давили вас, братцы!» (30 экз.), «Колокол» (214 экз.), «Под суд» (31 экз.), «Свобода» № 1 (57 экз.), «Льется польская кровь» и др.²⁰.

В своих беседах со знакомыми в Чернигове Андрущенко не раз касался польского вопроса. В доносе на подпоручика А. Белозерского, с которым

¹¹ И. Г. Жуков. Воспоминания шестидесятника. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 552.

¹² «Русско-польские революционные связи», т. II, с. 131—132.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 134, 136.

¹⁵ Там же, с. 136.

¹⁶ Там же, с. 140.

¹⁷ Б. С. Познанский. Воспоминания. М., 1913, с. 59.

¹⁸ М. Сиваченко, О. Декко. Леонід Глібов. Київ, 1969, с. 5, 30—39, 45, 58—62.

¹⁹ М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов. «История СССР», 1957, № 1, с. 129—130; М. Сиваченко, О. Декко. Там же, с. 50—52.

²⁰ «Русская историческая библиотека № 2. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.» (Первое приложение к сборнику «Государственные преступления в России» (далее — «Материалы для истории...»). Под ред. Б. Базилювского (В. Богучарского), с. 81; «Русско-польские революционные связи», т. II, с. 129

встречался Андрущенко, поручик Герасимов сообщает, что Белозерский много говорил ему «о польских делах, причем отозвался, что поляки не так виноваты, как они говорят и пишут»²¹. Белозерский знакомил Герасимова со стихами и листовками, которые были привезены из Петербурга знакомым ему студентом, т. е. Андрущенко. Позднее Белозерский более подробно посвящает Герасимова в польские дела, рассказывает, очевидно со слов Андрущенко, что в подготовке восстания поляков участвуют многие лица, проживающие в разных концах империи, даже лица, занимающие высокие посты, «способствуют в этом», а Польский центральный комитет никогда не может быть раскрыт, потому что состоит под председательством какого-то важного сановника при наместнике Царства Польского, покровительствующего и Русскому комитету²². Герасимов обвинял Белозерского в сочувствии к полякам, что считалось для военного государственной изменой. Впрочем, на следствии Белозерский, прикрываясь шаблонной фразой, что он «родился на той почве, которая несколько раз была обогрена кровью его предков в борьбе против притеснений со стороны поляков», отрицал это²³.

О сочувствии прогрессивной украинской общественности борющейся Польше свидетельствуют многочисленные жандармские донесения: о воззваниях на украинском языке, распространяемых среди харьковских студентов, которые якобы имели целью «возмутить малороссию против правительства»; о ношении харьковскими студентами летом 1863 г. украинской и польской национальной одежды, причем последняя была похожа на одежду инсургентов, как тогда называли повстанцев²⁴; о распространении стихов среди учащихся в Киевской духовной академии, в которых выражалось «сочувствие Украине и Польше», и в частности радость и благодарность богу, «бо вже поляк із кайданів вийняв одну ногу»²⁵. О сочувствии киевлян польскому освободительному движению сообщает в письмах к родным студент М. Драгоманов²⁶.

В литературе уже рассматривалась деятельность В. Синегуба и его единомышленников, которые пытались поднять восстание крестьян Левобережной Украины для оказания помощи польским повстанцам²⁷. Это одна из ярких страниц в истории украинско-польских революционных связей в период восстания 1863 г. При освещении данного вопроса было высказано мнение, что в Киеве параллельно с польскими тайными обществами существовало украинское тайное общество. Одним из главных доказательств этого является ссылка на третий пункт соглашения «Земли и воли» с ЦНК.

В соглашении, составленном на французском языке, одна из организаций именуется «Comité provincial de la Petite Russie». Термины «Малая Русь», «Русь», «русинский» употреблялись для обозначения Правобережной Украины, а действовавшие здесь польские тайные организации именовались «Центральный комитет на Руси», «Провинциальный комитет на

²¹ «Русско-польские революционные связи», т. II, с. 127.

²² Там же.

²³ «Материалы для истории...», с. 122.

²⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксл., ед. хр. 366.

²⁵ Там же, ед. хр. 230, ч. 38 (1), л. 86.

²⁶ Р. П. И в а н о в а. Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України. Київ, 1971, с. 24—25.

²⁷ А. З. Б а р а б о й. Попытка украинских революционеров организовать помощь польскому восстанию. «Вопросы истории», 1957, № 1; Г. И. М а р а х о в. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967; е г о ж е. Андрий Красовский — борец проти кріпосництва і самодержавства. Київ, 1961; М. Э. А н а т о л і й С в и д н и ц ь к и й і зародження соціального роману в українській літературі. Київ, 1962 и др.

Руси», «Временное правительство на Руси». В третьем пункте соглашения указывалось, что организация ЦНК на Украине установит «прямые связи» с «Землей и волей» «через уполномоченного члена Русинского провинциального комитета» (т. е. польского революционного комитета, существующего на Украине. — *Р. И.*), который войдет в соглашение с уполномоченным комиссаром Комитета Свободной России (т. е. «Земли и воли». — *Р. И.*), действующим в качестве члена провинциального Малороссийского комитета²⁸.

А. З. Барабой и Г. И. Марахов полагают, что здесь название «Малороссийский комитет» относится не к польской, а к особой украинской организации²⁹. В таком случае представитель ЦНК должен был установить отношения с «Землей и волей» через украинскую организацию в Киеве. В документе же говорится о прямых связях, а не о посредничестве иной организации.

Кроме того, из упомянутого документа следовало бы, что член украинской организации одновременно был уполномоченным комиссаром «Земли и воли» и членом польского провинциального комитета. По мнению А. З. Барабои, таким членом и уполномоченным был В. Синегуб, по предположению Г. И. Марахова — А. А. Красовский. При этом Г. И. Марахов считает, что вследствие разногласий по национальному вопросу из польского тайного общества в Киеве выделилась украинская организация, которая, однако, помогала полякам в подготовке восстания. Руководящую роль в этой организации играл А. А. Красовский³⁰. По словам Г. И. Марахова, в декабре 1861 г. «петербургская революционная организация избрала его киевским корреспондентом», т. е. официальным представителем «Земли и воли» на Украине.

В письме к жене от 15 декабря 1861 г., на которое ссылается и Г. И. Марахов, А. Красовский весьма определенно говорит, чьим корреспондентом он был: «...что же касается до занятий, то как избранный меж петербургскою громадою киевским корреспондентом, я не буду иметь в них недостатка, а с открытием школы и книжного магазина в Киеве³¹ буду иметь за свои труды вознаграждение»³². Таким образом, Красовский был представителем в Киеве петербургской громады, группировавшейся вокруг журнала «Основа», а не «Земли и воли».

Если бы на Украине существовало отделение «Земли и воли» или была связанная с ним особая украинская организация, то тогда зачем же руководители «Земли и воли», стремясь поддержать польских повстанцев, искали связи с «малороссийским движением» в конце 1862 г. в лице В. Антоновича и Ф. Рыльского через И. Г. Жукова или весной 1863 г. через И. Андрущенко.

Для доказательства существования малороссийского общества, или украинской организации используются показания В. Синегуба. Со слов А. Красовского, В. Синегуб сообщает о системе приема в эту организацию. Член общества должен завербовать кого-нибудь и сообщить о нем своему

²⁸ «Русско-польские революционные связи», т. I, с. 562.

²⁹ Названия «Киевское тайное общество», «Малороссийский комитет», встречающиеся в литературе того времени, относятся к польским революционным организациям на территории Украины. При этом авторы упускают из виду слово «провинциальный», которое прямо указывает на то, что это польская организация. Не мог же украинский революционный комитет в Киеве именовать себя «провинциальным». Не мог он именовать себя «провинциальным» и по отношению к «Земле и воле», так как тогда это была бы не украинская организация, а провинциальное отделение «Земли и воли».

³⁰ Г. И. М а р а х о в. Андрий Красовський..., с. 33.

³¹ Об этом хлопотали члены петербургской громады. «Общественно-политическое движение на Украине 1863—1864 гг.», Киев, 1964, с. 145—147.

³² ЦГВИА, ф. 801, оп. 80/21, ед. хр. 48, л. 706—707.

вербовщику. Таким образом, член общества знал только двух людей, которые вместе с ним составляли тройку. В. Синегуб узнал от А. Красовского, что Центральный революционный комитет, возглавлявший тайное общество, состоял из пяти человек и что каждый член общества должен был платить денежный взнос³³. О каком Центральном революционном комитете шла речь?

Известно, что на Правобережье существовал польский Центральный комитет на Руси, в августе 1862 г. он был переименован в Провинциальный комитет на Руси, его руководство состояло из пяти человек³⁴. О. Авейде также сообщает, что в начале 60-х годов «польско-революционная» часть Тройницкого союза «образовала польский заговор, бывший отраслью Центрального комитета и имевший своей главой провинциальный комитет на Руси»³⁵. Тройницкий же союз базировался на системе троек, нелегальная студенческая касса пополнялась и за счет взносов членов гмин, входивших в союз. Руководящий центр этого объединения гмин тоже состоял из пяти человек³⁶.

В связи с этим можно предположить, что А. Красовский говорил В. Синегубу о польском Центральном комитете. А. Красовский, как и В. Антонович, М. Драгоманов и другие члены Киевской громады³⁷, мог знать о существовании польского революционного комитета. Он был связан с польским освободительным движением. В. Синегуб сообщил, что А. Красовский накануне ареста перепрягивал масонские регалии (масонство было распространенной формой польского освободительного движения в первой половине XIX в.). Среди этих знаков были католические символы — две вышивки на голубой ленте церкви св. Петра (в Риме), а также латинская буква С³⁸. В марте 1863 г. один из членов польской революционной организации в Одессе Ст. Голуб обвинялся в попытке приобрести заграничные паспорта «для отправления некоторых членов общества за границу, пойманных в Киеве, в том числе полковника Красовского»³⁹. В материалах следствия говорилось о чисто коммерческих связях С. Голуба с А. Красовским. Это, однако, не исключало связей Красовского с участниками польских тайных организаций.

В донесении начальника Полтавской губернии министру внутренних дел о показаниях В. Синегуба отмечалось: «... Красовский же сообщил ему о существовании польского революционного комитета⁴⁰ и двух центральных: малороссийского в Киеве⁴¹ и русского в С.-Петербурге и, кроме того, в Петербурге же, малороссийской громады. Из личного знакомства с Кулишом он узнал, что все сотрудники журнала „Основа“ принадлежат к Петербургской малороссийской громаде и сам он, Синегуб, принадлежит к Малороссийскому революционному комитету в Киеве в качестве агента. Все три комитета сообщаются между собой»⁴².

Донесение весьма путаное, но очевидно, что П. Кулиш — член петербургской громады, представитель правого, либерально-буржуазного

³³ «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.», с. 78—79.

³⁴ Там же, с. VIII.

³⁵ «Показания и записки Оскара Авейде», с. 133, 278.

³⁶ J. T a b i s. Ibid., s. 91, 97.

³⁷ В. Антонович, как недавний участник Тройницкого союза и член первой тройки (В. Антонович, Л. Гловацкий, В. Милович); J. T a b i s. Ibid., s. 918; Институт литературы АН УССР им. Т. Г. Шевченко, Архив М. П. Драгоманова, письмо от 8 II 1863 г.: «В Киеве, конечно, есть революционный комитет польский, между образованными людьми русскими есть люди, которые желали бы торжества полякам...».

³⁸ «Общественно-политическое движение на Украине 1863—1864 гг.», с. 79.

³⁹ Там же, с. 53.

⁴⁰ Очевидно, ЦНК.

⁴¹ По нашему мнению — это Центральный комитет на Руси.

⁴² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 23, ч. 171, л. 20.

ее крыла, ярый противник польского движения на Украине, мог не знать о существовании тайного польского Малороссийского комитета в Киеве. Так, по-видимому, именовалась (им, Синегубом, или приставом, который вел следствие) украинская громада в Киеве. В этом же документе сообщается, что В. Синегуб причисляет себя к «Киевскому обществу малороссийских пропагандистов», в которое будто бы был введен полковником Красовским. Давая объяснение по названному им Малороссийскому комитету, он причисляет себя к «Киевскому громадному обществу», упоминает «Общество хлопоманов (членов малороссийской партии возмущения)» и называет дом помещика В. Потоцкого, в котором жил, «революционным комитетом»⁴³. При таком разнообразии названий тайной организации теряется доверие к точности показаний юного В. Синегуба⁴⁴, и вряд ли можно сделать определенное заключение, о каком революционном комитете он говорит — о том, о котором ему сказал А. Красовский (по нашему мнению — польском) или П. Кулиш (по нашему убеждению — киевской громаде). Возможно, что в его воображении совместились эти две организации. Но самое главное, что В. Синегуб и его друзья постоянно чувствуют себя связанными именно с киевской громадой.

Все участники заговора — братья Потоцкие, В. Пилипенко, С. Плещенко и сам В. Синегуб — знали о деятельности этой громады, называли многие имена, а С. Плещенко даже угрожал помещику В. Потоцкому набрать в Киеве ремесленников, «принадлежащих к громаде», и расправиться с ним. В. Синегуб и его друзья распространяли среди крестьян революционные песни громадovца А. Свидницкого, и само название крестьянского кружка — «Громада» — может свидетельствовать о том, что В. Синегуб считал себя членом киевской громады и продолжал дело ее наиболее радикальных представителей, каким был А. Красовский⁴⁵, приписав ей название революционной организации.

Эти показания В. Синегуба (которые, впоследствии он опротестовал как наветы переяславского исправника Сокольского⁴⁶) — единственные аргументы в пользу существования так называемого Малороссийского общества. Они не могут быть основанием для такого утверждения. Ни В. Синегуб, ни его брат — С. Синегуб, позже писавший об этом, ни А. Красовский, оставивший свои записи, ни единым словом не обмолвились о таком обществе.

Участники украинского общественного движения конца 50-х начала 60-х годов объединялись в Харьковско-Киевском обществе, демократических и оппозиционных группах и кружках, как екатеринославский клуб пиквиков⁴⁷, или громады, весьма неоднородные по своему составу, в которых выделялось сильное левое течение. К нему и принадлежали А. Красовский, В. Синегуб и др.

⁴³ Там же, л. 14, 20, 25, 26, 27.

⁴⁴ Тогда ему было 20 лет.

⁴⁵ На следствии В. Синегуб рассказывал и о других членах громады, проводивших агитационную работу, например, о Касьяненко, который «возмущал крестьян села Корнеевки и подготовлял громаду вроде Пилипчанской». ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., ед. хр. 23, ч. 171, л. 26.

⁴⁶ В связи с этим заявлением была создана комиссия для перепроверки дела, длившейся более двух лет. Следствие пришло к выводу о принадлежности участников заговора к противоправительственному «Обществу хлопоманов», как еще называлась киевская громада. Интересно, что партия «белых», по свидетельству одного из руководителей польского восстания на Киевщине Рудницкого, — «ловкими доносами, придав призраку хлопоманства грандиозные размеры, успела обратить на него все внимание местной администрации и тем самым отвела глаза от действительной опасности» — т. е. польского движения. Там же, л. 133—134, 154.

⁴⁷ И. Е. Баренбаум. Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970.

К киевской громаде относился и кружок молодежи, объединившейся вокруг выпускника Петербургского университета П. Чубинского. В него, по донесению жандармов, входили студент Синегуб (один из пяти братьев), гимназист В. Синегуб (уже известный нам), Касьяненко, казак села Войтова, волостной писарь Коваленко, временнообязанный крестьянин С. Плещенко, волостной старшина с. Войтова Дзюба и др.⁴⁸ Именно из этого кружка, по убеждению киевских жандармов, вышла знаменитая прокламация «Усім добрим людям», призывающая к немедленному восстанию. За нее-то П. Чубинский и был отправлен в ссылку, хотя следствие не доказало его авторства. В. Синегуб и С. Плещенко действовали самым решительным образом. Плещенко, как показал на следствии В. Пилипенко, создал вооруженный отряд из 50 человек в с. Носовке (В. Синегуб поправил — в Оржиде) на Черниговщине⁴⁹. В. Синегуб с помощью своих товарищей, братьев Потоцких, В. Пилипенко и других организует сельскую «Громаду» из 16 парней в селах Пилипча, Войтово, Корнеевка, Большой Крупол Переяславского уезда Полтавской губернии. Л. Потоцкий на следствии показал, что В. Синегуб «откровенно высказывал свое намерение присоединиться к польским мятежникам» и советовал В. Пилипенко «ехать в Киев к двум братьям Пясецким, которые от польской гмины снабдят его фальшивыми паспортами и средствами для присоединения к инсургентам»⁵⁰. Правда, в критический момент члены крестьянской «Громады» отказались идти за В. Синегубом и В. Пилипенко и даже требовали расписки, что последние «ни на что дурное не подговаривали» их. На следствии В. Синегуб говорил, что он много раз выступал перед крестьянами с речами, но «никто не выразил мне готовности участвовать в заговоре», даже когда он «превратил свое толкование в превратный смысл, т. е. идти не на помощь полякам, а против них»⁵¹. Много позже брат В. Синегуба С. Синегуб писал: «Во дни юности этот брат (Владимир. — *Р. И.*) участвовал в украинофильском движении и присоединился с частью украинофилов к восстанию поляков 1863 г. Все его участие, впрочем, выразилось в неудачной попытке вызвать восстание тамошнего казачества одновременно с восстанием поляков». С. Синегуб сообщает, что и другой член киевской громады — П. Чубинский пытался поднять крестьян в Киевской губернии, в имении Трепова (имеется в виду распространение прокламации «Усім добрим людям»). «Мне известны только эти два члена „Киевской громады“, попытавшиеся вызвать восстание хохлов одновременно с поляками для восстановления Украины», — заключает С. Синегуб⁵².

Интересно сообщение о П. Чубинском. Он и В. Синегуб одно время вместе жили, вместе с другими собирали сходки сельской молодежи на хуторе Павловка, в Басании и Борисполе, ездили в Канев на могилу Т. Г. Шевченко, толковали народу «либеральные места из неизданных сочинений этого писателя, что действовало на легковверный ум молодежи простого класса»⁵³.

О демократических убеждениях молодого П. Чубинского свидетельствует его деятельность в Петербургском университете. Он активно работал в студенческой корпорации, принимал участие в выработке ее устава, в студенческом суде⁵⁴, в марте 1861 г. участвовал в совещании польских

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 230, ч. 38 (1), л. 15—16.

⁴⁹ Там же, ед. хр. 23, ч. 171, л. 24.

⁵⁰ Там же, л. 23.

⁵¹ «Общественно-политическое движение на Украине 1863—1864 гг.», с. 138.

⁵² С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. «Былое», 1906, № 8, с. 43.

⁵³ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 230, ч. 38 (1), л. 16, 24.

⁵⁴ Л. Ф. Пантелеев. Там же с. 156, 158.

и русских студентов, которые обсуждали вопрос об объединении русской и польской студенческих организаций⁵⁵. Вместе с другими в феврале 1861 г. он выступил в защиту польских студентов, когда попечитель учебного округа И. Д. Делянов решил наказать их за участие в патриотической панихиде в память расстрелянных в Варшаве манифестантов. Когда начальство потребовало от студентов список участников панихиды, русские студенты начали вписываться, даже те, которые не были на панихиде. На одной из бурных сходов П. Чубинский выступил с речью, в которой «с малороссийским юмором, что называется по косточкам разобрал Ивана Давыдовича (Делянова.— Р. И.)»⁵⁶.

П. Чубинский в ряде статей, опубликованных в «Основе», рассказывал о злоупотреблениях помещиков, в том числе и польских, при проведении земельной реформы. Выступая против польского землевладения на Украине, он сочувственно относился к борьбе польских революционеров за независимость Польши. Позже, в ссылке, П. Чубинский устанавливает связь с местным польским кружком политических ссыльных. Ближе всего Чубинский сдружился со ссыльным поляком Павловским. Оба они пользовались авторитетом у архангельского губернатора князя Гагарина. Будучи секретарем статистического комитета, Чубинский предложил принять в члены комитета одного из поляков, находившегося под надзором полиции, «а когда прокурор спросил, хорошо ли принимать в члены состоящих под надзором, то он (Чубинский.— Р. И.) ответил: ссылка под надзор не может быть ни для кого бесчестием»⁵⁷. Прочитав статью Соловьева в «Отечественных записках», где проводилась мысль, что диктатура в России не может быть вечной, Чубинский написал на полях журнала: «Совершенно справедливо, к черту русская диктатура. Малороссы хотят быть самобытными. Да здравствует хохлацкий царь Перебендя. Долой Романовку!»⁵⁸.

Это высказывание становится яснее в свете объяснений В. Синегуба по поводу взглядов членов киевской громады: «Цель громады была — достигнуть соединения славянских племен: сербов, болгар, русских, малороссов, поляков и совершенная самостоятельность Малороссии, что я извлек из знакомства с Чубинским»⁵⁹. Очевидно имелись в виду славянская федерация и самостоятельная «Малороссия» во главе с «хохлацким царем Перебендей» (Перебендя — образ народа, певца его вольности в поэзии Т. Г. Шевченко), т. е. с системой народоправства. Идея не новая, выдвинутая еще Кирилло-Мефодиевским обществом⁶⁰.

Дальнейшие объяснения В. Синегуба, однако, указывают на то, что П. Чубинский не был радикальным деятелем киевской громады. «Но касательно средств к достижению этой цели, — говорит В. Синегуб, — я с Чубинским во многом расходился, он предлагал средства миролюбивые без насилий, а я, руководствуясь мнением Красовского, желал революции и беспорядков»⁶¹. Возможно, что таким образом В. Синегуб пытался спасти своего соратника, виновность которого, в отличие от Красовского, не была доказана. Ведь «Отзыв из Киева», ставший кредом либеральной части киевской громады, был подписан и Чубинским и В. Синегубом.

⁵⁵ Т. Г. Снытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х гг. и восстание 1863 г. В кн. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи. М., 1960, с. 215.

⁵⁶ Л. Ф. Пантелеев. Там же, с. 174.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., ед. хр. 230, ч. 38 (2), л. 149, 152.

⁵⁸ Там же, л. 152.

⁵⁹ «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.», с. 136.

⁶⁰ Г. Я. Сергієнко. Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів, Київ, 1972, с. 194.

⁶¹ «Общественно-политическое движение на Украине 1863—1864 гг.», с. 136.

«Отзыв» был напечатан летом 1862 г., а после этого и Чубинский и В. Синегуб продолжали вести с крестьянами «либеральные» беседы, распространять революционные воззвания, а В. Синегуб в начале 1863 г. создавал группу из крестьян для помощи восставшим полякам. «Отзыв» мог быть ширмой для более радикальной деятельности некоторых членов громады. Возможно, что и П. Чубинский, только что вернувшийся из Петербурга, примыкал тогда к ним. В дальнейшем он совершенно отошел от революционной деятельности, став одним из «столпов» либерально-буржуазного просветительства.

В кружке украинской молодежи, входившей в киевскую громаду, был и известный впоследствии украинский писатель А. Свидницкий. Он принадлежал к той части молодежи, которая высказывалась за революционную борьбу против самодержавия. В его широко распространенных среди интеллигенции песнях «Вже більше літ двісті», «В полі доля стояла» и других звучал открытый призыв взять в руки точеные ножи и направить их на «панів та на царя»⁶².

Революционные песни Свидницкого использовали В. Синегуб и В. Пилипенко для агитации среди крестьян с. Пилипчи и других сел. Эти песни, особенно «В полі доля стояла», знали наизусть все парни из пилипчанской «Громады»⁶³.

Свидницкий, сочувствуя борьбе поляков за независимость, был решительно настроен против польских помещиков. В письме к М. Муравскому он высказывал опасение, что польские помещики используют слухи о приходе на Украину Гарибальди для помощи крестьянам в их борьбе с помещиками для провокационных действий и расправы над народом⁶⁴.

Весьма показательны взгляды на польское восстание 1863 г. еще одного участника киевской громады 60-х годов А. Красовского. Он принимал участие в создании воскресной школы, переписывался с петербургской громадой «об учреждении в Киеве книжного магазина и библиотеки для чтения», установил связи с представителями черниговской громады, в частности с А. Марковичем. По приезде в Киев осенью 1861 г. Красовский выразил солидарность с борющимся польским народом, присутствуя в католическом храме на панихиде по И. Лелевелю, которого он уже на следствии назвал «знаменитым ученым и историографом». В бумагах Красовского при обыске были найдены портрет Лелевеля с краткой биографией, а также текст польского патриотического гимна, который он получил во время панихиды⁶⁵.

По свидетельству В. Синегуба, А. Красовский был сторонником самых энергичных действий в отличие от большей части громады, которая считала, что Украина не должна думать о своей самостоятельности. «В будущем, — рассказывает В. Синегуб, — мы ожидали совершенного единства с поляками и с демократической республикой русской, которую высказала в брошюре „Молодая Россия“, которую дал мне Красовский...». В. Синегуб, желая привлечь на свою сторону В. Пилипенко, рисовал «живописные картины будущего», рекомендовал «наущать молодежь с. Пилипчи на присоединение к полякам, в каких словах я его подговаривал не помню, но мысль была та, о которой мне высказал Красовский...»⁶⁶. Вероятно, речь шла о единстве с поляками и русскими в борьбе против самодержавия.

⁶² А. С в и д н и ц ь к и й. Оповідання. Київ, 1927, с. XVIII.

⁶³ М. С. С и в а ч е н к о. Там же, с. 56—62.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., ед. хр. 230, ч. 95, л. А; ч. 1, л. 134.

⁶⁵ «Общественно-политическое движение на Украине 1863—1864 гг.», с. 145, 146, 147, 279.

⁶⁶ Там же, с. 79—81.

А. Красовский разделял взгляды демократических деятелей киевской громады, изложенные в ее рукописном журнале «Самостайне слово». В статье «О взгляде польского общественного сообщества на Украину», опубликованной в первом номере журнала, была выражена солидарность с польскими деятелями по вопросу о братстве народов, ибо «наше наилучшее желание было и будет общеславянская братская федерация», в которой бы всякий народ имел самоуправление⁶⁷. В статье осуждалось стремление разорвать Украину на части. Ее расчленение принесло бы вред украинскому народу, ослабило бы его моральную силу и уважение к полякам. Она заканчивалась призывом к «правдивым» полякам признать за украинским народом право на самоопределение. И «только в таком случае могут родиться дружественные отношения»⁶⁸ между обоими народами.

С этими идеями перекликаются строки из стихотворения А. Красовского⁶⁹, помещенного в том же номере журнала, «Перше слово ляхам». В нем высказывается сожаление, что «федерация» провозглашается лишь на словах, а словами ведь «не обновить мир».

Будь в господі щирим братом,
Шануй слов'явина,
Тоді буде тобі сватом
Ціла Україна!
Шануй наші всі звичаї,
Нашу мову — віру,
Не кажи, що польський край,
Тогді ми повірим...
А як будеш ти ділити
По Дніпр Україну,
То не будем в згоді жити —
Лучше всі загинем.

Если «Самостайне слово» различало поляков, от которых «еще до сих пор пахнет взглядом гербовой шляхты XVII в.»⁷⁰, и прогрессивных польских деятелей — «громадницьких» (от слова громада — община), то рукописный журнал буржуазно-либеральной части киевской громады — «Громадниця», судя по статьям его второго номера, рассматривает поляков «лишь как польских господ, которые притязают на украинские земли по Днепр, хотят поставить украинцев «для служения ясновельможной шляхте» и с которыми не может быть и речи об общей борьбе здесь, на украинской земле, «пока не поймут смысла русской пословицы: „Не в свои сани не садись“»⁷¹. Таким образом, либерально-буржуазная часть киевской громады была в одном лагере с русскими либералами, исключала какое бы то ни было сотрудничество с польскими патриотами на Украине, считала их борьбу справедливой лишь в Царстве Польском⁷², занимала националистические позиции.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 801, оп. 80/21, ед. хр. 48, л. 526.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ В письме к жене от 7 декабря 1861 г. А. Красовский сообщает: «...две мои думки и одна песня были помещены в „Самостайном слове“ (рукописном журнале украинском, издаваемом при здешнем университете) и прочитаны публично с большим одобрением, что поощрило меня на дальнейшее». В архиве А. А. Красовского имеются копии только трех номеров упомянутого журнала, в которых помещены два стихотворения, подписанные «Данило Лыхый». Поэтому можно считать их автором Красовского. Там же, с. 529.

⁷⁰ Там же, с. 526.

⁷¹ Там же, с. 520—521.

⁷² Там же.

Польское освободительное движение этой поры имело общероссийское и всеевропейское значение ⁷³. «Передовым отрядом демократии», «оплотом цивилизации» называл борющуюся Польшу В. И. Ленин ⁷⁴.

Этого не понимала значительная часть украинских общественных деятелей, на формирование взглядов которых значительное влияние оказали воззрения Н. Костомарова, П. Кулиша и других украинских буржуазно-либеральных деятелей. Накануне восстания, с 1857 по 1862 гг., между ними и группой польских публицистов (М. Грабовский, Т. Падалица, Нарбут) происходила острая полемика. Польские шляхетские публицисты утверждали, что поскольку дворянство и интеллигенция на Украине польские, значит и этот край польский. Украинский народ они считали ветвью польского народа. Они ополчились, в частности, против монографии Костомарова «Богдан Хмельницкий», обвиняя ее автора в разжигании антишляхетской ненависти среди украинцев ⁷⁵.

Группа украинских деятелей в Петербурге решительно выступила против этой концепции. Костомаров опубликовал в «Современнике» статьи: «Начало Руси», «Из могильных преданий», «Заметка на возражение о происхождении Руси», «О казачестве. Ответ „Виленскому вестнику“», «Ответ г. Падалице» ⁷⁶. Публикация этих статей на страницах «Современника» позволяет предполагать, что Чернышевский и его единомышленники в определенной степени разделяли мнение Костомарова относительно бывших непольских провинций Польши. В связи с нападками Аксакова на Чернышевского Костомаров в письме к Аксакову решительно осудил его и даже обвинил в предательстве: «Если же вы начнете развертывать все папильотки, в которые завито то, что подается ими почтеннейшей публике, то результат выйдет тот, что Чернышевского посадят в крепость, либо пошлют в Вятку, как проповедника безбожия, социализма, революции, а вам дадут орден за разоблачения зловерного учения» ⁷⁷.

Выступая в журнале «Основа», Костомаров развенчивал утверждения о «мирном» присоединении украинских земель к Речи Посполитой, раскрывал давние исторические связи русского и украинского народов, высказывался за их политическое и культурное единство: «Мы желаем идти с великорусским народом одной дорогой, как шли до сих пор; наши радости и печали пусть будут общие» ⁷⁸.

Однако он предавал «анафеме» и тех, кто выступал вместе с польскими повстанцами. Это означало — никакой поддержки восстанию. Таким образом, либерально-буржуазная интеллигенция Украины выступала на стороне русского самодержавия.

В фарватере либерально-буржуазного течения оказались и недавние хлопоманы — В. Антонович и Ф. Рыльский.

В статье «С правого берега Днепра» Ф. Рыльский резко осуждал польский аристократизм и полонизацию населения Украины ⁷⁹. Во время восстания Антонович отговаривал многих поляков от участия в нем ⁸⁰. Шляхетские демократы обвиняли Антоновича и Рыльского в подготовке новой коалиции, социальной революции, обвиняли даже в «коммунистической» пропаганде среди украинского народа.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

⁷⁴ Там же, т. 7, с. 238.

⁷⁵ «Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова». Київ, 1928, с. 58, 75, 79.

⁷⁶ «Современник», 1861, № 2—5, 8—10.

⁷⁷ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Н. П. Погодина, т. XVIII. СПб., 1902, с. 135.

⁷⁸ «Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова», с. 154.

⁷⁹ «Основа», 1862, № 1, с. 94—95.

⁸⁰ Б. С. Познанский. Там же, с. 63.

Активно выступал на страницах «Основы» и П. Кулиш в либерально-буржуазном духе⁸¹.

В 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин подчеркнул прогрессивность польского восстания 1863 г. Он писал: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»⁸². В. И. Ленин критиковал украинского деятеля М. П. Драгоманова, который, отрицательно оценивая польское восстание, «выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии»⁸³.

Многие украинские демократы верили в революционную Польшу, помогали тому, чтобы она разваливала этот «смирительный дом», как называл А. И. Герцен российскую самодержавную полукрепостническую империю, отдавали этому делу вместе с лучшими сынами Польши свои силы и жизни, как например А. Потебня. Значительная же часть украинских общественных деятелей заняла выжидательную позицию или решительно отвернулась от борьбы поляков, не понимая ее значения, не умея ее использовать. Таких было, к сожалению, большинство.

Но законы исторической логики отомстили им за эту хуторянскую узость. Очень скоро представители либерально-буржуазного лагеря украинского общественного движения были отброшены в сторону от бурных событий общественной жизни. Они стали на путь соглашательства с правительственными кругами, угодничества и постепенно утратили свою общественную значимость. «Весна» украинского либерализма была слишком робкой и не выдержала исторического испытания, каким было для нее польское восстание 1863 г. Только наиболее демократическая часть украинского освободительного движения проявила достаточно политической зрелости и гражданского мужества для решительной поддержки борьбы польских патриотов за независимую демократическую Польшу.

⁸¹ «Основа», 1862, № 2, с. 76, 77.

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, 297.

⁸³ Там же. Примечание.

А. Л. ДЮВЕРНУА И ЕГО РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯН

Александр Львович Дювернуа в течение 18 лет возглавлял кафедру славянских наречий Московского университета, где получили образование многие известные слависты. Несмотря на то что труды А. Л. Дювернуа оставили заметный след в науке, его творчество до сих пор мало исследовано. Представляется необходимым хотя в малой мере восполнить этот пробел. В настоящей статье ставится цель изложить творческую биографию А. Л. Дювернуа, а также проанализировать те его работы, которые относятся к истории славян. Подробное освещение филологических трудов А. Л. Дювернуа в задачи предлагаемой статьи не входит, однако в ней приводятся имеющиеся в литературе отзывы об этих трудах.

В архивах сохранилось немного материалов о жизни и деятельности А. Л. Дювернуа: в их числе ряд официальных документов, письма ученого к русским и зарубежным коллегам, деловая корреспонденция его вдовы, связанная с публикацией наследия московского профессора; в ЦГАЛИ имеется небольшой отдельный фонд А. Л. Дювернуа, где можно найти некоторые автографы ученого; кое-какие документы хранятся и в других архивах. Литература о А. Л. Дювернуа состоит из воспоминаний, кратких статей в справочных изданиях, рецензий на работы ученого. Меньше всего отзывов о сочинениях А. Л. Дювернуа по истории славян, и они не могут удовлетворить современного читателя.

Дата рождения А. Л. Дювернуа в большинстве статей о нем дается неверно. Как правило, указывается 1839 или 1840 г.¹ На самом же деле А. Л. Дювернуа родился 24 августа 1838 г.² В 1861 г. он окончил со степенью кандидата историко-филологический факультет Московского университета³ и стал магистрантом. В 1865 г. после сдачи магистерского экзамена был командирован за границу для подготовки к профессорскому зва-

¹ «Умер на 47 году жизни», указывают «Московские ведомости» (март 1886, № 83, с. 4) и «Русский филологический вестник» (т. 15, 1886, № 1). Это предполагает 1839 год рождения. Дата «1840» указана в изданиях: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI, 1893, с. 365; Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 6. СПб., 1890, с. 51; Новый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVII, с. 96; Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцева, т. 6. СПб., 1905, с. 378. Приблизительно верную дату указал лишь А. И. Соболевский в ЖМНП, ч. 245, 1886, № 5, отд. «Современная летопись», с. 67. Здесь сказано, что А. Л. Дювернуа скончался на 48 году жизни. Это соответствует истине, но точной даты рождения не приводит и А. И. Соболевский.

² ЦГАИД, ф. 733, оп. 141, д. 53, л. 17—свидетельство о рождении; л. 41 — формулярный список о службе А. Л. Дювернуа от 23 I 1868.

³ Там же, л. 41—44 — формулярный список о службе А. Л. Дювернуа; л. 3 — аттестат, заверенный 7 VIII 1864; ЦГАМ, ф. 418, оп. 58, д. 87, л. 14 — формулярный список о службе А. Л. Дювернуа.

нию⁴. В течение 1865—1867 гг. слушал лекции в Вене, Гейдельберге, Берлине, Иене, Тюбингене, работал в архивах и библиотеках этих городов⁵. Значительное время молодой ученый провел в Праге, о чем свидетельствуют литература и архивные данные⁶.

8 июня 1867 г. А. Дювернуа защитил магистерскую диссертацию⁷ и вскоре был утвержден в звании доцента⁸. 9 ноября того же года он прочел свою первую лекцию в Московском университете⁹.

С конца 1868 г. А. Дювернуа занимается преимущественно славистикой. Факультету срочно был необходим доцент по кафедре славянских наречий. На заседании факультета 4 ноября 1869 г. было признано, что «из имеющихся в виду молодых ученых» наиболее достоин этой должности магистр А. Л. Дювернуа¹⁰. Назначенный на кафедру славянских наречий, молодой ученый заинтересовался и историей славян, особенно Чехии XV в. На летнее вакационное время 1870 г. А. Л. Дювернуа получил командировку в Прагу для занятий в чешских архивах¹¹. Но работа, написанная в результате этих занятий (о ней подробно будет сказано ниже), не была допущена к защите в качестве докторской диссертации, ввиду чего А. Дювернуа в 1872 г. представил другой труд, который и принес ему искомую степень доктора славянских наречий¹². В том же 1872 г. А. Л. Дювернуа становится экстраординарным¹³, а 18 декабря 1876 г. — ординарным профессором Московского университета¹⁴. Приблизительно с этого времени он приступил к составлению словаря болгарского языка. Чтобы включить в этот словарь лексику живой разговорной речи, А. Дювернуа в 1880 г. предпринял поездку в Болгарию на четыре месяца¹⁵. Шесть последних лет своей жизни ученый посвятил этому главному своему труду. Умер он 16 марта 1886 г.

Научные интересы А. Л. Дювернуа формировались уже в ранней юности. Большое впечатление на Дювернуа-гимназиста произвел профессор всеобщей истории П. Н. Кудрявцев, посетивший однажды гимназию, где учился А. Дювернуа. В студенческие годы А. Дювернуа слушал лекции П. Н. Кудрявцева по истории Востока¹⁶. Биографы А. Дювернуа свиде-

⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 141, д. 53, л. 41—44 — упомянутый формулярный список.

⁵ См. П. А. Л а в р о в. Александр Львович Дювернуа. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1887 г. М., 1887, с. 256; Русский биографический словарь, т. 6, с. 738—740.

⁶ См. ЦГАЛИ, ф. 80 (Веселовские), оп. 1, д. 170 — письмо А. Патеры А. Н. Веселовскому из Праги 8 ноября 1865 г. с сообщением о занятиях А. Л. Дювернуа в чешской столице.

⁷ ЦГАМ, ф. 418, оп. 36, ед. хр. 65, л. 52, 89 (протоколы).

⁸ Там же, ед. хр. 641, л. 1 — уведомление об утверждении А. Л. Дювернуа в звании доцента.

⁹ Там же, л. 5.

¹⁰ Там же, оп. 37, ед. хр. 821, л. 1 — протокол заседания историко-филологического факультета от 23 ноября 1868 г. Опубликован в «Московских университетских известиях», 1869, № 3, с. 146.

¹¹ Там же, оп. 39, ед. хр. 71, л. 41 — выписка из журнала Московского университета; л. 55 — предписание попечителя Московского учебного округа о командировании А. Дювернуа за границу.

¹² Там же, оп. 41, ед. хр. 264 — дело о докторском диспуте.

¹³ Там же, л. 10 — отчет о баллотировании А. Дювернуа на должность экстраординарного профессора.

¹⁴ Там же, оп. 46, ед. хр. 10, л. 14 — донесение Совета Университета в Московский учебный округ от 22 декабря 1876 г.; л. 15 — сообщение попечителя учебного округа об утверждении А. Дювернуа ординарным профессором с зачетом выслути с 18 декабря 1876 г.

¹⁵ Там же, оп. 55, ед. хр. 87, л. 14—16 — формулярный список от 16 марта 1886 г.

¹⁶ П. А. Л а в р о в. Там же, с. 254—255.

тельствуют о том, что П. Н. Кудрявцев «стал для него идеалом»¹⁷. А. Л. Дювернуа посвятил ему первый выпуск Болгарского словаря.

Учителем А. Дювернуа следует считать также Н. С. Тихонравова. В 50-х годах XIX в. он преподавал историю в гимназии, где учился А. Дювернуа, а став профессором университета, содействовал публикации первых научных работ молодого ученого, руководил им при написании кандидатской работы¹⁸.

В области языкознания значительное влияние оказал на А. Л. Дювернуа профессор Ф. И. Буслаев. Он постоянно направлял занятия А. Л. Дювернуа лингвистикой, обеспечил молодому студенту допуск в Синодальную библиотеку, где хранились древние книги и рукописи. Ф. И. Буслаев читал первый в России курс сравнительного языкознания. По существу именно эта отрасль лингвистики стала основным предметом научных занятий А. Дювернуа¹⁹. Санскриту и арабскому языку он учился у П. Я. Петрова²⁰. Среди своих учителей сам А. Дювернуа упоминает Р. Ф. Брандта и И. В. Ягича; им посвящен второй выпуск Болгарского словаря.

В период прохождения А. Л. Дювернуа магистрантского курса его наставником был О. М. Бодянский. Он получал от А. Дювернуа отчеты о работе за рубежом, рецензировал их и частично публиковал. Первый из этих отчетов, отправленный 9 июня 1866 г., касался так называемого Богемского кодекса, принадлежавшего когда-то Виттенбергской библиотеке, но еще в середине XVI столетия переданного в Иену²¹. Этот сборник статей составил в XVI в. чех, учившийся в Виттенбергском университете, где преподавал Мартин Лютер. Во время своего пребывания в Иене А. Дювернуа подробно ознакомился с кодексом, но не обратил внимания на те данные, которые о нем имелись в литературе. Из-за этого обстоятельства, а также большого количества чешских фраз, вставленных в отчет, О. М. Бодянский не считал возможным опубликовать его в Москве. В своем донесении факультету он предлагал «оставить отчет без помещения в ЖМНП ... чтобы выписки не явились в неточном виде и тем не подали повода к невыгодным выводам о наших типографиях ... не умеющих сладить с чешским шрифтом»²².

23 августа и 3 ноября 1866 г. А. Л. Дювернуа выслал еще два отчета, в которых описывал так называемые Тюбингенские акты славянской печати в Вюртемберге. О. М. Бодянский был удовлетворен этой работой и предлагал поместить ее в ЖМНП²³. Однако она была опубликована значительно позднее в другом издании²⁴. В своем отчете А. Л. Дювернуа впервые в исторической литературе привел сведения о печатне Примуса Трубера и его славянских изданиях — переводах катехизиса и Нового завета на южнославянские языки.

¹⁷ «Московские ведомости», 1886, № 83, с. 4 (некролог, подписанный «Один из учеников покойного»).

¹⁸ П. А. Л а в р о в. Там же, с. 255.

¹⁹ А. И. С о б о л е в с к и й. Александр Львович Дювернуа, ЖМНП, 1886, № 5, с. 67.

²⁰ Там же.

²¹ В 1951 г. правительство ГДР передало кодекс в дар Чехословакии, и ныне он хранится в Праге. Последняя статья о нем: V. H u s a. O době vzniku Jenského kodexu. «Sborník historický», 1957, s. 71—112.

²² ОР ГБЛ, ф. 203, картон 52, д. 31 — отзыв О. М. Бодянского от 15 февраля 1867 г.

²³ Там же.

²⁴ А. Д ю в е р н у а. Тюбингенские акты славянской книгопечатни в Вюртемберге. «Московские университетские известия», 1868, № 4, с. 275—315.

Что же касается первого отчета А. Л. Дювернуа — о Богемском кодексе, то он так и не был опубликован, и текст его обнаружить не удалось²⁵.

По возвращении из своей первой заграничной командировки А. Л. Дювернуа представил магистерскую диссертацию «Об историческом наслоении в славянском словообразовании». О. М. Бодянский нашел, что соискатель «обладает удовлетворительными сведениями в избранной им отрасли научных разысканий»²⁶. Исследование было опубликовано отдельной книгой²⁷. Позднее в литературе указывалось, что А. Л. Дювернуа в этой работе предвосхитил открытие швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра (1857—1918 гг.), доказав, что «фонетический состав корня обусловливается взаимоотношением корня с элементами образовательными»²⁸. Однако после выхода в свет работы А. Л. Дювернуа это положение не получило признания. С одной стороны, русская наука в тот период еще не достигла уровня, который обеспечил бы внедрение и распространение сделанного открытия. С другой стороны, и современники и потомки жаловались на малодоступность изложения, тяжелейший стиль сочинения и т. п. Так, А. И. Соболевский писал, что «едва ли кто-нибудь, даже самый усердный читатель-специалист в состоянии следовать за ходом доказательств А. Л. Дювернуа, разбросанных на двухстах страницах убористой печати, где нет ни деления на главы, ни какого бы то ни было оглавления. Если прибавить, что автор здесь, как иногда и в лекциях, употребляет много иностранных слов и не вполне обычных русских терминов и выражений, что он как-то мало заботится об ясности, то будет понятным, почему названный труд А. Дювернуа (магистерская диссертация. — Л. Л.) прошел в науке незаметно и бесследно»²⁹.

В 1868 и 1870 гг. А. Дювернуа издал две работы по чешской истории XV в., которые ниже будут проанализированы подробно. К 1872 г. относится докторская диссертация А. Дювернуа «Система элементов и форм славянских наречий»³⁰. Анализ этого труда не входит в задачи настоящей статьи, отметим лишь, что рецензенты единодушно считали его слабым³¹.

В 1878 г. А. Дювернуа опубликовал некролог о О. М. Бодянском, где приведены и некоторые соображения об отношениях между О. Бодянским и чешскими будителями («учениками патриарха славянской филологии И. Добровского»). Обращает на себя внимание следующая фраза: «Единомышленный во всем с одними (будителями. — Л. Л.), свое несогласие с другими он (Бодянский. — Л. Л.) ограничивал укором, иногда справедливым, в узком родолюбии, не имеющем места в науке, понижающем уровень ее

²⁵ П. А. Лавров (там же, с. 256) высказывает мнение, что составителем Богемского кодекса был «знаменитый грамматист Благодислав». Это — явная ошибка. В самой рукописи составитель и владелец ее называет себя Богуславом из Чехтиц, между тем как Ян Благодислав был родом из Пржегорова. Нельзя, разумеется, и отождествлять два различных имени — Богуслав и Благодислав. Единственным основанием для предположения об авторстве Яна Благодислава П. А. Лаврову мог послужить тот факт, что Благодислав учился в Виттенберге в середине XVI в. Но хорошо известно, что там в это время вообще находилось немало чехов, так что доказательством упомянутого факта служить не может.

²⁶ ОР ГБЛ, ф. 203, картон 52, д. 31 — представление О. Бодянского историко-филологическому факультету от 3 июня 1867 г. Этот же текст см. ЦГАМ, ф. 418, оп. 36, д. 65, л. 53.

²⁷ А. Дювернуа. Об историческом наследии в славянском словообразовании. М., 1867.

²⁸ Во всяком случае, такого мнения придерживались крупнейшие русские филологи. См. А. И. Соболевский. Там же, с. 68; П. А. Лавров. Там же, с. 257.

²⁹ Там же.

³⁰ М., 1872, 167 с.

³¹ А. Соболевский. Там же, с. 69; Русский биографический словарь, т. 6. 1905, с. 738—740.

идеальных выводов»³². Из этой довольно витиеватой формулировки можно понять, что А. Дювернуа, во-первых, видел определенные разногласия между О. Бодянским и чешскими будителями, во-вторых, считал «укоры» О. Бодянского будителям в «узком родолюбии», т. е. в славянских пристрастиях, «подчас справедливыми», поскольку пристрастия в науке неуместны. Понять существо этой мысли можно только в связи с тем фактом, что некоторые чешские будители (П. Й. Шафарик, Ф. Палацкий и др.) пытались своим авторитетом защищать от разоблачения многие фальсификаты, изготовленные с патристическими целями, а другие и сами были авторами таких подлогов (В. Ганка). Видимо, А. Л. Дювернуа принадлежал к числу тех ученых, которые не верили в подлинность «находок».

Свой последний и наиболее крупный труд — Словарь болгарского языка А. Л. Дювернуа успел целиком подготовить, но при его жизни был издан лишь первый выпуск и полностью подготовлен к печати второй, остальные же семь вышли посмертно благодаря усилиям вдовы ученого и его учеников.

На первые два выпуска было опубликовано несколько отзывов. П. А. Лавров отмечал лишь положительные стороны труда, объясняя обращение А. Л. Дювернуа к составлению болгарского словаря исторической обстановкой. «Война за освобождение славянства, — писал он, — пробудив в нашем обществе сильные сочувствия к славянству, вызвала в А. Л. желание принести со своей стороны посильную лепту славянскому делу... Он принимается за составление болгарского словаря. Кому известно, насколько несовершенны словарные работы по болгарскому языку... тот легко поймет, насколько своевременно был предпринят А. Л. означенный труд... А. Л. нашел необходимым отправиться в Болгарию, чтобы там на месте записаться разными болгарскими изданиями и прислушаться к живому болгарскому языку... После шестилетних занятий этим словарем, которые покойный вел с редким рвением, не щадя ни сил, ни здоровья, он убедился, наконец, что собранный им материал достиг такой полноты, которая позволяла приступить к печатанию»³³.

Н. Шляков, признавая большие достоинства труда, выражал тем не менее свое несогласие с А. Дювернуа в вопросе о соотношении сербского и болгарского языков, высказывал свою неудовлетворенность неполным, с его точки зрения, охватом болгарской лексики³⁴.

История посмертного издания собранных и подготовленных материалов словаря в значительной мере отражена в корреспонденции вдовы ученого Г. А. Дювернуа. Главная заслуга этого издания принадлежит П. А. Лаврову. Сам он писал Г. А. Дювернуа, что «занятия словарем, отнявшие... много времени и труда», обеспечили ему зато «хорошее знание болгарского языка», пригодившееся при написании докторской диссертации, что крупнейшие ученые Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов публично признали его, Лаврова, «главным сотрудником» в деле подготовки словаря к печати, а один библиографический справочник даже именовал издаваемый труд «Словарь А. Дювернуа, продолженный П. Лавровым»³⁵.

Непосредственное участие в издании ряда материалов словаря принимал и другой ученик А. Л. Дювернуа — В. Н. Щепкин. Из писем видно,

³² А. Д ю в е р н у а. Осип Максимович Бодянский. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1878 г. М., 1878, с. 27—32.

³³ П. А. Л а в р о в. Там же, с. 261—262.

³⁴ Н. Ш л я к о в. Рец. на кн. Словарь болгарского языка. Сост. А. Дювернуа, вып. 2. М., 1886, «Русский филологический вестник», 1886, № 3, с. 102—127.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2—3 — письмо П. А. Лаврова к Г. А. Дювернуа от 6 октября 1899 г.

что он смотрел корректуру набранных листов, рекомендовал различного рода исправления и т. п.³⁶

На полное издание болгарского словаря написал рецензию известный киевский славист А. И. Степович. Он указывал: «Работа исполнена с редкою добросовестностью и осмотрительностью. Все слова снабжены примерами, иногда приводимыми в довольно значительном количестве, что составляет особенно ценную черту названного издания... Правда, в некоторых случаях можно было бы пополнить перевод значений». Выразив сожаление, что А. Л. Дювернуа не успел ознакомиться с богатой речью Ивана Вазова, А. И. Степович все же приветствовал «обогащение русской ... и общечеловеческой науки этим прекрасным и столь необходимым трудом»³⁷.

А. Л. Дювернуа был автором еще одного труда, не опубликованного при его жизни. Еще на студенческой скамье он начал составлять словарь древнерусского языка, источниками для которого послужили не только печатные издания, но и древние рукописи. В картотеке словаря все слова получили латинские соответствия или объяснения. Это долго затрудняло публикацию. Все же словарь вышел в свет³⁸. К этому времени уже был широко известен древнерусский словарь И. И. Срезневского. В литературе выражалось мнение, что оба словаря (А. Дювернуа и И. Срезневского) могут быть весьма полезными для будущего исчерпывающего издания словаря древнерусского языка. Материалы И. И. Срезневского признавались более богатыми, чем материалы А. Дювернуа, но и работа последнего оценивалась как далеко не бесполезная: в ней имелись слова, отсутствующие в своде И. И. Срезневского³⁹.

Первой работой А. Дювернуа, относящейся к истории Чехии, следует считать его описание замка Карлштейн⁴⁰. В ней есть сведения об истории замка и о памятниках искусства в нем. О некоторых памятниках А. Дювернуа высказывает оригинальные суждения. Таково предлагаемое им толкование идеи, лежавшей в основе сооружения капеллы св. Екатерины. Молодой ученый видел в ней ритуальные мотивы и доказывал свое мнение материалами латинских богословских сочинений. Впрочем, в литературе эта ранняя работа А. Дювернуа прошла незамеченной.

Переходя к характеристике более важных работ А. Л. Дювернуа по истории славян, следует подчеркнуть, что они создавались в атмосфере далеко еще не изжитого в русской науке засилья славянофильских концепций с их явно пристрастным отношением ко всему славянскому. Критика этих концепций, начавшаяся еще в 60-е годы прошлого века, была объективным выражением успехов русской историографии, ее поступательного развития в направлении к позитивизму. В науке не могла уже господствовать теория, основанная, с одной стороны, на принципах немецкой идеалистической философии начала XIX в., а с другой, на романтической тяге к допетровской русской «самобытности».

Однако критика этих взглядов, объективно неизбежная в условиях развития науки последних десятилетий XIX в., принимала подчас довольно причудливые формы, являвшиеся следствием субъективных взглядов и

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 8, 48 — письма В. Н. Щепкина к К. А. Дювернуа от 27 мая 1887 и 23—24 февраля 1888 (речь идет о 4-м выпуске словаря).

³⁷ А. Степович. Славянские известия. «Филологические записки», 1896, № 1, с. 137—138.

³⁸ А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

³⁹ А. Степович. Ред. на кн. А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. «Филологические записки», 1896, № 1, с. 138.

⁴⁰ А. Дювернуа. Памятники чешского искусства в Карловом Тыне. «Сборник на 1866 г., изд. Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее». М., 1866, отд. «Смесь», с. 138—143.

свойств того или иного автора, в частности А. Л. Дювернуа. Этот ученый отличался большой замкнутостью и в то же время независимостью, был далек от политической жизни, но впитал в себя консервативные представления о «спасительности» сильной власти и правопорядка в любом государстве и, следовательно, вредоносности всяких революционных выступлений, в том числе и исходящих от славянских деятелей и проводимых славянскими народами. Если в работе А. Л. Дювернуа о Юрии (Иржи) из Подебрад эти субъективные взгляды нашли лишь частичное выражение, то в монографии «Станислав Зноемский и Ян Гус» они проявились в полной мере. К анализу двух этих сочинений мы теперь и переходим.

30 января 1868 г. в литературном собрании, организованном Московским славянским благотворительным комитетом, А. Дювернуа прочел лекцию о чешском короле Юрии (Иржи) Подебраде⁴¹. Уже в этой работе — больше чем в любой из лингвистических — проявилось миросозерцание А. Л. Дювернуа, его политическая ориентация. Автор осуждает гуситское движение в целом, считая, что оно принесло стране «только гибель и разрушение». Особенно непримиримо относится А. Дювернуа к радикальным элементам гусизма. Ян Желивский, возглавлявший в Праге выступления бедноты, с точки зрения А. Дювернуа, «самый опасный враг порядка и мира». Зато ученому явно импонирует тот факт, что радикальное крыло гуситского движения было разгромлено, а гуситские войны окончились «торжеством мира и гибелью таборитов» (с. 194). Подебрад симпатичен А. Дювернуа прежде всего потому, что «уже в первый год своего губернаторства... решился стереть всякий след всего, что было враждебно миру и порядку», и недаром «о днях регентства Юрия страна вспоминает как о золотом веке» (с. 204). Явно переоценивая значение личности Юрия, А. Дювернуа говорит, что все «разрушительные стимулы» народа «оцепенели, скованные миротворной деятельностью» правителя и «чувством благодарности, которым была обязана страна своему гению» (с. 205). Такой взгляд на роль личности в истории, игнорирующий историческую обстановку, следует признать консервативным и для русской исторической науки конца 60-х годов XIX в.

А. Дювернуа рисует Юрия не только «князем мира», но и «демократом». Однако понятия «демократия» и «народ» толкуются ученым в духе, типичном для буржуазной науки. «Народ» в его понимании — это привилегированные сословия. Достаточно привести для доказательства такого толкования следующую выдержку: «Привыкши выше всего чтить интересы народа, Юрий уже при первом волнении австрийских сословий принял их сторону и взял на себя представить императору их жалобы» (с. 211—212).

Таким образом, концепция А. Дювернуа ограничена и идеалистична. И все же в работе его о Юрии Подебраде есть положительные стороны. Представляются плодотворными мысли автора о гуситском движении как предтече последующих исторических процессов. С его точки зрения, «события, совершившиеся в Чехии в первой половине XV века», определили дальнейшее историческое развитие, «предупреждали собой действительность остальной Европы, отвечали стремлениям ее передовых политических деятелей», а «Чехия дала раннее осуществление того, что было заглавной мечтой передовых людей Германии» (с. 208). Таким образом, А. Дювернуа признавал гуситское движение предшественником или ранней ступенью европейской реформации. Этот взгляд, пусть даже выраженный в довольно туманных формулировках, был противоположен славянофильскому, решительно отделявшему гуситское движение от проте-

⁴¹ См. А. Д ю в е р н у а. Юрий Подебрад — избранник чешского народа. «Московские университетские известия», 1868, № 3, с. 191—215.

стантизма XVI в. Впрочем, в оценке Подебрада как носителя мира и порядка А. Дювернуа сближается со своими славянофильскими предшественниками⁴². Есть сходство и в отношении к радикальному крылу движения: почти вся славянофильская литература, как и А. Дювернуа, осуждала таборитов⁴³. Но сходство в этом вопросе скорее внешнее, чем органическое. В данном случае А. Дювернуа сближается скорее с представителями католической историографии гуситского движения, и это с особой силой проявится в его следующей работе — о Гусе и Зноемском.

В 1870 г. после изысканий в пражских архивах А. Дювернуа написал свою главную работу по истории Чехии⁴⁴. Как видно из названия, монография посвящена в основном истории Карлова университета. Но в ней затронуты и другие вопросы.

Несогласие А. Дювернуа с еще господствовавшей в русской литературе славянофильской концепцией истории Чехии проявилось уже в его представлениях о времени возникновения национальных противоречий в Чехии. Славянофильские историки относили зарождение чешско-немецких конфликтов к весьма ранней эпохе. Это объяснялось их общим взглядом на историю развития Европы — выделением двух основных «стихий» — «восточной» (славянской, греко-славянской, православной) и «западной» (романо-германской, латинской, католической). Этому разделению сопутствовало представление о непримиримости обеих стихий, об искони существовавших между ними противоречиях. Естественно, при таком взгляде на историю Европы чешско-немецкие конфликты представлялись славянофилам столь же древними, сколь и чешско-немецкие отношения вообще.

В противоположность этому А. Дювернуа относит возникновение чешско-немецких конфликтов и связанное с ним «пробуждение национального чувства в славянах Богемии» лишь к XIV в.⁴⁵ В данном случае А. Дювернуа более правильно, чем славянофилы, отражает действительное положение вещей. Это и понятно, поскольку в этом вопросе он опирался лишь на источники, не связывая себя никакой предвзятой концепцией.

А. Дювернуа внес определенный вклад в анализ положения отдельных классов чешского общества в предгуситскую эпоху. Основываясь на сочинениях Фомы Штитного, он сделал вывод о тяжелом положении большей части сельского населения из-за непосильных поборов. А. Дювернуа выражает свое несогласие с точкой зрения Ф. Палацкого, полагавшего, что ухудшение положения крестьян началось лишь с гуситскими войнами. Русский ученый относит начало этого процесса ко времени «по меньшей мере за двенадцать десятилетий до юридического акта закрепощения» (1487), т. е. к последней трети XIV в. Опираясь на источники, А. Дювернуа доказывает, что во второй половине XIV в. феодалам удалось ограничить права крестьян на наследование земли⁴⁶.

⁴² См., например: А. Ф. Г л ь б е р д и н г. Сочинения, т. 2. Очерк истории Чехии. М., 1868. Здесь говорится о государстве Подебрада как идеале, к которому стремились передовые элементы Западной Европы XV в., сам Юрий рассматривается как «наследник революции и ее усмиритель», установивший в Чехии «сознательно устроенный порядок государственный, общество, проникнутое народным патриотизмом», причем государь, стоявший во главе этого общества, «одинаково дорожил преимуществами своей власти и правами своих подданных» (с. 378).

⁴³ Подробнее см. Л. П. Л а п т е в а. Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX — начала XX в. «Советское славяноведение», 1971, № 4.

⁴⁴ А. Д ю в е р н у а. Станислав Зноемский и Ян Гус. Две главы об истории Пражского университета. «Московские университетские известия», 1870, № 9. Эта работа появилась в виде отдельных оттисков, на которые мы в дальнейшем и будем ссылаться.

⁴⁵ А. Д ю в е р н у а. Станислав Зноемский и Ян Гус, с. 91.

⁴⁶ Там же, с. 4—5, 8—9.

В оценке Карла IV Люксембургского А. Дювернуа расходится со своими русскими предшественниками. Если, например, русский историк церкви, славянофил А. М. Иванцов-Платонов превозносил Карла, усматривая в его действиях сочувствие «славянскому богослужению»⁴⁷, то А. Дювернуа характеризует правление Карла IV в отрицательных тонах. Он, правда, признает, что эпоха Карла IV была временем «украшения Чехии», но толкует этот факт вовсе не как свидетельство заботы императора о славянской стране. Наоборот, по мнению А. Дювернуа, политика Карла по отношению к Чехии требовала от населения страны непосильного напряжения, что «весьма рано вызвало нацию к самосознательности, к протесту, хотя покуда и пассивному, но важному по последствиям, спешившим за ним на расстоянии двух десятилетий»⁴⁸. Иначе говоря, политика Карла создала в Чехии такую обстановку, которая была чревата открытым возмущением. Это рассуждение, преувеличивающее историческую роль Карла IV, составляет, однако, антитезу славянофильским воззрениям и показывает, что А. Дювернуа в какой-то мере понимал значение социально-экономического фактора в создании напряженной внутривнутриполитической обстановки в Чехии конца XIV — начала XV в. Но, конечно, он толковал социально-экономический фактор только как категорию, зависящую исключительно от воли правителя.

А. Дювернуа касается также мотивов, побудивших Карла IV основать университет в Праге. Он и в данном случае не верит в бескорыстные помыслы императора, полагая, что «честолюбие и династические надежды, раздражаемые постоянным соревнованием австрийских герцогов Габсбургского дома, резидировавших в Вене, были для него (Карла. — Л. Л.) гораздо более сильным побуждением (при основании университета. — Л. Л.), чем бескорыстное доброжелательство к чешской народности». Учитывая далее, что в университете при его основании преобладали немцы, что в первых его «метриках» совсем не видно «славянских имен», А. Дювернуа считает его клубком национальных конфликтов. Ведь еще в XIV в. проявились «притязания чешской нации на преобладание» в университете. Таким образом, Карл IV, с точки зрения А. Дювернуа, создал еще одну предпосылку для волнений. А. Дювернуа напоминает читателю, что открытый протест чехов против преобладания немцев в университете имел место еще в 1380 г. От внимания историка не укрылись и сословные разногласия в университете. Так, раскол университета в 1372 г., в результате которого выделился юридический факультет, А. Дювернуа связывает с сословно-имущественным положением его студентов: праву обучались главным образом «сыновья аристократических семейств». А. Дювернуа отмечает даже равнодушие этого слоя студентов к национальным конфликтам. Он пишет: «Юридический факультет ... стал независимым, отдельным от всего остального состава университета клерикальным учреждением, крепким по своему богатству и связям с высокой церковью. Привязанный исключительно к выгодам и привилегиям... университет юристов был глух ко всем вызовам на борьбу... Ни одна из национальных распрей от 1385 до 1409 года не коснулась его нимало»⁴⁹.

Таким образом, А. Дювернуа чужд славянофильскому толкованию акта основания и деятельности университета в Праге, но зато считает это учреждение средоточием конфликтов, способствовавших началу гуситского движения. В этом вопросе А. Дювернуа стоял на уровне науки своего времени. Конечно, в объяснении причин, побудивших Карла IV основать

⁴⁷ А. М. Иванцов-Платонов. Очерк истории христианства у славянских народов. «Православное обозрение», 1869, 1-е полугодие, с. 665—685.

⁴⁸ А. Дювернуа. Станислав Зноемский и Ян Гус, с. 3.

⁴⁹ Там же, с. 35, 38, 40, 43, 60, 61, 75.

университет в Праге, А. Дювернуа очень далек от истины. Если честолюбие императора и играло какую-то роль в этом решении, то подобный мотив не может идти ни в какое сравнение с причинами экономическими, политическими, социальными. Основание университета диктовалось нуждами экономического и политического развития страны. Через субъективные устремления Карла IV пробивали себе путь объективные закономерности эпохи.

Интересны приводимые А. Дювернуа сведения о чешском предшественнике Гуса Матвее из Янова. Этот мыслитель назван в монографии «одним из даровитейших и ученейших мистических проповедников... первых десятилетий Пражского университета». С помощью цитат из его сочинений, в частности из трактата «О правилах Ветхого и Нового завета» А. Дювернуа доказывает, что Матвей ратовал за устройство жизни на основе евангелических принципов, выступал против церковных богатств, пышности обрядов, папства и всего разложившегося клира и, следовательно, пробивал путь протестантским воззрениям⁵⁰.

Можно констатировать, что взгляды А. Дювернуа на предгуситскую Чехию основаны на достаточно объективном использовании источников, во многом корректируют славянофильские воззрения и были небесполезны для русского славяноведения, учитывая его уровень в начале 70-х годов XIX в.

Совершенно по-иному приходится оценивать отношение А. Дювернуа к Яну Гусу. В данном случае ученый придерживается мнений, так же мало доказуемых, как и воззрения славянофилов. Характеризуя конфликт между Гусом и пражским магистром Станиславом Зноемским, выступавшим сначала за реформу католической церкви вместе с Гусом, но впоследствии перешедшим на сторону папства, А. Дювернуа обвиняет Гуса в клевете, в составлении злонамеренных доносов на Станислава, в нарочито искаженной трактовке его сочинений, которая якобы подводила Зноемского под подозрение в ереси. Историк считает «крайне неэтичным» предьявление Гусом Станиславу обвинения в «смешении логики с метафизикой и богословием». Пообещав читателю развить свои мысли относительно необоснованности этого обвинения, А. Дювернуа, однако, не закончил своего сочинения, и выдвинутые им положения остались голословными. Вывод А. Дювернуа, будто бы Гус и его ученики клеветали на Станислава, делая из его трактатов «искусственные выводы и ими вовлекая его в ересь»⁵¹, не подкрепляется в монографии никакими серьезными аргументами.

В противоположность большинству русских авторов различных направлений А. Л. Дювернуа не видел пользы в обличении Гусом пороков католической церкви. Наоборот, по его мнению, выступления Гуса против «некоторых» отрицательных сторон католичества были и бессмысленны и вредны, поскольку «вносили хаос» в общественную жизнь⁵². Это сближает А. Дювернуа с представителями католической историографии, как и трактовка отношения Гуса к немцам. В основе нетерпимости этого отношения А. Дювернуа видит лишь отрицательные свойства Гуса как личности⁵³. Раздражение сквозит в тоне А. Дювернуа, когда он говорит о роли Гуса в университетской реформе 1409 г. Изгнание немецких землячеств из университета он рассматривает как акт преимущественно отрицательный⁵⁴.

⁵⁰ Там же, с. 27, 30—33.

⁵¹ Там же, с. 201—206.

⁵² Там же, с. 150—153.

⁵³ Там же, с. 52—53.

⁵⁴ Там же, с. 134—139.

Недооценив значения исторических условий в вынесении Гусу смертного приговора в Констанце, А. Дювернуа берется утверждать, что этот приговор явился лишь результатом недостаточно умелой защиты со стороны Гуса. Тем самым игнорируется уже тот общеизвестный факт, что Гус не имел возможности отвечать на предъявленные ему обвинения из-за обструкции членов собора. Спор Гуса с констанцскими прелатами А. Дювернуа трактует как отвлеченный диспут между сторонниками номинализма и реализма. Поехать в Констанц Гуса побудила, по мнению А. Дювернуа, лишь «невероятная гордыня»⁵⁵. Конечно же, подобное утверждение не менее однобоко и пристрастно, чем безудержные панегирики в адрес Гуса со стороны славянофильских историков. Критикуя славянофилов, А. Дювернуа, как и они, был не в состоянии понять, что приговор Гусу в Констанце был predetermined уже той опасностью, которую учение чешского проповедника представляло для экономического положения католической церкви и ее политического могущества.

Иеронима Пражского А. Дювернуа характеризует в том же духе, что и Яна Гуса. Автор монографии о Зноемском и Гусе не знает или сознательно отказывается от использования тех источников, в которых Иероним характеризуется в положительных тонах, например известного письма Поджо Браччолини к Леонардо Аретинскому. А. Л. Дювернуа предпочитает опираться на акты Констанцкого собора. Но и из них он выбирает не те данные, которые интересовали его предшественников. Если, например, В. И. Ламанский отметил стремление некоторых прелатов освободить Иеронима⁵⁶, то А. Дювернуа, напротив, подчеркивает, что один из столпов собора, номиналист Герсон специальным трактатом опроверг протестацию Иеронима ввиду ее «неискренности»⁵⁷. Говоря о значении Иеронима в истории гуситского движения, А. Дювернуа ограничивается лишь упоминанием о «беспорядках», «виновником» которых был Иероним наряду с Гусом⁵⁸.

Поятно, что реакция на монографию А. Дювернуа в современной ему литературе была бурной. Чехи назвали книгу «памфлетом» и выразили удивление, что «русский, славянин без причины бросает грязью в лицо своего брата чеха и наносит ему обиды, какие можно было бы ожидать только от немца, по злой привычке ненавидящего все славянское». Они сожалели, что дали А. Дювернуа возможность заниматься в пражских архивах, поскольку результатом этих «будто бы глубоко ученых исследований» явилась «коллекция фраз, собранных по всем уголкам литературы гуситизма в неприязненном Гусу смысле, между тем как, с другой стороны, имеется целый ряд ученых, которые давно уже доказали основательным образом ложность выводов... антигуситов (по большей части немцев)». Чехи называли А. Дювернуа эпигоном известного представителя антигуситской историографии К. Гефлера, считали, что в своих нападках на Гуса А. Дювернуа превзошел даже католиков, подчеркивали, что русский историк-несмотря на свое православное вероисповедание происходит из «чисто католического семейства»⁵⁹, т. е. намекали на его французское про-

⁵⁵ Там же, с. 154, 179.

⁵⁶ В. И. Л а м а н с к и й. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании». Ученые записки 2-го отделения Академии наук, кн. 5, СПб., 1859, с. 124—125.

⁵⁷ А. Д ю в е р н у а. Там же, с. 76—79; 183—201.

⁵⁸ Там же, с. 150—153.

⁵⁹ «Русский памфлет о Гусе и чехах гуситского времени». «Славянский мир», Прага, 1872, кн. 1, с. 30—36 (автор не указан). Здесь же перепечатан в русском переводе текст заметки из чешской газеты «Покрок» под названием «Русский последователь Гефлера». Автор заметки призывает чехов учиться разбираться в людях и не оказывать им внимания «потому только, что они русские или выдают себя за русских».

исхождение и т. д. Однако научных доводов против концепции А. Дювернуа в чешской литературе не приводилось.

В этом смысле коренным образом отличается от чешских рецензий отзыв на монографию А. Дювернуа в славянофильском журнале «Беседа»⁶⁰. Не менее отрицательный и воинственный, чем чешская рецензия, он принадлежит, однако, знатоку источников по истории гуситского движения и несмотря на некоторые передержки представляется фактом ученой полемики.

Автор отзыва приводит собственные научные аргументы, чтобы доказать, что «исследование А. Дювернуа ничтожно в научном отношении», что он «незнаком с азбукой исторических понятий» (с. 7—8) и нарушил «существеннейшие обязанности историка», отойдя от беспристрастности суждений (с. 4). По мнению рецензента, А. Дювернуа должен был «безгранично ненавидеть Гуса» (с. 5), чтобы возводить на него «столь гнусную клевету» (с. 3). Рецензент подмечает в монографии ряд противоречий чисто логического свойства (с. 7). Например: на с. 50 книги А. Дювернуа утверждается, что еще во времена Карла IV некоторые чехи, даже не знавшие немецкого языка, занимали в Праге довольно важные посты. С другой стороны, в монографии говорится, что чехи «мало заботились» об общественной жизни «вне узкой сферы домашней среды, даже в тех случаях и при тех условиях, которые, видимо, благоприятствовали бы естественным притязаниям». Очевидно, что нельзя занимать важных постов, не заботясь об общественной жизни, и это действительно противоречие. Далее в рецензии подчеркивается, что, по мнению А. Дювернуа, чехи и до Гуса, в 70-е и 80-е годы XIV в., уже притязали на ряд привилегий, предоставленных немцам в Праге, и что, с другой стороны, в том же сочинении А. Дювернуа есть тезис, что именно Гус и Иероним были чуть ли не единственными зачинщиками изгнания немцев. Коснувшись этого вопроса, рецензент убедительно доказывает, что А. Дювернуа значительно преувеличил роль Гуса в изгнании немцев из Пражского университета и совершенно неосновательно возложил на Гуса всю вину за «упадок академии». Рецензент приводит даже две строки из стихотворения католического поэта XV в. Фомы Аугсбургского: «Darumb so ist der Huss verflucht, daz er dye Schul ze Prag verbust» («Потому так Гус и проклят, что разорил школу в Праге»), чтобы показать, что позиции А. Дювернуа и этого поэта весьма сходны. Конечно, в этой рецензии есть полемический задор и возмущение славянофила сторонником католической концепции, но ясно и то, что она написана со знанием дела.

Рецензент убедительно разбивает утверждения А. Дювернуа о Гусе как лицемере, интригане и гордеце. «Автор монографии, — пишет рецензент, — забывает, что лицемеры не идут добровольно на костер, а скорее норовят возвести других». В монографии высказано предположение, что Гус, отправляясь в Констанц, надеялся на всеобщее возмущение столпами католичества, которое должно выручить его из беды. Это утверждение ничем не подтверждается, и рецензент с полным правом называет его «чистым плодом болезненного воображения» А. Дювернуа (с. 4).

И еще одно противоречие книги А. Дювернуа отмечено в рецензии. А. Дювернуа, с одной стороны, утверждает, что немцы на Констанцском соборе не обращали особого внимания на Гуса и его дело (с. 155), а с другой, что «из среды немецкой нации вышли все инстингаторы процесса, вчиненного на соборе против магистра Яна Гуса» (с. 15). И в данном случае рецензент вполне прав.

⁶⁰ А. Д ю в е р н у а. Рец. на кн. Станислав Зноемский и Ян Гус. «Беседа», 1871, кн. 12, раздел «Новые книги».

В целом следует сказать, что рецензия написана весьма основательно. Но сам рецензент — вопреки своим декларациям об обязанности историка судить о событиях «беспристрастно» — явно проводит славянофильскую концепцию. В качестве основных русских авторов по истории гуситского движения он называет Е. Новикова, В. Елагина, А. Клеванова, А. Гильфердинга, т. е. сплошь историков славянофильского направления. Правда, в отличие от них сам рецензент нигде не настаивает на православном характере гуситского движения. Но зато он пишет о западных и южных славянах как о «преданных нам однокровных, а часто и единоверных братьях, живущих вне пределов нашего государства» (с. 24), и призывает использовать симпатии славян к России для расширения ее престижа в Европе. Это, конечно, тоже красочное свидетельство мировоззрения рецензента.

Может возникнуть вопрос о причинах явно необъективного отношения А. Дювернуа к Гусу и его сторонникам. Этот вопрос уже однажды ставился в советской литературе. Г. И. Липатникова высказала мнение, что причины отрицательного отношения А. Дювернуа к Гусу и гуситам «можно понять, только исходя из отношения реакционных кругов русской славистики к революционным традициям славянских народов»⁶¹. В этой формулировке совершенно непонятно, кого Г. И. Липатникова относит к «реакционным кругам русской славистики». Известно, что монография А. Дювернуа «Станислав Зноемский и Ян Гус», о которой говорит и Г. И. Липатникова, не была допущена к публичной защите в качестве докторской диссертации именно из-за враждебного отношения ее автора к Гусу и его единомышленникам. Сама Г. И. Липатникова отметила, что русские слависты «не смогли воспользоваться» взглядами А. Дювернуа. Действительно, в России этих взглядов вообще никто не разделял. Автор рецензии в «Беседе» недаром опасался, что чехи получают на основании книги А. Дювернуа «неверное понятие об отношении русских к заветным славянским именам, и о том уровне, на котором стоит славяноведение»⁶². Ясно, что славянофилы не только не поддерживали А. Дювернуа, но и были резко настроены против его концепции. Кто же принадлежал в таком случае к «кругам», разделявшим взгляды А. Дювернуа? Таковых просто не было. Реакционные слависты в России, конечно, существовали, но они защищали концепцию, противоположную той, которую развивал А. Дювернуа, хотя и не менее предвзятую. Примером может служить рецензия в «Беседе».

Видимо, отношение А. Дювернуа к Гусу и его сторонникам объясняется не принадлежностью его к тем или иным «кругам», а несовершенством его исторического метода. А. Дювернуа вообще часто пренебрегал мнениями своих предшественников. В данном случае это привело к тому, что он не получил полного представления об источниках, непосредственно связанных с избранной им темой. В результате круг источников, использованных в монографии, оказался весьма односторонним. Наряду с этим в работах А. Дювернуа проявилась присущая ему политическая консервативность, побуждавшая его высоко оценивать лишь тех исторических деятелей, которые водворяли порядок и спокойствие, и осуждать тех, которые вносили в общество волнения и неустойчивость.

Следует еще отметить деятельность А. Л. Дювернуа в области этнографии. К концу 60-х годов XIX в. этнография только еще получала в России права гражданства и выделялась как самостоятельная наука. В 1867 г. в Московском университете при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии образовался этнографический отдел, и А. Дю-

⁶¹ Г. И. Л и п а т н и к о в а. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, с. 83.

⁶² «Беседа», 1871, № 12, с. 27.

вернуа был избран его секретарем. На втором заседании отдела, 20 апреля 1868 г., А. Дювернуа прочел свою записку о методах этнографического исследования⁶³. Он касался в ней исключительно этнографии славян и давал рекомендации о том, как использовать добровольных помощников-активистов на местах, учитывая, что они, как правило, не обладали специальным образованием. Со свойственной ему добросовестностью А. Дювернуа изучил доставленные с мест донесения и пришел к заключению, что корреспонденты нередко слишком обобщают случайные наблюдения, берут на себя непосильные задачи, пытаются связать отрывочные наблюдения воедино, вдаются в ложный патриотизм, безосновательно восхваляют нравы и обычаи наблюдаемых племен и т. д. В связи с этим А. Дювернуа рекомендовал не требовать от корреспондентов обобщений, а давать им задание вести простой дневник наблюдений, который он именовал календарем, по намеченной им конкретной программе.

А. Дювернуа выполнял и другие функции на посту секретаря этнографического отдела⁶⁴ и может быть с полным правом назван не только филологом и историком, но и этнографом.

Но в первую очередь А. Л. Дювернуа был, несомненно, лингвистом. Он владел всеми славянскими языками, а также литовским, греческим, арабским, читал санскритские тексты, говорил на новых западных языках, преподавал церковнославянский, новые славянские языки, а также греческий. Лингвистическая эрудиция А. Дювернуа давала ему возможность полемизировать с такими крупными учеными, как А. Ф. Гильфердинг и П. Й. Шафарик⁶⁵. Глубокое знание истории славянских языков позволяло А. Дювернуа тонко разбираться в источниках по истории славян. Из составленной им программы курса чешского языка видно, что он признавал подложными знаменитые приписки В. Ганки в словаре «Матер верборум» и его же фальсификат «Любовная песнь короля Вацлава»⁶⁶. А. Дювернуа нигде прямо не выразил своего отношения к Зеленогорской и Краледворской рукописям. Но если некоторые русские ученые, например А. Степович, В. Петр, в 80-х годах XIX в. еще были убеждены в подлинности этих рукописей⁶⁷, то А. Дювернуа воздержался от включения их в программу изучения чешского языка. Это позволяет предположить, что у него были серьезные сомнения в их древности.

Деятельность А. Л. Дювернуа составляет этап в развитии славистики в России, особенно в Московском университете. Он внес определенный вклад в изучение и развитие сравнительно-исторического метода, продолжая в этом смысле дело А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева. Ценные по своему содержанию лингвистические работы А. Л. Дювернуа не всегда получали должное признание как по объективным причинам, т. е. из-за недостаточного высокого уровня развития науки о языке в России, так и ввиду пренебрежения ученого к форме изложения материала. Значительным вкладом в русскую лексикографию славянских языков является болгарский словарь А. Л. Дювернуа.

⁶³ Текст см.: «Московские университетские известия», 1868, № 8, с. 727—736.

⁶⁴ Протокол первого заседания Этнографического отдела при Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Московские университетские известия», 1868, № 4, с. 361.

⁶⁵ Ср. А. Д ю в е р н у а. О годе изобретения славянских письмен. «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1862, № 2, с. 157—171.

⁶⁶ ЦГАЛИ, ф. 1525, оп. 1, ед. хр. 573, л. 9—12 — программа курса чешского языка, 1884—1885 учебный год.

⁶⁷ А. И. С т е п о в и ч. Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886, с. 3—15, 21, 24—29, 172—303. Обе рукописи характеризуются здесь как «памятники истинно народные»; В. П е т р. К вопросу о подлинности Краледворской рукописи. Киев, 1887.

Заслуги А. Дювернуа-историка не идут в сравнение с его заслугами как лингвиста. Но исследование его исторического творчества необходимо. Только в нем можно проследить за мировоззрением ученого в полной мере. Работы А. Дювернуа по истории славян свидетельствуют о его политической консервативности, одностороннем подходе к источникам, недостаточном внимании к достижениям предшественников. В отношении формы этих работ можно сказать то же, что и в отношении формы работ лингвистических.

В то же время следует подчеркнуть высокую критичность исследований А. Л. Дювернуа. Наконец, значение профессорской деятельности А. Л. Дювернуа состоит в том, что он воспитал ряд известных славистов конца XIX — начала XX в., в том числе П. А. Лаврова, В. Н. Щепкина, В. В. Качановского и других.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XIV—XVII ВЕКОВ С РАЗЛИЧЕНИЕМ ДВУХ ФОНЕМ «ТИПА О»

§ 1. Для исторической фонологии и акцентологии славянских языков большую ценность представляют данные о противопоставлении двух фонем «типа о» в целом ряде славянских языков, в частности, в восточнославянских.

В лингвистической литературе¹ указано более десяти старовеликорусских рукописей, различающих графическими средствами две фонемы на месте современного литературного /о/ — условно /Ѡ/ и /ѡ/. Как известно, противопоставление двух фонем «типа о», примерно так же распределенных по словоформам, как и в рукописях, сохранилось в ряде великорусских говоров. Предполагается, что в эпоху, отраженную рукописями, две фонемы «типа о» реализовались приблизительно так же, как в современных говорах, а именно, /ѡ/² было открытым, а /Ѡ/ — закрытым или дифтонгическим (типа [ʏo])³. Рукописи данной группы относятся к хронологическому интервалу от конца XV по конец XVI века; за исключением одной рукописи, написанной в Дмитрове, все они написаны (одни определенно, другие предположительно) в северо-западновеликорусской зоне.

¹ См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929; N. D u r n o v o. Manuscripts russes distinguant l'ancien o «acuté» et l'o d'une autre origine. Annales Acad. Scient. Fennicae, ser. B, t. 27. Helsinki, 1932; В. В. Колесов. [Ѡ] (о закрытое) в древненовгородском говоре. «Исследования по грамматике русского языка», т. 3. Л., 1962; е г о ж е. Эволюция фонемы [Ѡ] в русских северо-западных говорах. Научные доклады высшей школы. Филологич. науки, 1962, № 3; е г о ж е. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. I. М., 1973; е г о ж е. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973. Единственным полным описанием распределения /Ѡ/ и /ѡ/ в конкретных рукописях (а именно, в псалтири F.I.7 и сборнике Софийск. 1460 Ленинградской Публичной библиотеки) до сих пор остается названная выше классическая работа Л. Л. Васильева. Гораздо менее полны описания еще нескольких рукописей данного типа, содержащиеся в указанных статьях Н. Н. Дурново и В. В. Колесова.

² Мы предпочитаем обозначать данную фонему как /ѡ/ (а не просто /о/, как обычно), чтобы избежать нежелательного смещения с единым «средним» /о/ литературного языка. В самом деле, элемент /ѡ/ четырехчленного ряда /y/ — /Ѡ/ — /ѡ/ — /a/ не равен элементу /о/ трехчленного ряда /y/ — /о/ — /a/ ни структурно, ни даже фонетически. (Более того, дифтонгоидный характер литературного /о/ = [ʏo] фонетически сближает его как раз со старовеликорусским /Ѡ/, а не /ѡ/.)

³ Предполагают также, что /Ѡ/ было, кроме того, более напряженным и/или более долгим, чем /ѡ/.

С другой стороны, О. А. Князевская обнаружила последовательно графически выраженное противопоставление двух разных фонем «типа о» в галицко-волынском евангелии (предположительно первой половины XIV века) библиотеки МГУ, № 1367⁴.

Во всех известных старорусских рукописях рассматриваемого типа, кроме одной, фонема /ô/ передается буквой о (или ѿ) со знаком каморы (̂)⁵, а фонема /o/ — буквой о (или ѿ) без каморы. В одной рукописи, описанной В. В. Колесовым (в статье «{ô} в древненовгородском говоре», см. сноску 1), использована другая система: /ô/ передается буквой ѿ, а /o/ — буквой о. Это же графическое противопоставление (ѿ — о) представлено в галицко-волынской рукописи, отмеченной О. А. Князевской.

§ 2. В отделе рукописей и в отделе редких книг Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ) и в отделе рукописей Гос. Исторического музея (далее: ГИМ) мне удалось обнаружить еще ряд памятников, различающих /ô/ и /o/⁶, причем в их числе оказались не только рукописи, но и старопечатные книги. Из этих памятников древнейшим и наиболее интересным с лингвистической точки зрения является Мерило Праведное XIV века (см. § 3); поэтому ему ниже уделено наибольшее внимание.

В настоящей статье, во-первых, указываются обнаруженные памятники с различием /ô/ и /o/ (§ 3—6) и даются первоначальные сведения о Мериле Праведном (§ 7—14), во-вторых, разбираются общие вопросы, связанные с графикой и орфографией памятников данного типа и извлечением из них лингвистически значимой информации (§ 15—25).

Разумеется, утверждение о том, что в перечисляемых ниже памятниках разные графические обозначения соответствуют двум разным фонемам «типа о» (а не распределены, например, случайным образом), требует лингвистического обоснования. Однако в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности приводить для каждого памятника такое обоснование и вынуждены ограничиться лишь декларацией о том, что анализ материала приводит именно к такому выводу. Следует учитывать, впрочем, что хорошее соответствие между графическими обозначениями и фонемами не обязательно означает, что писец различал /ô/ и /o/ в собственной речи. Такого же результата мог достичь и писец, их не различавший, если он был обучен строго соблюдать некоторые механические орфографические правила (типа правил написания *ѣ* в дореволюционной русской орфографии). По-видимому, в большинстве перечисляемых ниже памятников представлен первый из этих случаев и лишь в некоторых — второй (см. § 19).

Графемы, служащие для передачи фонем «типа о» (т. е. /ô/, /o/ и единого /o/, см. сноску 2), вместе обозначаются ниже как графемы класса О. При записи словоформ как обобщающий символ для всех графем класса О может быть использован знак О; например, *инОгО* есть обобщение различных возможных записей данной словоформы. Практически в статье рассматриваются лишь следующие графемы класса О:

⁴ К сожалению, сообщение об этом не публиковалось. Настоящее сообщение делается с любезного согласия О. А. Князевской, которой автор приносит благодарность за указание данной рукописи, а также за разнообразную помощь в работе над рукописями.

⁵ Точнее говоря, камора ставится над целым слогом, содержащим такое о (ѿ), т. е. начинается еще над согласной буквой.

⁶ Приношу глубокую благодарность И. В. Лёвочкину, Н. Б. Тихомирову, М. В. Щепкиной, Н. А. Щербачевой и другим сотрудникам отделов рукописей ГБЛ и ГИМ за помощь в работе по разысканию рукописей данного класса, а также Л. П. Грязной, которая по моей просьбе провела датировку по бумажным знакам рукописей ГБЛ, ф. 304, № 329; ф. 242, № 3.

«о узкое», «о широкое», «о единое» (т. е. обычное *o*, выступающее в графических системах, где нет противопоставления широкого и узкого *o*) и *o*.

Графическая система, в которой фонема /*ô*/ передается через *o*, обозначена ниже как «омеговая»; система, где для передачи /*ô*/ используется камора, — как «каморная». Кроме того, в статье рассматриваются еще две системы, обозначенные формулами «о узкое = /*ô*/» и «о широкое = /*ô*/».

§ 3. Рукописи с омеговой системой. Мерило Праведное XIV века. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15; далее сокращенно: Мерило Праведное (или просто Мерило). Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Рукопись не акцентуирована⁷. Ввиду особой важности этого памятника он рассматривается отдельно (§ 7—14).

Травник и лечебник. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431 (далее сокращенно: Травник). Конец XVI — первая треть XVII в. По особенностям написаний (частое смешение безударных *o* и *a*, смешение *g* и *x* в конце слова, регулярное *-ть* в окончаниях презенса, инфинитив *рѣсти*, словоформы *нѣтрю* Д. ед., *комарѣ* И. мн., В. мн.) рукопись однозначно определяется как южновеликорусская. Учитывая, кроме того, что в Травнике часто пишется *-ово*, *-ова*, *-ѡва* в Р. ед., обычно пишется *мѡеть*, *нѡеть*, *покрѡи* и т. п., встретились *инпѡтѣго*, *процѡдѣ* (с *ѡ*, *a* перед мягкой согласной), М. ед. *во оутрѡбя*, И. мн. *радѣ* «рады» (о женщинах), можно с некоторой осторожностью предположить, что рукопись локализуется в зоне Курск — Орел — Мценск — Елец (т. е. зоне, обладающей в настоящее время всеми соответствующими особенностями одновременно).

§ 4. Рукописи с каморной системой. Псалтирь с воследованием. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329 (далее: Троицкая псалтирь). Составная рукопись, писавшаяся с последней четверти XV в. по середину XVI в. Каморная система во всех почерках части 1 — 5376⁸.

Пролог. ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. В 1516 г. был послан в Вологду из Новгорода. Каморная система в почерке 3б — 1276.

Евангелие-апракос. ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 3. Первая пол. XVI в. Вклад в церковь Спаса на Нередице в Новгороде. Камора ставится не только над *o*, передающим /*ô*/, но и над *ѣ*.

Евангелие-тетр. ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650 (далее: Муз. 3650). Первая пол. XVI в. Принадлежало монастырю Св. Духа в Новгороде. См. также § 5.

Пандекты и тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 56. 1550-е годы.

Великие Минеи Четьи («Успенские») митрополита Макария (до 1552 г.). Июль⁹. ГИМ, Синодальное собр., 996. Каморная система почти во всех почерках первой половины рукописи (1—6366). Камора ставится не только над *o*, передающим /*ô*/, но и над *ѣ*, *ou*, *y*.

Все рукописи данной группы определенно или предположительно относятся к северо-западновеликорусской зоне.

Имеется также довольно много рукописей XVI века, в которых камора над *o*, передающим /*ô*/, встречается, но очень редко.

§ 5. Рукописи с системой «о узкое = /*ô*/». Е. В. Тугай, которая по моему предложению провела детальное обследование рукописи Муз. 3650 (см. § 4), заметила, что под каморой в этой рукописи

⁷ Тогда как все прочие перечисляемые ниже памятники акцентуированы (что далее уже особо не отмечается).

⁸ Здесь и в дальнейшем даются ссылки на страницы рукописи; страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, страница на обороте — тем же номером с буквой «б».

⁹ Мною просмотрена только минея на июль; однако есть все основания полагать что и в остальных 11 минеях Успенского списка есть почерки, различающие /*ô*/ и /*o*/

почти всегда ставится узкое *o*, а без каморы — широкое. При этом, однако, если камора отсутствует «незаконно» (т. е. там, где произносилось /ô/), обычно ставится узкое, а не широкое *o*; тем самым противопоставление узкого и широкого *o* выступает как особое средство различения фонем /ô/ и /o/, не полностью подчиненное более обычному средству — наличию или отсутствию каморы¹⁰.

В дальнейшем, просмотрев рукописи, исследованные Л. Л. Васильевым, Е. В. Тугай обнаружила, что в одной из них, а именно в так называемом Софийском сборнике (Софийск. 1460, см. сноску 1), узкое и широкое *o* используются точно так же, как в Муз. 3650. Эта же система представлена в почерке 4626 — 4826 Троицкой псалтири.

Таким образом, в настоящее время система «*o* узкое = /ô/» засвидетельствована только в сочетании с каморной.

§ 6. Рукописи и старопечатные книги с системой «*o* широкое = /ô/». Как оказалось, существовала еще одна система различения фонем /ô/ и /o/, использующая разницу между широким и узким *o*. Она прямо противоположна предыдущей, а именно, *o* широкое передает здесь /ô/, *o* узкое — /o/. В отличие от предыдущей, эта система применяется не в дополнение к каморной, а самостоятельно.

Эта система используется во всех так называемых безвыходных изданиях (№ 1—6 по каталогу А. С. Зёрновой¹¹), напечатанных в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—1564 гг.¹² Лучшим образцом применения этой системы является так называемое узкоприфтное евангелие (№ 4 по Зёрновой). В среднерифтных евангелии и псалтири (№ 1, 2 по Зёрновой) и широкоприфтных евангелии и псалтири (№ 5, 6 по Зёрновой) эта же система проведена с заметным числом ошибок (см. об этом § 19). В Троице постной (№ 3 по Зёрновой) данная система соблюдается, хотя и не безусловно, только на нескольких начальных листах, после чего противопоставление широкого и узкого *o* утрачивается (одновременно с почти полным исчезновением знаков ударения). На единственной известной сейчас исследователям странице Троице цветной¹³ данная система соблюдена.

Помимо печатных книг, эта система обнаружена в одной из рукописей, связанных с анонимной типографией¹⁴, а именно: Тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 213. 1550-е годы.

Общие сведения о Мериле Праведном

§ 7. Не претендуя на полное палеографическое и орфографическое описание Мерила Праведного¹⁵, рассмотрим некоторые его особенности, существенные для нашей основной проблемы.

¹⁰ См. Е. В. Тугай. Различение двух фонем «типа о» в старовеликорусской рукописи XVI в. «Языковая практика и теория языка», вып. 2. М., 1978.

¹¹ А. С. Зёрнова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.

¹² Этим изданиям посвящена довольно обширная научная литература; см., в частности: Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 146—269. Высказывалось также предположение, что анонимных типографий было несколько. Заметим, что единство графической системы, притом столь необычной, во всех изданиях данной группы является важным дополнительным аргументом против такого предположения.

¹³ См. Е. Л. Немировский. Там же, с. 191.

¹⁴ См. там же, с. 259.

¹⁵ Рукопись неоднократно описывалась; отметим здесь только описание, принадлежащее В. П. Любимову, в кн. Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 89—99 (там же указаны все более ранние описания), а также статью: Л. В. Милов. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения). Вестник Моск. ун-та. История, 1963, № 3.

Мерило Праведное из Троицкого собрания—рукопись на 349 листах¹⁶ пергамента, писанная уставом XIV века. Ни дата, ни место написания в рукописи не обозначены. По содержанию Мерило Праведное (т. е. «весы правосудия») — сборник юридических и правоучительных текстов; в их число входит Пространная Русская Правда (332—344, строка 5).

Из различных датировок, предлагавшихся для этой рукописи, наиболее вероятной нам представляется датировка, данная Н. Б. Тихомировым¹⁷: середина или начало второй половины XIV века. Существует предположение, что Мерило — рукопись тверского происхождения¹⁸. На это может указывать включение в его состав поучения Семена (Симеона), епископа тверского, который общерусской известности не имел. Кроме того, В. А. Кучкин (устное сообщение) читает как *Михаил* выскобленное на листах 2 и 5 имя великого князя, которому посвящено Мерило, и предполагает, что имеется в виду великий князь тверской Михаил Александрович (княжил с 1368 по 1399 г.).

§ 8. Положение с почерками в Мериле много сложнее, чем в большинстве рукописей. Исследуя почерки Мерила, Л. В. Милов (см. сноску 15) пришел к заключению, что в создании рукописи участвовали два писца-каллиграфа¹⁹ и не менее шести учеников, работавших под наблюдением каллиграфов и обучаемых ими в самом процессе работы. Ученикам, особенно в начале их работы, доверяли лишь небольшие частицы текста; соответственно, на протяжении рукописи перемена почерка происходит множество раз, причем нередко внутри строки и даже внутри слова. Наши наблюдения над почерками Мерила и одновременно над графикой и орфографией в подавляющем большинстве мест в точности подтвердили указанные Л. В. Миловым точки перемены почерка (кроме того, выявлен ряд ученических «вкраплений» сверх тех, которые отмечены Л. В. Миловым). Как оказалось, графико-орфографические системы большинства учеников отчетливо отличаются от системы, представленной у каллиграфов-учителей; это обстоятельство существенно повышает надежность разграничения в тексте разных почерков.

Обозначим часть текста от одной точки перемены почерка до следующей рабочим термином «отрезок». Текст Мерила распадается примерно на 150 отрезков (наименьший из них состоит из 9 букв, наибольший — из 69 листов). Эти отрезки распределяются по меньшей мере между 12 почерками (почерков может быть и больше: отождествление почерка в двух разных отрезках, особенно если они малы, редко бывает полностью надежным).

Далее почерки могут быть сгруппированы по характеру графики и орфографии. Обозначим совокупность почерков с одинаковой или сходной (с интересующей исследователя точки зрения) графико-орфографической системой рабочим термином «зона». С точки зрения использования σ ²⁰ и ω текст Мерила распадается на три зоны.

¹⁶ В нумерации листов номер 215 пропущен, а номера 53 и 136 даны по два раза; соответственно, последний лист имеет номер 348.

¹⁷ Она отражена в работе: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. Археогр. ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 224. К сожалению, в хронологическом указании здесь по ошибке поставлено тире («нач. — втор. пол.»), искажающее смысл.

¹⁸ См., в частности: Г. В. Попов. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI в. (живопись, миниатюра). «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.». М., 1970, с. 313.

¹⁹ По-видимому, каллиграфов было больше двух, см. § 9.

²⁰ В Мериле графемы σ узкое и σ широкое выступают в дополнительном распределении (см. § 12), а по своему фонетическому значению одинаковы. Как нечто единое они противопоставлены букве ω . Поэтому ниже мы позволяем себе говорить про-

В зоне А (почерки каллиграфов-учителей; 75% всего текста Мерила) представлена система, в которой *o* и *ω* используются для передачи двух разных фонем (соответственно /*o*/ и /*ô*/). В зоне Б (ученический почерк или почерки; 5% текста) представлена система, близкая к предыдущей, но менее последовательная; в частности, в начале слова буква *ω* может выступать здесь в соответствии как с /*ô*/, так и с /*o*/ . В зоне В (ученические почерки; 20% текста) *o* и *ω* используются без связи с противопоставлением фонем /*ô*/ и /*o*/; *ω* здесь может выступать только в начале слова и после гласной буквы. Подробнее о графике и орфографии всех трех зон Мерила см. § 24.

Разделение текста на зоны проводится с гораздо большей надежностью, чем разделение зон на почерки. К счастью, для исследования вопроса об /*ô*/ и /*o*/, существенно только разделение на зоны (но не на почерки). Соответственно, ниже точно указываются именно границы зон (а по вопросу о числе и границах почерков высказываются лишь некоторые предположения).

З а м е ч а н и е. Границы отрезков указаны ниже с точностью до слова или даже буквы внутри слова. Эти указания отражают членение, которое нам представляется наиболее вероятным. В действительности во многих случаях граница может проходить несколько левее или правее указанного места (но не слишком далеко от него, поскольку ближайšie к границе слова с буквами *o* и *ω* обычно четко показывают, где меняется орфография).

§ 9. Зона А включает: во-первых, 1—2746 (за вычетом отрезков, указанных в § 10 и 11); во-вторых, 3316—3486; в-третьих, киноварные заголовки в зонах Б и В (за исключением страниц 188, 235, 2386 и массива 275—331); в-четвертых, серию мелких отрезков, «вкрапленных» в зоны Б и В. Эти вкрапления таковы²¹: *свершени-* на строке 2086¹⁴; 2146²⁵ — 216³; слова *бественныхъ заповѣдди* на строке 2176²³; 231¹⁸ — 231¹⁸ (*-стныя*); 232³ (*-бно*) — 232¹⁰; 234¹⁻²; 275²⁰ (*-му*) — 275²² (*онси-*); строка 2756¹; 277¹ — 277⁵ (*сѣтломъ*); 285¹⁴ (*бω*) — 285¹⁵; 299¹ — 299⁵ (*одержими*); 2996¹ — 2996² (*-няемъ*); 3016¹ — 3016² (*схраняемъ*); 3046¹ — 3046³ (*свобождение*); слова *-роденъ есть* на строке 3046⁴; 3066¹⁻⁷; 307¹ — 307⁴ (*зчнъ*); 312¹ — 312² (*въздухъ*); 3216¹ — 3216² (*бещинья*); 323¹⁻²; 3246²³⁻²⁵; 3266¹⁻².

Количество почерков, из которых состоит зона А, определить очень трудно, поскольку, во-первых, сами почерки чрезвычайно сходны, во-вторых, у соответствующих писцов почти тождественные орфографические навыки. С нашей точки зрения, можно выделить по крайней мере следующие три почерка: а) 1—696, страница 3316 и, вероятно, ряд других мест (см. ниже); кроме того, киноварь практически во всей зоне А; б) 70—118, строка 9 (задняя граница не вполне надежна) и строки 1—8 на странице 231; в) 332—3486 (или, может быть, только 332—348, строка 11)²². Остальные части зоны А предположительно написаны почерком «а», но не исключено, что там представлены, помимо «а», и еще какие-то почерки.

сто о противопоставлении *o* и *ω* в Мериле, понимая под *o* указанную пару графем, а при цитировании словоформ из Мерила передаем как узкое, так и широкое *o* одинаково через *o*.

²¹ Для каждого отрезка указаны его начало и конец; надстрочными цифрами обозначены (только в § 9—11) номера строк. Там, где граница отрезка проходит внутри строки, указано начальное (соответственно конечное) слово отрезка. При цитировании словоформ надстрочные знаки, встречающиеся в Мериле, не воспроизводятся. По типографским причинам *e* обычное и *e* йотированное передаются одинаково через *e* (об их распределении в Мериле см. § 12), а юс малый — через *я*.

²² К выводу о том, что почерк листа 332 и последующих отличен от почерков «а» и «б», пришла также О. А. Князевская (устное сообщение).

Из орфографических различий между почерками отметим следующие (см. также § 14, пункт 4). Во всех почерках зоны А над гласными буквами (кроме *о* в составе *оу* и обычно также *о*) в начале слова или после гласной с большей или меньшей регулярностью ставится «ресничка» (или просто наклонный штрих). При этом с буквами *і* и *о* широкое разные писцы поступают различно. Буква *і* в почерках «б» и «в» всегда имеет одну ресничку, а в почерке «а» — как правило, две (лишь изредка одну). Широкое *о* выступает в почерке «б» без ресничек, «в» — с одной ресничкой (изредка без ресничек), «а» — как правило, с двумя (изредка с одной или без ресничек; однако на участке 118—165 *о* широкое выступает без ресничек, реже с одной и лишь в киновари с двумя).

С точки зрения передачи фоном /*ѡ*/ и /*ѡ*/ слегка отличен от остальных только почерк «в»: в нем различие между /*ѡ*/ и /*ѡ*/ передается несколько менее тщательно (см. § 24). Все прочие части зоны А в этом отношении совершенно одинаковы. Соответственно, с интересующей нас точки зрения зона А может быть разделена на две неравные (93% и 7%) части: А₁ (основная) и А₂ (332—3486).

§ 10. Зона Б состоит из следующих отрезков, «вкрапленных» в зону А: 906¹⁶⁻²⁵; 913³⁻⁶; 911¹¹ (*в квоиждо*) — 912²⁴ (*октябрьем*); 945¹ (*прекы*) — 9425⁵; 956²¹ (*старъишньство*) — 9620¹ (*под ними*); 9718¹ — 988⁸; 986¹ — 9867⁷ (*нѣ-кака*); 98611¹ (*иже посредѣ*) — 99618¹; 1013³⁻¹¹; страница 1016; 10214¹ (*приступль-шю*) — 10225⁵; 1026²⁰⁻²⁵; 10317¹ (*къ судьбамъ*) — 10325⁵; 103617¹ — 1043³ (*поставити*); 10415¹ (*едино что*) — 104625⁵; 10714¹⁴⁻¹⁶; страница 1086; 10967⁷⁻²⁴; 11023²³⁻²⁵; 11123²³⁻²⁵; 11912¹ — 119618¹⁸ (*ихъ*); 120614¹⁴⁻²¹; страница 1236; 125613¹³ (*чародѣи*) — 125615¹⁵; 125618¹⁸ — 125621²¹ (*преда*); 12610¹⁰⁻¹²; 12669⁹⁻²⁵; 12968⁸ — 13014¹⁴ (*да тепетьсѣ*); 1414⁴ (*аще въдящи*) — 14112¹²; 20861¹ — 214623²³; 21613¹³ (*повелѣваемъ*) — 2175⁵ (*повелѣ*); 238613¹³⁻¹⁵; 238617¹⁷⁻¹⁸. Количество почерков в зоне Б неясно; не исключено, что почерк везде один и тот же.

§ 11. В зону В входит единый массив 275—231 и ряд «вкрапленных» в других местах. Отрезки, относящиеся к зоне В, таковы: а) 308⁸ (*то безако¹нѣ*) — 3012¹² (*сужену*); б) 7213¹³ (*-слоухъ*) — 7220²⁰ (*сега*); 732² (*бываетъ*) — 739⁹ (*сѣтъ*); в) 73617¹⁷ — 749⁹ (*далече*); г) 7564⁴ — 7569⁹ (*изв-*); 75614¹⁴ — 767⁷ (*гъ ѡе ихъ*); 779⁹⁻¹²; 8112¹² (*или*) — 8117¹⁷ (*безѣ*); д) 10520²⁰—10521²¹ (*ѡбрѣтъся*); е) 1512²⁻³; ж) 1552² — 1554⁴ (*блгочти-*); з) 18861¹ — 18924²⁴; и) 2164⁴ — 21613¹³ (*възводити*); 2175⁵ (*тре-*) — 2199⁹ (*въздрьдаете*); 21962² (*братъ*) — 220611¹¹; к) 2259⁹⁻²⁵; л) 22562² (*рекъ*) — 225615¹⁵; м) 2319⁹ — 238612¹²; строка 238616¹⁶; 238619¹⁹⁻²⁵; н) 26061¹⁻¹²; 26410¹⁰⁻¹³; о) массив 275—331 (внутри которого имеются «вкрапления» зоны А, см. § 9). Кроме того, к зоне В относятся слова: *ли в коемъ пороѣ* (на строках 7714¹⁴⁻¹⁵), *все гъну его* (на стыке 2616 и 262), *крѣтъкнѣскаго* (на строке 2673).

Внутри каждой из групп, обозначенных буквами, почерк, по-видимому, одинаков. Некоторые группы сходны между собой по почерку и по орфографическим особенностям: «в», «г», «к», «н» похожи на «о»; «л», «е» — на «и». Но надежное отождествление почерков здесь затруднительно (прежде всего потому, что многие отрезки слишком малы). Основные почерки — «о» (113 страниц текста), «м» (16 страниц), «и» (7 страниц), «з» (2 страницы); они различаются между собой вполне надежно. Прочие почерки представлены лишь маленькими отрезками (иногда менее 3 строк)²³.

§ 12. Орфография Мерила в целом (не считая *о* и *ѡ*) вполне типична для русских рукописей середины XIV века; в частности, она совсем не затронута вторым южнославянским влиянием. В зоне А для прояснив-

²³ Три раза в почерке «г» (756) и один раз в почерке «ж» (155) встретились написания с *-агѡ*, *-егѡ* (в Р. ед.), где *ѡ* не соответствует правилам зоны В.

шихся редуцированных орфографической нормой уже являются написания *о, е*, для прежних *кы, гы, хы* — написания *ки, ги, хи*; архаичных написаний типа *дѣждь, вѣзметь, мачехы* совсем мало; исключительно редки записи с «ложными» *ѣ, ъ* типа *пѣбѣжитъ*. Более архаичны орфографические нормы зоны В, особенно почерка «о»: здесь довольно часто встречается взаимная замена *ѣ* и *о*, *ѣ* и *е*, характерная для более ранних рукописей (например, *первыи* и *първыи*, *лѣстно* и *лѣстно*, *создати* и *сѣздати* и т. п., и, с другой стороны, *до четвъра, трѣбуеть* и т. п.), а также широко представлены *кы, гы, хы* (наряду с *ки, ги, хи*). В зоне Б преобладают *о, е*, но часты *кы, гы, хы*.

Юс малый и ю, а также *о* узкое и *о* широкое распределены в Мериле строго позиционно: первый член пары выступает после согласной буквы, второй — после гласной (или *ѣ, ѣ*) и в начале слова. В таком же распределении, но с небольшими отклонениями, выступают *е* обычное и *е* йотированное (об их передаче в настоящей статье см. сноску 24; если в какой-либо цитируемой ниже словоформе указанное правило распределения этих двух букв нарушено, это специально отмечается); в нескольких местах в Мериле вместо *е* йотированного написано *е* «якорное». К указанному распределению стремится также пара *у — оу* (но всё же нередки случаи, когда *оу* пишется и после согласной).

Для Мерила характерна высокая грамотность писцов — не только учителей-каллиграфов, но и учеников (притом что орфографические нормы учителей и учеников различны).

З а м е ч а н и е. Следует признать, таким образом, что ученики учились у каллиграфов искусству переписывания книг, но не орфографии (за исключением, может быть, лишь писца зоны Б). Основные писцы зоны В имели достаточно устойчивую собственную орфографию, которую нельзя отнести за счет одного лишь слепого копирования протографа, поскольку между разными писцами имеются систематические различия в деталях, например в выборе графемы для начального *О* (см. § 24). Учителя-каллиграфы явно принадлежали к иной, чем ученики (причем более новаторской), школе письма; одним из ее новшеств было и различие фонем /б/ и /з/.

§ 13. Диалектологическая оценка Мерила затруднена тем, что в нем нет почти никаких ярких диалектных особенностей, известных из исторической диалектологии. Так, по нашим данным, в Мериле отсутствуют лингвистически значимые случаи смешения: 1) *в* и *оу*²⁴; 2) *и* и *ы*; 3) *о* и *а*; 4) *ц* и *ч*; 5) *с, з* и *ш, ж*; 6) конечные *пѣ, бѣ, вѣ, мѣ* и *пѣ, бѣ, вѣ, мѣ*, кроме *мѣ* и *мѣ* в окончаниях (где смешение сравнительно часто); 7) *рю, ри, ря* или конечного *рѣ* с *ру, ры, ра, рѣ*. Отсутствуют также: 8) надежные случаи так называемого «нового *ѣ*» галицко-волинского типа; 9) написания с *жч* (типа *дожчь*); 10) написания с *жг* (типа *дожгь*); 11) случаи второго полногласия, кроме *виревную* 332 в Русской Правде; 12) *у, ы* или *ѣ* после шипящих и *ц*²⁵; 13) *о* после шипящих и *ц*; 14) *еи, ои* на месте **ьј, *ьј* в сильной позиции, кроме *ролеини* (3 раза в Русской Правде); 15) *е* вместо ударного *ѣ* после гласной буквы или в начале слова (типа *тоє, еє, ехати*); 16) «удвоенный» предлог *във* (*вв*).

З а м е ч а н и е. Для части указанных смешений в Мериле есть примеры, но они по тем или иным причинам непоказательны. Так, *истыньнымъ* 203б, *дасадить* 83б, *наймаввыи* 267 (*ма* исправлено в *мо*) — это, по-видимому, простые описки под влиянием гласной буквы последующего слога (ср. бесспорную описку — *котара|го* 308б

²⁴ При этом, однако, имеются случаи смешения *ву* и *оу* после гласной, например *тивунъ* и *тиоунъ*.

²⁵ При этом, однако, из пары *а — я* в Мериле после шипящих пишется *а* (крайне редко *я*), после *ц* в зонах А и Б пишется *я*, в зоне В — *а*.

[В]²⁶); в *вода.важю* 3186 [В], *водаважи* 319 [В] возможно, кроме того, ложное осмысление сложного слова как двух слов; *покаряся* 85 — гиперкоррекция под влиянием *покарятися*. Непоказательны колебания типа *манастырь* и *монастырь* (в заимствованных словах), сосуществование *взаконити* и *оузаконити*, *вгодно* и *оугодно*, *вреченны* и *оуреченны*, *вчинити* и *оучинити* и т. п. (где различие между *в-* и *оу-* морфологическое) и ряд других особых случаев.

Как известно, в галицко-волыньских рукописях этого периода обычно представлены явления 1, 8, часто также 2, 9, в новгородских — часто 4, 10, 11, 15, иногда 13, 14, в псковских часто 4, 5, 10, иногда 1, 3, 7, 11. В Лаврентьевском списке летописи 1377 г. относительно надежно представлены явления 13, 14, 15, 16, в Переяславском евангелии 1354 г. — 12, 13, 15 (в единичных случаях также 14, 16), в московских грамотах XIV века — 12, 13, 14, 15, 16.

Разумеется, из отсутствия в Мериле названных выше особенностей написания еще отнюдь нельзя заключить, что в говоре писцов Мерила не было и соответствующих фонетических явлений и что тем самым Мерило не является ни галицко-волыньской, ни новгородской, ни псковской, ни ростово-суздальской рукописью. Можно лишь утверждать, что нет позитивных свидетельств принадлежности Мерила к какой-либо из этих диалектных областей.

§ 14. Позитивную диалектологическую информацию дают прежде всего следующие особенности написаний Мерила (которые, с нашей точки зрения, достаточно надежно свидетельствуют о наличии в говоре писцов соответствующего фонетического явления).

1. В соответствии с этимологическими *trbt*, *trbt*, *tlbt*, *tlbt*, находящимися в слабой позиции, во всех зонах Мерила, как правило, выступают написания с *ro*, *re*, *lo*, *le* (т.е. такие же, как и в сильной позиции), например: *крови*, *кровавъ*, *строгаеми*, *броды*; *оустремяться*, *кренеть*, *грекомъ*, *треми*; *яблоко*, *плоти*, *исключивше*; *кленеться*, *слезами*, *плеваку*. Архаичные написания с *ъ*, *ь* (*тръми*, *кльни* и т. п.) встречаются не чаще, чем для любых других словоформ с прояснившимися редуцированными (см. § 12). Данная особенность позволяет однозначно отнести Мерило к великорусской зоне.

2. Имеются случаи написания глухих согласных вместо звонких: а) в конце слова — *отинуть* 54 (перед *хвала*), 1116 (перед *волное*); менее показательно *истъ самѣхъ* 54; б) в середине слова перед глухими — *пчела* 25, ω^T *пчелы* 216 (ср. ω^T *белы* 23, 24 и др.), ω^T *пче* 336, ω^T *пче* 2086 [Б], *кратышимъ* 626, *бриткое* 62, *отяцаю* 267 (вместо *отяжчаю*); ср. также *мни|жськымъ* 2106 [Б] (гиперкоррекция). По Дурново, в великорусских памятниках такие написания появляются с конца XIII века; в западнорусских они встречаются не раньше конца XIV (и притом только в позиции «б»); к еще более позднему времени относится оглушение согласных в западных украинских говорах²⁷.

3. В Мериле имеется (во всех зонах) довольно много случаев смешения *e*, *ѣ*, *и*, *я*. Правда, значительная их часть не может сама по себе служить свидетельством смешения соответствующих фонем, поскольку допускает нефонетическое объяснение. Сюда относятся, в частности, колебания *e* — *ѣ* в неполногласных сочетаниях, колебания типа *кдѣ* — *кде*, *погибѣль* — *погибель*, *бѣяку* — *бикаку* (от *быти*), ω^T *рицяти* — ω^T *рѣцяти*, *свѣдѣтель* — *свѣдитель*, *свѣцавати* — *свѣцевати*, колебания некоторых окончаний существительных и прилагательных и др. Менее очевидно, но

²⁶ При ссылках на страницы принадлежность к] зоне Б] или В] обозначается: [Б], [В].

²⁷ Н. Д у р н о в о. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924, § 208.

все же не исключено участие морфологического фактора в колебаниях водотеца — водотѣчь, покладежь — покладяжь, истяжеть — истяжить, сестрѣницѣ 194 — сестреницема 3296 [В] — сестриницема 329 [В], в случаях ненавидѣши 58, да не будѣте 63, взицете 156 (по смыслу повел.), по вѣмъ садомъ и зельимъ 266, по всемъ областемъ 2076, лѣтпослушьствовавѣ|ше 1556, по не|квои 976 [В] (вместо нѣ-), по николициѣ времени 283 [В] (вместо нѣ-). Ошибочные написания вѣру 332, 3326 (вместо виру), виревную 332 (от вервь), также нѣлзѣ 224, 335 кочуют из одной рукописи в другую и потому непоказательны; вероятно, к этой же группе относится вино 2896 [В], вина 2506 (вместо вѣно, вѣна). Далее, в ряде случаев высока вероятность простой описки: иеритичьскѣи 59, леже||ща 260, в нѣ|вѣдѣнии 268, тцетою оцтитѣся 1236 [В], болярю 81 [В], аще ивляеться 2856 [В], родитилю 2956 [В].

Однако даже после вычета всех этих случаев примеры смешения *e*, *ѣ*, и еще остаются: *e/ѣ* — терпеливѣ 116, 66, по все третишники и пятки 426, по вѣршеному 175, ѡцѣтитѣся 270, седѣти 314 [В], на виселицахъ 3226 [В], наводнѣние 3196 [В], общее стѣны Р. ед. 312 [В]; *e/и* — створевыи 246, первые И. мн. муж. 347, оставльшееся долзѣ 273 (по смыслу И. мн.), пажеть 213 [В], погыбающему 2856 [В], снѣ Д. ед. 3086 [В] (вместо синови); *ѣ/и* — творѣли есте 41, мѣри Д. ед. 586, даеми Д. ед. жен. 305 [В] (см. также выше долзѣ). Во всех примерах, не допускающих нефонетического объяснения (равно как и в большинстве остальных), смешение *e*, *ѣ*, и приходится на слог, который в XIV веке либо определенно был безударным, либо (например, в наводнѣние, створевыи, по все) по крайней мере мог быть таковым.

Смешение безударных *e*, *ѣ*, и (хотя бы в части позиций) характерно прежде всего для южно- и средневеликорусских и белорусских говоров; но в тех или иных частных формах оно встречается и в других зонах. К сожалению, попытка усмотреть в имеющемся материале какой-то определенный тип яканья или какой-то иной из известных механизмов смешения *e*, *ѣ*, и была бы ненадежной (прежде всего из-за недостатка сведений об акцентуации XIV века).

4. В зоне А (кроме почерка «б») предлоги и приставки *вѣ*, *сѣ*, *кѣ* перед последующими *и* (*i*), *оу*, *о*, *ѡ*, *а*, как правило, выступают в виде *во*, *со*, *ко*, например: *во инои*, *со имѣние*, *ко истцю*, *во оумѣ*, *во оуглѣ*, *сооузѣ*, *ко оутру*, *во областехѣ*, *вообразить*, *со отрокомѣ*, *во ѡбци*, *во ѡлтарь*, *со ѡтлучение*, *ко ѡцю*, *во адѣ*, *ко аньнѣ*; лишь изредка встречаются написания *сѣ*, *сѣ*, *кѣ* (встретились также в узину 336, с у|краденымъ 136, б, с у|ѡгою 1726, в ы|нѣ 139, выну «всегда» 2076). В прочих частях Мерила (включая почерк «б» зоны А) в этой позиции господствуют традиционные написания *вѣ*, *сѣ*, *кѣ*; написания *во*, *со*, *ко* редки. По наблюдениям Л. Л. Васильева²⁸, написания типа *во*, *со*, *ко* перед нейотированными гласными в наибольшей степени характерны для галицко-волинских рукописей, в наименьшей — для новгородских. В Лаврентьевском списке летописи и в московских грамотах XIV века это явление представлено в ограниченной степени; например, для предлога «в» нередко встречается *во о-* (наряду с *вѣ о-*, *вѣв о-*), но почти не бывает *во оу-* (а только *вѣ оу-*, *во у-* или *вѣв у-*).

5. В зоне А при господствующих написаниях *когѡ*, *кому*, *никогѡ же*, *никому же* иногда встречаются написания типа *ни ѡт когѡ же* (реже без отрицания, например, *кѡму*). Как показывает акцентуационный анализ

²⁸ Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908.

написаний Мерила (в технику которого мы здесь не можем углубляться²⁹), распределение *o* и *ω* в господствующих написаниях отражает ударение *кобó*, *комú*, а в отклоняющихся — ударение *кобо*, *ко́му*. В настоящее время ударение типа *нико́бо*, *нико́му*, *ничбо́*, *ничбо́му* (реже без отрицания: *кобо* и т. п.) представлено только в украинско-белорусской зоне и примыкающей к ней юго-западной части великорусской зоны. Единичные примеры *нико́бо*³⁰, *тобо*, *то́моу* (при обычных *тогдó*, *томо́у* и т. д.) представлены также в Чудовском Новом Завете XIV века.

Таким образом, на основании указанных здесь наиболее надежных черт Мерило (целиком) должно быть определено отнесено к великорусской территории; при этом зона А обнаруживает черты, указывающие более узко на какую-то территорию, смежную с украинско-белорусской.

Продолжим список теми особенностями написания, которые несколько менее надежно свидетельствуют о наличии соответствующего явления в говоре писцов Мерила.

6. Написание *ско́лкъю* «раковину» 34, по-видимому, представляет собой самый ранний из ныне известных случаев письменного отражения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных. Это явление в настоящее время представлено только на великорусской территории (во многих ее частях); при этом как раз юго-запад затронут им слабо: зона его распространения едва соприкасается, например, с зоной ударения *нико́бо*, *ничбо́* (см. выше). Известно, однако, что в этом районе ассимилятивное смягчение отступает к востоку и к югу; еще в конце XIX века оно фиксировалось, например, в Брянской области, где его сейчас почти нет³⁰.

7. У слова «тот» встретились в числе прочих словоформы *тыи* И. ед. муж. 526, 2916 [В], *тыю* В. ед. жен. 293 [В], *тыа* В. мн. муж. 506 — при обычных *тъ* (также *то* [в муж. роде] и несколько раз *тотъ*), *ту*, *ты* и т. д. (в И. мн. изредка также *тѣ*). В настоящее время словоформа *той* (*тэй*, *тый*) «тот» представлена в украинско-белорусской зоне и на юго-западе великорусской, словоформа *тые* (*тыи*, *тѣи*) «те» — на той же территории и несколько реже также в западной и северо-западной частях великорусской зоны. Имеющиеся неполные данные позволяют предполагать примерно такое же распространение этих словоформ и в XIV—XV вв.³¹

8. Слово «скорбь» и производные представлены так: *скербь* 16, 2026, *скерби* 386, *скербя* 466 (причем во всех этих случаях написано *e* йотированное, ср. § 12), *скербыно* 376 (с *e* обычным); с другой огласовкой — *оскорби* (повел.) 58. Сочетание *ьр* или *ьр* в этом слове характерно в первую очередь для галицко-волинских рукописей (из прочих памятников с этой особенностью отметим Успенский сборник).

9. Для слова «родной» единственное акцентно значимое написание (ср. выше, пункт 5) *родное* 2436 соответствует ударению *рòдное*. В настоящее время ударение *рòдный* характерно в основном для украинско-белорусской зоны и примыкающей к ней довольно широкой полосы великорусской территории (запад, юго-запад, юг).

Особенности 6—9 хорошо согласуются со сделанными выше выводами и подкрепляют их. Таким образом, среди диалектно значимых особенно-

²⁹ См. А. А. З а л и з н я к. Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века. — Конференция «Ностратические языки и ностратическое языковедение». Тезисы докладов. М., 1977, с. 18—19.

³⁰ См. Л. Л. К а с а т к и н. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 70—72.

³¹ См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, с. 90—94.

стей зоны А Мерила выделяются две группы: 1, 2, 6 указывают на великорусскую зону; 5, 7, 9 (предположительно также 4, 8) — на территорию, охватывающую прежде всего украинско-белорусскую зону, но также и большую или меньшую смежную с ней часть великорусской. Областью пересечения является юго-запад великорусской территории.

Итак, говор писцов зоны А — определенно великорусский и предположительно юго-западновеликорусский (осторожность диктуется здесь тем, что сделанный вывод в значительной мере опирается на факты, отделенные от эпохи Мерила пятью-шестью веками); ср. также § 13. К сожалению, памятники XIV века (или старше), определенно написанные в указанном районе, в настоящее время неизвестны.

Со сделанным выводом хорошо согласуется тот важный факт, что система распределения фонем /ѡ/ и /о/ в зонах А и Б Мерила (здесь не рассматриваемая) соединяет в себе великорусские и украинские черты (с преобладанием великорусских)³².

Что касается зоны В Мерила, то мы можем констатировать лишь ее великорусский характер.

З а м е ч а н и е. В Мериле есть и другие особенности написания, которые хорошо согласуются со сделанным выше выводом, однако по тем или иным причинам недостаточно надежны (или недостаточно информативны) для того, чтобы служить самостоятельным диалектологическим аргументом. Отметим их без подробного разбора. Написания *еюпетъ* 42б, *въ еюптѣ* 95, 95б (ср. *въ егоуптѣ* 93б, *егупетьски* 118б, а также *кюпръскии* 52, *во анкюрѣ* 94, 106) позволяют предположить здесь [γ'] (или [j] < [γ']). В имени *Амфилохий* встретилась мена *х* и *ф*: *амфилофью* 70, *ань|филофью* 189 [В], ср. *амфилохию* 69, *амфилохию* 110б. Неоднократно встречаются *михаило*, *марко* (наряду с *михаилъ*, *данилъ*, *петръ*, *павелъ* и др.). Написания *въ едину ношъ* 46б и *до четвера* 177б (ср. укр. *чверть*, белор. *поўчварта* и др.) могут быть и описками; *пршидемо* 33 (исправленное на *пршидемъ*), вероятно, перенесено из протографа.

В настоящее время территория бывшего Тверского княжества (т. е. сравнительно узкая полоса по линии Кашин — Калинин — Старица — Зубцов) не входит в юго-западную диалектную зону, но непосредственно примыкает к ней с севера. Можно предполагать, что в XIV веке юго-западные языковые черты частично пропикали на эту территорию, но степень этого проникновения неизвестна. Таким образом, лингвистический анализ не дает явного подтверждения гипотезе о тверском происхождении Мерила; но он и не опровергает ее, поскольку, с одной стороны, не исключено, что наблюдаемый комплекс черт был возможен, например, в южной части Тверского княжества, с другой стороны, по крайней мере писцы зоны А (т. е. учителя-каллиграфы) могли быть и приплыми людьми в Тверском княжестве.

Особенности графической передачи фонем /ѡ/ и /о/ в восточнославянских памятниках

§ 15. Как явствует из § 1—6, на восточнославянской территории применялись по меньшей мере четыре разные системы графического различения фонем /ѡ/ и /о/. В каждой системе одна или несколько графических единиц служат для передачи /ѡ/ (назовем их «знаками для /ѡ/») и одна или несколько — для передачи /о/ (назовем их «знаками для /о/»). Различия между этими системами показаны в таблице 1.

³² См. А. А. Зализняк. Там же, с. 19.

Таблица 1

	Знаки для /Ѡ/	Знаки для /ѡ/
1. Омеговая система	Ѡ	ѡ узкое, ѡ широкое
2. Каморная система	графемы класса <i>О</i> (<i>о</i> узкое, <i>о</i> широкое, Ѡ) с каморой	графемы класса <i>О</i> без каморы
3. Система « <i>о</i> узкое = /Ѡ/» (известна только в сочетании с системой 2)	<i>о</i> узкое с каморой или без каморы (кроме того, из системы 2: <i>о</i> широкое с каморой, Ѡ с каморой)	<i>о</i> широкое без каморы, Ѡ без каморы
4. Система « <i>о</i> широкое = = /Ѡ/»	<i>о</i> широкое	<i>с</i> узкое *

* Об использовании Ѡ в этой системе см. § 24, разбор узкошрифтного свангелия.

Примечания. 1. В системах 1 и 2 возможен также вариант, в котором не различаются графемы *о* узкое и *о* широкое (а имеется лишь *о* единое). 2. Почти во всех памятниках имеются отдельные графические позиции, в которых выбор графической единицы класса *О* подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /Ѡ/ и /ѡ/; особенно часто такую позицию образует начало слова. Таблица показывает использование графических единиц в позициях, где различие между /Ѡ/ и /ѡ/ вообще передается. 3. Использование показанных в таблице графических единиц в принципе независимо от наличия или отсутствия в тексте знаков ударения; в частности, над гласной могут стоять одновременно камора и знак ударения (оксия или вария). В Мериле система различия /Ѡ/ и /ѡ/ (омеговая) применена при полном отсутствии знаков ударения. 4. В таблице не учтены некоторые особые начертания класса *О*, встречающиеся в части рукописей: «очковое» *о* (с точкой внутри), *о* с двумя точками (или с крестом) внутри, Ѡ, омега с плавной серединой (так называемый двурогий Ѡ) и др. Степень их графемной самостоятельности и способы использования недостаточно изучены.

Принцип факультативности выражения /Ѡ/

§ 16. Важнейшим общим свойством всех названных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является неравноправное отношение между знаками для /Ѡ/ и знаками для /ѡ/: в любой из этих систем знаки для /ѡ/ могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилась фонема /Ѡ/, тогда как обратное неверно. Например, в рукописях с омеговой системой /закѡн/ может быть записано не только как *закѡнъ*, но и как *законъ* (причем разные написания одной и той же словоформы могут стоять в рукописи буквально рядом). С другой стороны, например, /воду/ последовательно записывается в тех же рукописях как *воду*; написание *воду* может встретиться только в качестве ошибки³³, т. е. не чаще, чем любая другая ошибка (скажем, *вуду* и т. п.). Описанное свойство можно обозначить как «принцип факультативности выражения /Ѡ/».

Применительно к каморной системе (единственной известной в то время) этот принцип сформулировал Н. Н. Дурново в 1932 г.: «Тот факт, что над *о* стоит лишь оксия без каморы там, где мы могли бы ожидать камору..., объясняется в большинстве случаев как простой пропуск каморы, аналогичный частому пропуску других знаков»³⁴. Наблюдение над рукописями с другими системами передачи /Ѡ/ и /ѡ/ показало, что принцип факультативности выражения /Ѡ/ полностью действителен и для всех этих

³³ Ошибки писца — это прежде всего описки (писец механически написал не ту букву, которую намеревался) и орфографические ошибки, т. е. нарушения собственных орфографических норм писца.

³⁴ N. D u r n o v o. Там же (см. сноску 1), с. 13. ¶

систем тоже, т. е. что справедлива обобщенная его формулировка, данная выше в начале параграфа.

Указанное неравноправное отношение легко описывается в терминах маркированности: в каждой системе знаки для /*ô*/ выступают как маркированный член графической оппозиции, а знаки для /*o*/ — как немаркированный. Фундаментальное свойство немаркированного члена любой оппозиции — способность выступать в качестве представителя всей пары в целом. Именно это свойство и проявляется в способности графемы *o* служить не только для передачи фонемы /*o*/, но и в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа *o*» (т. е. как /*o*/, так и /*ô*/). Ср. отсутствие такого свойства у маркированной графемы (например, *ô*): она применяется только по своему прямому назначению — для передачи фонемы /*ô*/.

В подобных случаях запись некоторого звучания с помощью маркированного члена графической оппозиции можно назвать *п о л н о й*, а запись того же звучания с помощью немаркированного члена — *у п р о щ е н н о й*. Например, в омеговой системе запись *законъ* — полная, а *законь* — упрощенная.

С точки зрения пишущего, упрощенное написание — это отнюдь не ошибка (см. сноску 33), а вполне допускаемое правилами «облегчение» записи³⁵. Оно принципиально сходно с различными сокращениями, выносом части букв над строкой и тому подобными разрешенными приемами, при которых часть информации остается невыраженной на письме и должна восстанавливаться читателем по контексту. Подобно тому, как читатель сам должен понять, что, например, *пра*³ — это *правило* (а не что-либо другое), он должен установить, что *законъ* — это /*закôн*/, а не /*закôн*/.

§ 17. Описанное неравноправное соотношение двух графических единиц отнюдь не представляет собой чего-либо уникального. Более того, можно утверждать, что оно встречается в различных графических системах довольно часто, хотя далеко не всегда оно адекватно отражено в описаниях. Простейший пример составляют современные русские *ë* (маркированный член) и *e* (немаркированный член). В этой паре *ë* используется только для передачи /'o/ (например, *мѣд*), а *e* может передавать как /'e/ (*снег*), так и /'o/ (*мед*). В последнем случае *e* выступает как представитель всей пары, т. е. как безразличное обозначение для /'e/ или /'o/. Написание *мѣд* является, таким образом, полным, а *мед* — упрощенным.

Неравноправное отношение особенно часто встречается в парах типа «графема как таковая — та же графема с надстрочным или подстрочным знаком» (независимо от того, рассматривается ли второй член пары как особая буква или нет). Помимо уже указанных русских *e* и *ë*, таковы, например: франц. *e* — *é*, *o* — *ô* и т. п., *c* — *ç*, латышск. *a* — *ā* и т. п. Во всех этих случаях в некоторых ситуациях (заголовки, данные прописными буквами, телеграммы, беглое письмо и др.) надстрочные или подстрочные знаки могут опускаться. Особенно много примеров подобного рода можно найти в древних и средневековых системах письма (где не было столь строгой орфографической регламентации, как теперь). Так, факультативными были, в частности: надстрочные знаки долготы гласных в древних германских языках; камора как знак мягкости согласных в старославянском; знаки ударения в средневековых русских (и иных) акцентуированных рукописях. Число примеров легко можно умножить. В одних рукописях эти надстрочные знаки проставлены менее, в других более последовательно, однако, как правило, всё же не в 100% случаев.

³⁵ Так, заметив свою ошибку, писец обычно ее исправляет (если к этому нет особых препятствий); между тем бесспорных случаев исправления упрощенного написания на полное в рукописях практически нет.

Неравноправное соотношение рассматриваемого типа встречается также, хотя и реже, в парах графических единиц, где различие не сводится к надстрочному или подстрочному знаку. Приведем несколько примеров. В XVIII веке до введения Н. М. Карамзиным буквы *ѣ* в том же значении в некоторых книгах использовался графический комплекс *Io*; он применялся, однако, как и нынешнее *ѣ*, нерегулярно: вместо него могло писаться и традиционное *e*. Буква *э* в XVIII и даже в начале XIX века употреблялась лишь как факультативное обозначение для начального /e/ без йотации, наряду с обычным *e*: сосуществовали, например, написания *этот* и *етот* и т. п.³⁶ Во многих староукраинских и старобелорусских памятниках (где *г* означает /h/) взрывное /г/ могло записываться диграфом *кг*, а с XVII века — особой буквой *г*; однако возможно было и упрощенное написание, т. е. обычное *г*. В средневерхненемецком для фонемы /ü/ полным написанием служило *ue* (или *u* с надстрочным *e*, позднее превратившееся в *ü*), а упрощенным — *u* (т. е. знак для /u/). В современном немецком в принципе допускается замена *β* на *ss*; таким образом, например, для /ma:sə/ «меры» возможно полное написание *Maße* и упрощенное *Masse* (ср. /masə/ «масса» с единственно возможным написанием *Masse*).

Особый частный случай рассматриваемого отношения составляет хорошо известное в семитологии противопоставление так называемых *scriptio plena* и *scriptio defectiva*³⁷ при передаче одной и той же последовательности фонем. Например, слог /hū/ может быть передан в семитских консонантических системах письма либо знаками для *h* и *w* (*scriptio plena*), либо одним лишь знаком для *h* (*scriptio defectiva*); в последнем случае этот слог неотличим от слогов с другими огласовками и от простого /h/.

Коэффициент выраженности /ô/

§ 18. Допустим, исследуется некоторый письменный текст, где графически различаются фонемы /ô/ и /ɔ/ (целый памятник или какая-то его часть, скажем, один из почерков). Рассмотрим все точки текста, где стоит графема класса *O*, и для каждой из них попытаемся установить (пользуясь обычными методами диахронического исследования и учитывая обнаруживаемые диалектные особенности распределения /ô/ и /ɔ/ в данном памятнике), какая из двух фонем там произносилась. Если в каких-то графических позициях различие между /ô/ и /ɔ/ в данной орфографической системе не передается (см. табл. 1, примеч. 2), отбросим соответствующие точки текста. Далее отбросим все те случаи, где есть основания предполагать колебание между /ô/ и /ɔ/ (см. ниже, § 22), а также те, где фонологическая реконструкция почему-либо оказалась невозможной или ненадежной. Обозначим оставшуюся совокупность точек как *A*; с содержательной точки зрения, *A* — это относительно надежная часть материала. Пусть *B* — это совокупность всех точек текста из *A*, которым по нашей фонологической реконструкции в говоре данного памятника соответствует фонема /ô/, а *C* — это совокупность всех точек из *B*, в которых написан знак для /ô/.

Назовем отношение численности *C* к численности *B* коэффициентом выраженности /ô/ (в рассматриваемом тексте). При необходимости этот коэффициент может быть вычислен также отдельно для той или иной группы слов.

³⁶ Ср. также нынешние колебания типа *мэтр* — *метр* («учитель»), *Тэйлор* — *Тейлор* и т. п., с которыми постоянно борются орфографические справочники (стремящиеся к фиксированным написаниям, пусть даже разнотипным, например, *сэр* и *секанс*, *пленэр* и *пенсче*, *Тон* и *Доде* и т. п.).

³⁷ Именно эти традиционные термины послужили образцом для предложенных выше названий «полное написание» и «упрощенное написание».

Понятно, что коэффициент выраженности / δ / — не вполне объективная величина, поскольку он зависит от степени точности фонологической реконструкции и от объема материала, не включенного в А. Поэтому следует относиться к этому коэффициенту как к приблизительному (а не математически точному) показателю соответствующих свойств текста. Заметим, однако, что на практике вариации в оценке данного коэффициента, определяемые названными причинами, оказываются незначительными.

Принцип факультативности выражения / δ / проявляется в том, что ни в одном из известных нам памятников с различием / δ / и / ϵ / (включая те, которые известны из описаний, в частности из работы Л. Л. Васильева) коэффициент выраженности / δ / не равен 100%.

§ 19. Как показывает обследование памятников, коэффициент выраженности / δ / довольно устойчив в пределах части текста, писанной одним писцом в одних и тех же условиях (списывание с одного и того же протографа, одинаковая степень тщательности или, напротив, спешки и т. п.). Например, в основном разделе (16—4476) Травника средний коэффициент выраженности / δ / для группы из 20 самых частых слов с надежным / δ / и их производных равен 82,5%; измерение того же коэффициента в семи последовательных частях этого раздела (длиной в 120, 124, 170, 77, 120, 100 и 133 страницы) дало следующие результаты: 86%, 86, 82, 82, 80, 81 и 84%. С другой стороны, у разных писцов коэффициент выраженности / δ / может быть очень различным (скажем, 97% и 40%); меняется он и у одного и того же писца с изменением условий работы.

Низкий коэффициент выраженности / δ / у некоторого писца сам по себе отнюдь не означает, что этот писец хуже различал / δ / и / ϵ /, чем писец с высоким коэффициентом; например, мы записываем /'о/ с помощью \dot{e} (а не e) исключительно редко, но это не значит, что мы плохо различаем /'о/ и /'е/. Если бы писец действительно не отличал на слух / δ / от / ϵ / и писал соответствующие буквы (скажем, ω и o) лишь по выученным орфографическим правилам, он ошибался бы тем чаще, чем шире его грамотность, но непременно и в ту и в другую сторону, т. е. «незаконные» ω встречались бы у него примерно так же часто, как «незаконные» o ; ср. общеизвестную картину в з а и м н ы х замен o и a у не вполне грамотных акающих писцов. Таким образом главным внешним признаком живой системы графического различия / δ / и / ϵ / (т. е. передачи этих фонем со слуха) является не высокий коэффициент выраженности / δ /, а несимметричность ошибок: «незаконные» знаки для / ϵ / встречаются, а «незаконные» знаки для / δ / отсутствуют (или встречаются несопоставимо реже, лишь в качестве ошибок или описок). Напротив, симметричность ошибок скорее всего указывает на омертвевшую систему (имитирующую уже утраченное фонемное противопоставление с помощью орфографических правил). Опираясь на этот критерий, можно предположить, что в среднешрифтных и широкошрифтных изданиях анонимной типографии (§ 6) представлена омертвевшая система, а в рукописях, названных в § 3—5, и в узкошрифтном евангелии (§ 6) — живая (однако для окончательного заключения необходим более полный анализ этих памятников). Определенно живая система представлена в Мериле.

§ 20. В памятниках с различием / δ / и / ϵ / обычно имеются некоторые особые точки или участки текста, где коэффициент выраженности / δ / ниже, чем в среднем по памятнику. В частности, в Мериле это явление наблюдается: 1) в киновари (т. е. в киноварных заголовках или вкраплениях в текст); 2) на конце строки; 3) в элементах текста, вынесенных над строкой, и в приписках между строк; 4) в местах, где писец по какой-либо причине «ужимал» текст (ставя буквы теснее, чем обычно, исполь-

зую большее число выносов и т. п.)³⁸. Таким образом, текст здесь может быть разделен на часть (меньшую), находящуюся в особых условиях (где коэффициент выраженности / δ / понижен) и основную часть, находящуюся в нормальных условиях³⁹.

Для многих памятников список позиций, образующих особые условия, точно таков же, как в Мериле. Но возможны и некоторые вариации; например, в Травнике к особым условиям относится, в числе прочих, случай, когда в предшествующем графическом слоге уже имеется буква ω .

§ 21. В таблице 2 приведены данные о распределении полных и упрощенных написаний для / δ / в зоне А Мерила. Таблица отражает относительно надежную, по нашей оценке, часть материала (см. § 18).

Таблица 2

		Число написаний ω *	Число написаний o		Коэффициент выраженности / δ /, %	
			в нормальных условиях	в особых условиях	в нормальных условиях	в особых условиях
Часть А ₁	/ δ / в корнях наиболее частотных слов**	1024	5	41	99,5	73,5
	/ δ / в последнем слоге окончаний Р. ед. - <i>огО</i> , - <i>егО</i> , - <i>агО</i> , - <i>ягО</i>	1755	19	46	98,8	81
	/ δ / в прочих случаях	3085	118	125	95,9	73,3
	Всего	5864	142	212	97,3	75,5
Часть А ₂ (всего)		299	55	36	83	47,8

* Соотношение числа ω , находящихся в нормальных и в особых условиях, примерно одинаково для всех групп и равно в среднем 8:1. Коэффициенты вычислены исходя из этого среднего отношения.

** А именно: *закОнъ* и производные (всего в А₁ 309 раз), *мнОгъ* и производные (150 раз), *сбОръ* и производные (117 раз), *мОжетъ*, *възмОжетъ*, *помОжетъ* и другие словоформы презенса, кроме 1 ед. (115 раз), *достОитъ*, *достОитъ* и производные (101 раз), а также частица *бО* (278 раз).

Из таблицы видно, что писцы части А₁ были весьма тщательны в передаче / δ / через ω (97,3%); писец части А₂ заботился об этом несколько меньше (83%).

Ясно видна роль особых условий: в среднем по А₁ упрощенные написания встречаются в особых условиях в 9 раз чаще, чем в нормальных (24,5% против 2,7%), а в группе высокочастотных слов — даже в 53 раза чаще! Отсюда понятно, сколь важно учитывать этот фактор при лингвистическом анализе памятников.

³⁸ В зоне А таковы: 230 (строки 12—25), 2306 (строки 1—14), 2746 (строки 19—25), 337, 3376.

³⁹ Рост числа упрощенных написаний в особых условиях отчасти связан просто с тем, что o узкое вдвое или втрое уже, чем ω , а писцу приходится экономить место не только в случае 4, но обычно также и в случаях 1—3; ср. рост числа сокращений и выносов в этих же условиях.

Видно также, что у высокочастотных слов коэффициент выраженности /ô/ несколько выше, чем у остальных ⁴⁰ (99,5% против 95,9%).

§ 22. Факультативность выражения /ô/ составляет, как отмечал еще Н. Н. Дурново, очевидное затруднение для фонологической интерпретации написаний, встречаемых в рукописях данного класса (особенно если коэффициент выраженности /ô/ относительно низок). Единичное написание со знаком для /ô/, например, *гонить*, или даже два-три таких написания в этих условиях еще ничего не значат: это может быть как передача /ô/, так и упрощенное написание для /ô/. Надежным свидетельством об /ô/ может быть только систематическая или по крайней мере многократная запись соответствующей словоформы со знаком для /ô/, при полном отсутствии записей со знаком для /ô/.

Иначе обстоит дело со знаками для /ô/. Поскольку такой знак может появиться в соответствии с /ô/ только по ошибке, уже два-три написания некоторой словоформы со знаком для /ô/ (в особо тщательных рукописях даже единичное написание) свидетельствуют о том, что в данной словоформе произносилась (устойчиво или хотя бы наряду с /ô/) фонема /ô/. Это верно и в том случае, если данная словоформа встречается также и в написании со знаком для /ô/.

Труднее всего отличить устойчивое /ô/ от колебания между /ô/ и /ô/. Для редко встречающейся словоформы эта задача в общем случае неразрешима. Например, в Мериле 1 раз встретилось *прожа* (Р. ед.) и 1 раз *прока*; из этих данных нельзя сделать никакого вывода о том, было ли возможно в соответствующем говоре произношение этой словоформы с /ô/.

Возможность выявить колебание появляется лишь там, где рассматриваемая словоформа (или группа родственных словоформ, в которых по общим правилам должна быть единая огласовка) встречается достаточно часто. Например, в зоне А Мерила словоформы местоимения «кой» 59 раз записаны с *ко-* и 21 раз с *ко-*. Вероятность случайного накопления столь большого числа упрощенных написаний (при очень высоком среднем коэффициенте выраженности /ô/) чрезвычайно мала. Поэтому здесь можно предполагать колебание между /ô/ и /ô/ (по-видимому, как следствие колебания места ударения). Еще надежнее аналогичный вывод для членных форм прилагательного «новый» (9 раз с *новя-* и 29 раз с *нов-*) или для словоформ *инОе*, *инОгО*, *инОму* (после *н* 9 раз *о* и 66 раз *о*).

Обзор способов использования графем класса О

§ 23. Рассмотренные выше способы различения на письме фонем /ô/ и /ô/ представляют собой разные реализации фонеморазличительного (или, короче, «фонемного») принципа использования графем класса О. Для правильного извлечения из рукописей информации об этих фонемах необходимо, однако, учитывать и другие («нефонемные») принципы использования тех же графем, встречающиеся в рукописях.

Нефонемные принципы использования графем класса О построены на противопоставлении немаркированной графемы *о* узкое маркированной графеме *о* широкое (в одних случаях) или *о* (в других); если в системе не противопоставлены *о* узкое и *о* широкое, немаркированной графемой является *о* единое. Различаются лишь те условия, при которых для передачи фонемы «типа *о*» (любой) предписывается употреблять маркированную гра-

⁴⁰ Этот эффект характерен для всех рукописей, различающих /ô/ и /ô/. Он объясняется тем, что графический облик высокочастотной морфемы или словоформы превращается для писца в готовый штамп, с трудом поддающийся каким-либо модификациям.

фему. Ниже перечисляются эти условия. Предполагается, что при отсутствии указанного условия употребляется немаркированная графема (но если в рукописи действует несколько принципов одновременно, то немаркированная графема выступает лишь там, где нет ни одного из условий для появления маркированной графемы). Перечисляемые ниже принципы могут применяться в разных памятниках с разной степенью последовательности (наиболее «жестки» принципы 2 и 5).

Следует учитывать также, что, в соответствии с общими правилами русской орфографии, в ней не отражаются эффекты аканья (таким образом, у акающего писца за графемами класса *О* в безударном положении фактически стоят не [ô], [ɔ] или [o], а [a], [ə] и т. п.).

1. Акцентный принцип (с лингвистической точки зрения наиболее близкий к фонемному): для передачи фонемы «типа *о*» (любой), стоящей под ударением, используется маркированная графема (*о* широкое или *ω*). При этом, как правило, в тексте имеются и знаки ударения; но если знак ударения не поставлен, маркированная графема обычно сохраняется. Этот принцип (в варианте с *о* широким) применяется, в частности, в почерке 538—5546 Троицкой псалтири, в московских изданиях Ивана Федорова, в изданиях Андроника Невежи и далее в большинстве московских изданий XVII века, например в Уложении 1649 г. Для варианта с *ω* чистых образцов мы не можем указать, но некоторые рукописи XVI века приближаются к такой системе.

2. Позиционный принцип: в начале слова и после гласной буквы (или ъ) употребляется маркированная графема (*о* широкое или *ω*); однако в составе диграфа *ou* независимо от позиции выступает *о* узкое. Как вариант с *о* широким, так и вариант с *ω* представлен в огромном числе рукописей, начиная с некоторых из самых древних. Возможен также смешанный вариант, когда в одной и той же рукописи в указанной позиции безразлично употребляется *о* широкое или *ω*.

3. Позиционный принцип: после сочетания из двух или более согласных букв употребляется *ω*. Этот принцип (сравнительно редкий) используется, в частности, в ряде рукописей с камерной системой: в рукописях, исследованных Л. Л. Васильевым, в Муз. 3650, в большинстве почерков Троицкой псалтири.

4. Позиционный принцип: под выносной буквой употребляется маркированная графема (обычно *ω*, реже *о* широкое). Этот принцип обычно соблюдается нестрого. Вариант с *ω* представлен в XV—XVII вв. довольно широко в самых разных памятниках, в частности во многих московских грамотах. Широкое *о* встречается в этой роли обычно лишь наряду с *ω*.

5. Морфемный принцип: морфема «от» (предлог и приставка) пишется *ωт*, независимо от всех прочих правил для графем класса *О*. Этот принцип представлен в подавляющем большинстве рукописей, начиная с древнейших, и в печатных книгах (в части памятников как морфема «от» записываются также начальные *От*- другой природы, например в словоформах *Отца*, *Отцетити*).

6. Различные менее распространенные морфемные принципы, сводящиеся к тому, что за определенным списком морфем закреплено написание с маркированной графемой (обычно *ω*). Сам этот список в разных рукописях различен. Например, в евангелии XV в. (ГБЛ, ф. 113, № 31; по-видимому, тверского происхождения) различия /ô/ и /ɔ/ нет, но, в частности, корни *ход-*, *хот-*, *плод-*, предлог и приставка *нод-*, окончание Т. ед. и Д. мн. *-Омъ* постоянно пишутся с *ω*, а корень *мног-* записывается через *о* с камерой. Заметим, что корень *мног-* входит в подобные списки чаще всех прочих (ср. также следующий пункт). Не исключено, что в некоторых рукописях, различающих /ô/ и /ɔ/, постоянная запись

окончаний *-агО*, *-огО* со знаком для /ô/ фактически подчинена механическому правилу этого же типа (а не фонемному принципу).

7. Лексико-грамматический принцип: применение ω подчинено серии правил, опирающихся на лексическое значение слова или на грамматическое значение словоформы. Важнейшие из этих правил: ω при лексическом или грамматическом значении множественности, например, *многъ*, *ноги* И. мн., *скотъ* Р. мн., *внукомъ* Д. мн. (ср. *о* в *ноги* Р. ед., *скотъ* И. ед., *внукомъ* Т. ед.); ω в наречии, например *мудро* (ср. *о* в прилагательном: *мудро*); ω в Р. ед. на *-агО*, например *живаг ω* (ср. *живаг* в В. ед.) и др. Этот принцип, излагаемый, в частности, в грамматике Смотрицкого, получает значительное распространение в русских рукописях и книгах, по-видимому, лишь с середины XVII века. Со временем он становится обязательной нормой для церковнославянских текстов (действующей и ныне).

Вероятно, существовали также какие-то другие, еще не выявленные принципы распределения графем класса *О*.

З а м е ч а н и е. Сверх собственно орфографических моментов на выбор между *о* широким и *о* узким или между ω и *о* может влиять и то чисто внешнее обстоятельство, что они различаются по ширине; ср. аналогичное различие в парах *и — i*, *оу — у*. Так, недостаток места в строке может привести к выбору узкой графемы (ср. сноску 39); существенно реже избыток места приводит к выбору широкой графемы.

При всей многочисленности возможных принципов распределения графем класса *О*, в части случаев мы сталкиваемся просто с их свободным варьированием (хотя количество таких случаев всё же меньше, чем кажется с первого взгляда, поскольку некоторые правила распределения обнаруживаются только при тщательном анализе). Свободное варьирование почти всегда ограничено лишь частью возможных позиций; например, оно обычно не нарушает действия принципов 2 и 5. Отметим особо, что в рукописи с различием /ô/ и /o/, отражающей акающий говор (типа Травника), возможно свободное варьирование графем класса *О* в безударных слогах. Так, в Травнике в безударном положении при господствующем *о* иногда (без видимых правил) пишется и ω .

§ 24. Если в рукописи действует одновременно несколько принципов, они обычно образуют иерархию, которую можно в общем виде представить так. Вначале действуют правила первого ранга; они предписывают для какой-то части точек текста, соответствующих фонеме «типа *о*», маркированную графему. К оставшейся совокупности точек применяются правила второго ранга и т. д. В точках, не затронутых ни одним из правил, пишется немаркированная графема.

Разные орфографические школы различаются между собой набором правил и/или их распределением по рангам. Ниже разобраны системы распределения графем класса *О* в разных зонах Мерила и в нескольких других памятниках. Нефонемные принципы обозначены номерами в соответствии с § 23. В разбираемых системах немаркированной графемой является: если указано, что в рукописи противопоставления *о* узкого и *о* широкого нет — *о* единое; в прочих случаях — *о* узкое.

Вначале приводятся примеры систем с различием /ô/ и /o/.

Мерило, зона А. I ранг: фонема /ô/ передается через ω . II ранг: принцип 2 в особом варианте, а именно, в начале слова *о* широкое, после гласной буквы или τ — безразлично *о* широкое или ω .

Мерило, зона Б. I ранг: фонема /ô/ передается через ω . II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или реже ω ; какого-либо правила распределения не замечено). Особенностью является здесь то, что диграф *оу* в начале слова и после гласной пишется с узким *о* или с ω (т. е. как *оу* или $\omegaу$).

Травник. I ранг: принцип 2 в варианте с ω . II ранг: фонема / δ / передается через ω . III ранг: принцип 4 в варианте с ω (весьма нестрого). IV ранг: в безударных слогах свободное варьирование o и ω (с подавляющим преимуществом o , см. § 23, конец). Противопоставления o узкого и o широкого нет.

Узкошрифтное евангелие анонимной типографии (§ 6). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или реже ω). III ранг: в любой словоформе любая фонема «типа o » может быть записана через ω (т. е. ω выступает здесь как безразличное обозначение для обеих фонем «типа o »); фактически, однако, такая запись применяется лишь в очень небольшой части случаев. IV ранг: принцип 4 в смешанном варианте (o широкое или ω). V ранг: фонема / δ / передается через o широкое.

Приведем теперь примеры систем без различения / δ / и / σ /.

Мерило, зона В, почерки «з» и «и». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в варианте с o широким.

То же, почерк «м». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или ω). Эта же система представлена в почерке «о», но только принцип 2 здесь почти всегда дает ω (o широкое представлено только в киновари и всего несколько раз в обычном тексте).

Лаврентьевский список летописи (1377 г.), первый почерк. Только принцип 2 в варианте с ω . Противопоставления o узкого и o широкого нет.

Триодъ цветная. Москва, 1591 (печатник Андроник Невежа). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или ω). III ранг: принцип 1 в варианте с o широким.

З а м е ч а н и е. Во всех разобранных здесь системах морфема «от» пишется ω^T . Однако отдельный принцип 5 нужен в описании не везде, поскольку в ряде памятников написание «от» с ω вытекает из принципа 2, в а зонах А и Б Мерила — из фонемного принципа.

Свидетельства средневековых грамматистов о двух фонемах «типа o »

§ 25. В текстах орфографического и грамматического содержания (по рукописям конца XVI и XVII в.), собранных в известной работе В. И. Ягича⁴¹, имеется целый ряд мест, показывающих, что указанные выше принципы распределения графем класса O (как фонемный, так и нефонемные) были хорошо известны грамматистам и излагались ученикам в процессе обучения. Наибольший интерес для нас представляют свидетельства о том, что грамматисты знали о различении на письме двух фонем «типа o ». Соответствующие выдержки приводятся ниже⁴² (все они относятся к омеговой системе; аналогичных свидетельств о других системах пока не обнаружено).

«По два писмени сложенни шесть буквъ стяжательных, а каяждо буква в себѣ имат по двѣ буквы внятелных, занеже глсы сходятся издалека, и мнози *от* нерасумѣа одинако глють. и того ради приложены по двѣ боуквы, дабы расумно было всяко сложеніе особь. и тѣх внятелных буквъ .ви.» (Ягич, с. 924). Перевод с элементами интерпретации: «В двухбуквенных последовательностях [выступают] шесть букв обобщающих, каждая же такая буква объединяет по две буквы отчетливых (т. е. диффе-

⁴¹ И. В. Ягич. Рассуждения старины о церковно-славянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895 (далее : Ягич).

⁴² Орфография цитируемых текстов не соответствует тем правилам, которые в них излагаются; поэтому мы позволили себе ее несколько упростить (в частности, сняты надстрочные знаки, ук передан через y , юс малый — через y).

ренцированных, недвусмысленных), поскольку [соответствующие] звуки отдаленно сходны и многие от неразумия произносят их одинаково. По этой причине применяется по две буквы, чтобы всякая последовательность отличалась от остальных; и тех отчетливых букв 12». Далее в тексте идет перечисление отчетливых («внятных») букв по парам; например, в сложениях с *б* это дает: *ба — бя; бе — бѣ; бо — бѡ; би — бы; бу — бю; бѣ — бѣ*.

В сущности перед нами достаточно точное описание инвентаря фонологически различных последовательностей класса «согласная + гласная» при семифонемной системе гласных. Так, *ба* = /ба/, *бя* = /б'а/; *бе* = /б'е/ или /бе/⁴³, *бѣ* = /б'ѣ/; *бо* = /бѡ/, *бѡ* = /бѡ/; *би* = /б'и/, *бы* = /би/; *бу* = /бу/, *бю* = /б'у/. Из сочетаний, возможных в живой речи, здесь недостает только /б'ѡ/; однако в средневековом книжном произношении этот тип сочетаний, по-видимому, отсутствовал или по крайней мере порицался⁴⁴. Таким образом, с точки зрения автора трактата, написание *бе* не нарушало общего принципа взаимно-однозначного соответствия между буквенными и фонемными сочетаниями. Буквосочетания *бѣ* и *бѣ* в составе словоформ, разумеется, передавали одиночные фонемы, но при учебном скандировании слогов, по-видимому, произносились как слоги с какой-то редуцированной гласной.

Большой интерес представляет свидетельство данного текста о том, что многие смешивают последовательности, входящие в одну пару. Для пар типа *ба — бя, бу — бю, би — бы*, вероятно, имеются в виду случаи смешения твердых и мягких согласных, определяемые различными белорусскими, украинскими и диалектными великорусскими процессами. В парах же *бе — бѣ* и *бо — бѡ* речь идет о смешении гласных, ставшем впоследствии литературной нормой.

В грамматических сочинениях неоднократно встречаются попытки словесно описать «глась» (т. е. звуки), передаваемые буквами. Приведем некоторые из таких определений, свидетельствующие о том, что по крайней мере в части случаев перед нами не чисто условные ярлыки, а именно попытки передать впечатление от звучания или от артикуляции: «иже оузокъ гласъ обдержит, еры широкъ и плоскъ» (с. 655), *у* — «пространенъ», *ю* — «тѣсенъ» (с. 664), *е* — «скуденъ», *ѣ* — «доволенъ» (с. 663) или «гибокъ» (с. 655). Допустимо предположить, что «скуденъ» передает впечатление краткости, «доволенъ» — большей длительности, «гибокъ» — дифтонгичности. Интересно отметить также постоянную формулу «юсь гугнивъ» (с. 636, 655, 696, 920).

В ряду этих определений звук, передаваемый буквой *ѡ*, регулярно получает эпитет «логовать», иногда «гладокъ и логовать» (с. 636, 640, 655, 658, 663, 696, 920, 925). С другой стороны, для *о* находим эпитет «остръ» (с. 655, 663), однако также «высокъ» (с. 920); говорится также, что *о* «глаголется грубо» (с. 646, 647). Слово «логовать», по-видимому, значит «ложбинчатый, вогнутый»⁴⁵. Можно предполагать, что этим эпитетом пе-

⁴³ В зависимости от того, смягчались ли вообще в соответствующем типе произношения согласные перед /е/; см. Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968, с. 29 и далее. С точки зрения различительных возможностей системы это несущественно, коль скоро /е/ не совпало с /ѣ/.

⁴⁴ Об отрицательной оценке таких сочетаний даже в XVIII в. см. Б. А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975, с. 209—211.

⁴⁵ Так, в «Подлиннике о книжном переплете» конца XVII в. противопоставлены слова *погорбатѣ* и *пологоватѣ* в значении «более выпукло» и «более вогнуто», см. П. Симонович. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. СПб., 1903, с. 11. Ср. также у Даля: *логоватое место* — низменное, впадистое, завалистое, впалое.

редано впечатление от дифтонгического звука, ср. выше эпитет «гибокъ» для *б*. Эпитеты «остръ» и «грубъ», напротив, могут передавать впечатление от монофтонга, начинающегося резко, без *y*-образного приступа.

Некоторые средневековые правила явно относятся к графико-орфографической системе того типа, который представлен в Травнике: в начале слова и слога из букв *o* и *ω* возможно только *ω* (принцип 2), а в прочих случаях *ω* передает /*δ*/, а *o* — /*ɔ*/ (фонемный принцип). Следует учитывать, что в говорах, где начальное /*δ*/ дало /*vδ*/ (а таких говоров было большинство), в начальной позиции из фонем «типа *o*» было возможно только /*ɔ*/, т. е. в начале слова буква *ω* фактически передавала /*ɔ*/. Именно такой ситуации соответствует правило: «... писмя *ω* двоегласно, в началѣх реченіи просто, а в словѣх логовато» (Ягич, с. 925, ср. также с. 640 и 658), т. е. «буква *ω* выражает два разных звука, в начале слова [произносится] просто, а в слогах (т. е. после согласной) — вогнуто».

Весьма показательны также следующее место: «Русіа ради ѣть, а *ωт* греческих писменъ *ω*. а глаголется ради Русіа в складѣ логовато. а сіе ради Поляцъ *Ж*, а глѣтся гугниво. а сіе ради Болгарь и Русіа и Поляцъ б ж з ч ш. а сіе ради всѣх Словлянъ ц ъ ы ь е ю я» (Ягич, с. 636, почти буквально тот же текст — с. 696). Автор утверждает, таким образом, что буквы *ѣ* и *ω* входят в состав славянского алфавита из-за того, что они требуются русским (т. е. восточным славянам); в этом естественно усматривать косвенное указание на особые фонемы /*ѣ*/ и /*δ*/ (ср. прочие приводимые автором сведения: они либо просто правильны, либо неточны лишь в незначительных деталях).

В целом приведенные выдержки не оставляют сомнений в том, что средневековые русские грамматисты ясно осознавали различие между /*δ*/ и /*ɔ*/ и рассматривали (по крайней мере, в части школ) букву *ω* как средство передачи /*δ*/. Справедливости ради следует, впрочем, признать, что приведенные выдержки приобретают теперь столь ясный смысл и надежность именно потому, что соответствующие факты фонологии и графики установлены и помимо этих свидетельств (в противном случае едва ли можно было бы пойти на их основании дальше предположений).

В. И. ВОРОНКОВ

ПСЛ-«ВЫЗВОЛЕНЕ» В БОРЬБЕ ЗА АГРАРНУЮ
РЕФОРМУ (НОЯБРЬ 1918 — ИЮНЬ 1919 г.)

В 1915 г. в результате объединения трех политических организаций людовцев¹: Крестьянского союза (Związek Chłopski), Крестьянской партии (Stronnictwo Ludowe), Союза польского крестьянства (Związek Ludu Polskiego), действовавших на территории Королевства Польского, возникло ПСЛ². В 1918 г. ПСЛ приняло название ПСЛ-«Вызволене». В своей деятельности оно ориентировалось преимущественно на среднее крестьянство. На формирование его программы оказывали влияние традиционные связи этой партии с ППС и лагерем Пилсудского.

ПСЛ-«Вызволене» на выборах в сейм 26 января 1919 г. получило 59 мандатов, став крупнейшей (не считая объединенного блока правых партий) политической группировкой в сейме. Его аграрная программа во многом совпадала с позицией крестьянства в насущном для польской деревни вопросе аграрных преобразований.

В Польше в период с 1945 по 1976 г. появилось значительное количество научных трудов, в которых дан анализ борьбы политических партий за принятие «Положений о принципах проведения аграрной реформы» в 1919 г.³ Однако позиция ПСЛ-«Вызволене» представлена в этих работах лишь в общих чертах, наряду с аграрными постулатами других партий. Никто из авторов не ставил перед собой задачу выяснить эволюцию аграрной программы ПСЛ-«Вызволене» под влиянием революционного подъема, охватившего польскую деревню, и в связи с ожесточенным сопротивлением правых партий всяким попыткам людовцев ущемить экономические интересы помещиков. Еще менее исследована эта тема в советской историографии. О позиции ПСЛ-«Вызволене» крайне скупо упоминается в III томе «Истории Польши» и статье А. А. Титовой⁴.

В данной статье делается попытка рассмотреть позицию ПСЛ-«Вызволене» по аграрному вопросу в 1918—1919 гг.

¹ Людовским движением принято считать организованное политическое движение польского крестьянства.

² ПСЛ (Polskie Stronnictwo Ludowe) — Польская крестьянская партия.

³ T. R e k. Ruch ludowy w Polsce, t. II. Warszawa, 1947; Cz. M a d a j c z y k. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918—1939). Warszawa, 1956; St. I g n a r. Kwestia rolna w Polsce kapitalistycznej. Warszawa, 1952; W. S t a n k i e w i c z. Sprawa reformy rolnej w Sejmie Ustawodawczym RP w 1919. «Roczniki dziejów ruchu ludowego», 1961, № 3, s. 50—71; е р о ж е. Konflikty społeczne na wsi polskiej (1918—1920). Warszawa, 1963; J. M o l e n d a. PSL w Królestwie Polskim. 1915—1918. Warszawa, 1967; «Zarys historii polskiego ruchu ludowego», t. II. Warszawa, 1970.

⁴ «История Польши», т. III. М., 1958; А. А. Т и т о в а. «Позиция польских политических партий в сейме по вопросу об аграрной реформе (ноябрь 1922 — май 1923 г.)». В сб. Проблемы всеобщей истории. М., 1976, с. 235—260.

Социально-экономическая структура Королевства Польского характеризовалась значительным числом середняцких хозяйств (до 40% от общего числа крестьянских хозяйств) и кулацких (около 15%)⁵. В польских землях, бывших в составе Пруссии, кулацкие хозяйства составляли около 30% общего числа хозяйств, 45% — капиталистические фольварки. Наиболее отсталой в социально-экономическом развитии была малопольская деревня (польские земли, бывшие в составе Австро-Венгрии)⁶.

Развитие капиталистических отношений в деревне крайне замедлялось наличием феодальных пережитков: сохранением крупного помещичьего, церковного и государственного землевладения, наличием сервитутов и общинных земель и даже некоторых видов обработок⁷, а также чересполосицей. В руках помещиков, государства и церкви находилось свыше 50% земельных угодий страны⁸.

В результате в польской деревне были постоянно земельный голод и 2 млн человек так называемого избыточного населения. Карликовые и малоземельные крестьянские хозяйства (менее 5 га) составляли 64,7% всего количества хозяйств и располагали только 14,8% от всех земельных площадей⁹.

Перераспределение земли, наделение ею безземельных, устранение феодальных пережитков являлись острой экономической и социальной необходимостью. Эти проблемы в первую очередь должна была решить аграрная реформа. Важной ее задачей стала бы и унификация экономического уровня различных областей страны.

Аграрная программа ПСЛ была принята на I съезде партии в 1916 г. «Для развития нации,— гласил ее первый пункт,—справедливее и выгоднее всего будет, если земля, которую земледелец обрабатывает собственными руками, которую он любит и к которой сильно привязан,—окажется в его руках». Далее в ней говорилось, что ПСЛ будет стремиться к тому, чтобы как можно большее число крестьян имели самостоятельное полнонадельное хозяйство. Предусматривалась парцелляция земли, принадлежавшей царской семье, части майоратов, части государственных земель и частных земель, которые владельцы продадут мелким земледельцам. С целью предотвращения спекуляции землей планировалось создание государственного парцелляционного банка. В программе также указывалось, что «ПСЛ считает справедливым ликвидацию ординаций»¹⁰.

Таким образом, в этой программе не ставился вопрос, на каких условиях упомянутые земли будут передаваться крестьянам; не говорилось об очередности наделения крестьян землей; не была затронута проблема церковных земель, оставался открытым вопрос о помещичьем землевладении. При этом, однако, ПСЛ связывало восстановление независимости Польши с важными социально-экономическими преобразованиями, что свидетельствовало о росте политического самосознания крестьянских масс.

1—2 октября 1918 г. в Варшаве проходил съезд ПСЛ-«Вызволене», в котором участвовало 1000 делегатов. Съезд принял Дополнения к аг-

⁵ M. Mieszczankowski. *Struktura agrarna Polski międzywojennej*. Warszawa, 1960, s. 67.

⁶ *Ibid.*, s. 20.

⁷ На их наличие указывает, например, W. Stankiewicz. *Ruch ludowy w Polsce w latach 1918—1923*. Warszawa, 1960, s. 418.

⁸ M. Mieszczankowski. *Ibid.*, s. 21; W. Stankiewicz. *Konflikty społeczne...*, s. 21.

⁹ Cz. Małajczyk. *Ibid.*, s. 84.

¹⁰ «Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego», t. I. Warszawa, 1966, s. 422—425.

рарной программе. В них говорилось, что «необходимо передать землю тем, кто ее обрабатывает»¹¹. В связи с этим выдвигалось требование в законодательном порядке провести выкуп у владельцев крупной и средней земельной собственности по ценам, установленным государством. Из образованного таким образом земельного фонда должны были создаваться хозяйства, не превышающие 20 моргов, которые затем передавались бы в собственность сельскохозяйственным рабочим, безземельным и малоземельным крестьянам. Земли эти должны были выкупаться у государства на основе долгосрочного кредита. Предусматривалась возможность увеличения существующих хозяйств до 40 моргов, причем их владельцы были обязаны сразу заплатить за всю приобретаемую землю. В Дополнениях устанавливалась следующая очередность парцелляции земель: государственные, майораты, часть церковных, запущенные и плохо обрабатываемые фольварки до размеров, позволяющих вести интенсивное хозяйство¹².

Выдвигая такие требования, ПСЛ-«Вызволене» пыталось ослабить революционное брожение и привлечь на свою сторону среднее крестьянство.

В результате победы Великой Октябрьской революции в России, революций в Австро-Венгрии и Германии и борьбы польского народа за национальное освобождение в ноябре 1918 г. Польша стала независимой. Польское правительство, в состав которого вошли представители ППС и людовцев (кроме ПСЛ-«Пяст»), возглавляемое И. Дашиньским, в своем манифесте заявило, что аграрный вопрос должен быть решен учредительным сеймом, и выдвинуло следующие принципы аграрной реформы: 1) «Майораты (ординации) и донации должны перейти в собственности государства; 2) все леса как частные, так и находящиеся в собственности учреждений, должны стать государственной собственностью; 3) крупная и средняя земельная собственность должна быть экспроприрована и передана в руки трудящихся»¹³.

Авторами аграрной программы люблинского правительства были представители ПСЛ-«Вызволене» и ППС. Последние оказали сильное влияние на людовцев, благодаря чему ПСЛ-«Вызволене» признало в данном документе требование национализации ряда земель. Революционный подъем масс способствовал радикализации взглядов руководства ПСЛ-«Вызволене». В отличие от Дополнений к программе ПСЛ-«Вызволене» в манифесте ничего не говорилось о вознаграждении помещиков за отчуждаемую землю¹⁴.

Революционное движение в стране нарастало. Во многих городах и селах возникли Советы рабочих депутатов и фольварочных работников, требовавших коренных социальных преобразований. Пришедшее к власти правительство И. Падеревского назначило общепольские выборы в учредительный сейм на 26 января 1919 г. Большинство крестьянства связывало свои надежды с выборами в сейм, полагая, что он справедливо решит аграрную проблему. Такого рода иллюзии поддерживались буржуазными и мелкобуржуазными партиями.

ПСЛ-«Вызволене», наряду с другими людовскими партиями, приняло активное участие в предвыборной кампании. Оно выдвинуло лозунги демократической конституции и радикальной аграрной реформы. М. Ратай в «Мемуарах» писал: «Единственным вопросом, который интересовал крестьянских избирателей, была проблема аграрной реформы, причем ни в какой-то сконкретизированной форме, а лишь как „земля

¹¹ Ibid., s. 487.

¹² Ibid., s. 487—488.

¹³ W. W i t o s. *Moje wspomnienia*, t. II. Paryż, 1964, s. 28.

¹⁴ «Materialy...», s. 487.

тем, кто ее обрабатывает". Этого было достаточно! Об остальном кандидату не было необходимости думать и высказываться, так как его ни о чем, кроме этого, не спрашивали¹⁵. ПСЛ-«Вызволене» в качестве избирательной платформы приняло манифест люблинского правительства¹⁶.

Выборы показали определенную популярность лозунгов крестьянских партий. ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-левица (схожая программа в период выборов) получили около 1 млн голосов, ПСЛ-«Пяст» — 432 тыс. ПСЛ-«Вызволене» получило 59 депутатских мандатов в Учредительном сейме, а всего людовцы имели 112; ППС, поддержавшая аграрную программу людовцев, — 42 мандата. Правые буржуазные партии и партии центра были представлены 146 депутатами. 6 апреля 1919 г., в самый разгар дискуссии по аграрному вопросу, в состав сейма включилось 113 депутатов от Западной Галиции, Познаньщины и Поморья, где выборы были проведены 1 апреля. Среди них людовцев было всего двое.

Выборы в Учредительный сейм завершили определенный этап борьбы ПСЛ-«Вызволене» и других людовских партий за аграрные преобразования в деревне. Вследствие их соглашательской политики и отказа от революционной борьбы решение аграрного вопроса перешло к буржуазному парламенту. При преобладании в сейме правых нельзя было надеяться на проведение радикальной аграрной реформы. Политика же компромиссов и соглашений ПСЛ-«Вызволене» с другими партиями была сопряжена с отходом от многих ее принципов, провозглашенных в 1918 г.

Заседания сейма открылись 10 февраля 1919 г. Начальник государства Ю. Пилсудский (он оказывал очень сильное влияние на политику ПСЛ-«Вызволене» и имел многочисленных сторонников в этой партии), выступая на открытии заседаний сейма, отметил, что польская деревня требует «срочных аграрных реформ в духе прогресса и великой западной демократии»¹⁷ — т. е. в качестве образца решения аграрного вопроса сейму предлагались реформы буржуазного характера.

Для выработки проекта аграрной реформы была создана Аграрная комиссия из 27 депутатов¹⁸ (12 членов комиссии представляли в ней левые партии сейма, 15 — партии центра и правые). Комиссию возглавил В. Витос — лидер ПСЛ-«Пяст», его заместителем был Б. Столярский из ПСЛ-«Вызволене». Сосредоточение руководящих постов в руках людовцев несколько уравнивало явно правый крен Аграрной комиссии.

Печать ПСЛ-«Вызволене» активно включилась в борьбу за поддержку аграрных постулатов партии, с целью оказать давление на работу комиссии. Газета «Вызволене» опубликовала цикл статей, посвященных аграрным реформам в Чехословакии, Румынии, Германии. «Вызволене» особенно подчеркивало необходимость установления максимального размера земельного владения, принудительной экспроприации части помещичьей земли и продажи ее крестьянам, безвозмездного отчуждения земель в ряде случаев (например, необрабатываемых земель, купленных во время войны по низким ценам и т. п.)¹⁹.

23—24 февраля 1919 г. в Варшаве состоялся съезд ПСЛ-«Вызволене». Он принял решение о необходимости парцелляции крупной земельной собственности, в том числе и помещичьей. Съезд потребовал, чтобы

¹⁵ M. R a t a j. Pamiętniki. Warszawa, 1956, s. 30.

¹⁶ «Pisma ulotne stronnictw ludowych». Warszawa, 1971, s. 78.

¹⁷ «Archiwum Zakładu historii ruchu ludowego przy NKZSL w Warszawie» (AZHRL). P—32; A. B o g u s ł a w s k i. Wspomnienia (1919—1923). Maszynopis, t. III, s. 3.

¹⁸ В состав Аграрной комиссии вошли следующие депутаты от ПСЛ-«Вызволене»: Б. Столярский, Т. Курчак, ксенз Е. Оконь, Я. Смола, А. Валерон.

¹⁹ «Wyzwolenie», 1919, № 17, 18, 19.

министерство сельского хозяйства и государственных имуществ занялось сбором данных о состоянии помещичьих хозяйств, причем в особый список должны были быть внесены все земельные владения, превышающие 100 моргов (свыше 50 га)²⁰. В соответствии с решениями съезда клуб ПСЛ-«Вызволене» внес на рассмотрение сейма предложения о создании повятовых комиссий для определения состояния хозяйств²¹ и центрального колонизационного учреждения по выкупу и продаже земель²². Сейм принял эти предложения. Повятовые комиссии были созданы позднее, лишь в конце 1919 г., когда революционная волна уже спала.

В начале марта клуб ПСЛ-«Вызволене» представил на рассмотрение Аграрной комиссии законопроект аграрной реформы. В нем предусматривалось предоставление земли безземельным, малоземельным и средним крестьянам для создания «сильных и здоровых производительных середняцких хозяйств» посредством парцелляции и продажи по низким ценам помещичьей земли. Государство должно было предоставить крестьянам дешевый кредит. Частные леса подлежали передаче государству²³.

Проведение аграрной реформы должно было, по мнению людовцев, укрепить положение крестьянства как в экономической (перераспределение земельной собственности в пользу крестьян), так и в политической жизни.

Деревня стала бы однородной массой «здоровых хозяйств» различной величины и типа в зависимости от географических и экономических условий. Возникающие хозяйства будут отвечать двум принципам — экономической независимости и хозяйственной специализации. Земля должна была быть принудительно конфискована у помещиков за выкуп, размер которого устанавливался бы после исследований, проводимых для каждого района страны. Нижняя граница максимума (60 моргов) относилась к территории с высокой плотностью сельского населения, верхняя (300 моргов) — для слабонаселенных районов. Возможны были и другие размеры в данных границах²⁴.

Основой производственных отношений в сельском хозяйстве являлись отношения частной собственности, что соответствовало взглядам крестьянства. Постоянный «земельный голод» среди крестьян и существование рядом огромных низкопродуктивных латифундий создавали у них иллюзию того, что в результате осуществления требований крестьянских партий, сельское хозяйство получит стимул к убыстренному развитию, а крестьянство — возможность разбогатеть. Принцип же сохранения

²⁰ Ibid., № 9, s. 128.

²¹ Законопроект Б. Столярского. Проект мотивировался следующим образом: «Необходимость немедленного и быстрого проведения аграрной реформы в Польше обусловлена как экономическим положением: а) ущербом, нанесенным войной, и упадком крупных помещичьих хозяйств; б) скоплением в деревне огромного количества „лишних“ рабочих рук и, нередко, свободного капитала; так и политической ситуацией, требующей создания опоры государства в народе, который является защитником Отчизны. Надо привлечь к участию над выработкой проекта реформы общественные организации, особенно органы местного самоуправления, деятельность которых непосредственно связана с народными массами». «Gazeta Rolnicza», 1919, № 12, s. 225.

²² Законопроект Т. Курчака. В нем, в частности, говорилось: «Для этой цели (проведения реформы.— В. В.) должен быть создан при министерстве сельского хозяйства специальный орган с большим техническим и финансовым аппаратом. Этот орган, имея в распоряжении большой земельный фонд, мог бы проводить парцеллирование по низким ценам и, таким образом, оказал бы непосредственное влияние на снижение спекулятивных цен на землю, показывая пример образцовой соседской колонизации и парцелляции. Этот орган был бы переходным звеном к большому государственному институту, который впоследствии проводил бы принудительный и добровольный выкуп крупной земельной собственности на цели парцелляции». Ibid., № 17, s. 226.

²³ «Wyzwolenie», 1919, № 17, s. 226.

²⁴ SSSURP, 1919, 44 posiedzenie, t. 39.

частной собственности вступал в противоречие с принципом государственной принудительной парцелляции и ограничения размеров землевладения, за что людовцы не без основания критиковались и справа и слева²⁵.

Полагая, что земельная реформа должна удовлетворить интересы всего крестьянства, людовцы предлагали принцип денежной компенсации за землю, что практически лишало беднейшие слои крестьян возможности покупки земли. Вместе с тем они соглашались на сохранение класса-антагониста — помещиков. В конечном итоге законопроект ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст» отражал в первую очередь интересы богатых слоев крестьянства, стремившихся к компромиссу с помещиками ради выгод для себя. При этом не учитывались интересы бедняков, оставалась нерешенной проблема земельного голода и избытка рабочих рук в деревне. На практике эта программа могла означать лишь некоторое ускорение развития капитализма в деревне. Переход земли в руки крестьянства рассматривался людовцами как гарантия независимости Польши. «С точки зрения национальной... земля надежно гарантирована только в руках крестьянина, в руках народа, ибо только народ может ее удержать и защитить»²⁶.

Изучение деятельности Аграрной комиссии Учредительного сейма осложняется тем, что архив его был уничтожен во время второй мировой войны. О напряженной дискуссии, развернувшейся в сейме, свидетельствуют газетные материалы. Оставшись в меньшинстве в условиях, когда правые партии противились каким-либо существенным преобразованиям в деревне, людовские партии по главным вопросам аграрной реформы выступили единым фронтом. Их поддержала ППС.

Аграрная комиссия начала работу над представленными ей законопроектными 19 марта 1919 г. Заседания ее носили временами весьма бурный характер и продолжались два месяца.

Первый принципиальный спор между правыми и левыми возник по поводу того, какой документ будет принят сеймом: имеющий силу закона или лишь определяющий «Положения о проведении аграрной реформы» ПСЛ-«Вызволене» и другие крестьянские партии высказывались за придание будущему документу силы закона. Однако сейм решил ограничиться принятием «Положений».

Наиболее драматично проходило обсуждение параграфа законопроекта о введении принудительной экспроприации. В программах людовских партий принудительная экспроприация помещичьих земель за вознаграждение при посредничестве государства считалась краеугольным камнем аграрной реформы. Правые же считали, что необходимо убедить помещиков добровольно продавать по рыночным ценам землю крестьянам. Принудительная экспроприация допускалась ими в исключительных случаях. После длительной и бурной дискуссии было проведено голосование и выяснилось, что за принудительную экспроприацию высказались социалисты и людовцы, против — Национальный рабочий союз, Зъєдночене людове и правые партии, которые имели большинство в два голоса (16 : 14). Социалисты и людовцы потребовали перерыва в заседаниях комиссии для совещания в своих клубах. Новая дискуссия оказалась безрезультатной, в связи с чем депутаты от ППС и людовцев покинули зал заседаний²⁷. После такого демарша правые (за исключением одного депутата) голосовали вместе с людовцами за.

Вопрос о максимуме земли, оставляемой помещикам после отчуждения, вызвал бурные дебаты. Крайне резко против принятия этого пункта

²⁵ «Gazeta Warszawska», 1919, № 109, s. 7.

²⁶ SSSURP, 1919, 47 posiedzenia, t. 21.

²⁷ «Robotnik», 1919, № 155, s. 1.

выступили эндеки, заявив, что в документ, который не будет иметь силы закона, не следует вносить такие определения. ПСЛ-«Вызволене» внесло предложение установить этот максимум в 60—300 моргов (около 30—150 га) в зависимости от географических условий. Это предложение было принято²⁸. И здесь людовцы, прежде всего из ПСЛ-«Вызволене», несколько отступили под давлением правых от своих первоначальных установок.

В вопросе о судьбах церковных земель людовцы тоже не проявили достаточной настойчивости — было решено, что парцелляция этих земель могла проводиться лишь с согласия Ватикана.

Затяжной была дискуссия и по вопросу о будущем лесных угодий. С большим трудом людовцы добились компромисса, предусматривавшего передачу частных лесов государству с компенсацией владельцам. ПСЛ-«Вызволене» даже не поддержало проекта ПСЛ-левицы о безвозмездной конфискации лесов. Таким образом, ПСЛ-«Вызволене» в связи с колебаниями и непоследовательностью, столь свойственными мелкобуржуазным партиям, под сильным давлением правых партий, проповедовавших лозунг классового единства польского общества, не смогло последовательно отстоять ранее провозглашенных принципов.

В целом законопроект Аграрной комиссии был далек от радикализма. В его основу были положены программы ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст», существенно скорректированные эндецией. Такая реформа по существу означала бы продолжение прусского, буржуазно-помещичьего пути развития сельского хозяйства. В условиях революционного подъема это было явным поражением людовского движения.

Заседания комиссии сыграли большую роль в консолидации двух основных партий крестьянства — ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст». Ожесточенное сопротивление правоцентристских партий в вопросе об аграрной реформе показало людовцам, что только единство действий может привести к победе. Законопроект аграрной реформы, предложенный комиссией, мог быть изменен в радикальном направлении на общем форуме сейма.

Общая дискуссия над выработкой «Положений» продолжалась более месяца — с 3 июня по 10 июля 1919 г. Надо заметить, что именно к началу общей дискуссии на заседания сейма прибыли доизбранные представители Поморья и Познаньщины, которые в подавляющем большинстве разделяли взгляды эндеции.

ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст» в обстановке сильного сопротивления правых 25 июня 1919 г. объединились в единый сеймовый клуб (Союз крестьянских депутатов) на основе законопроекта, представленного Аграрной комиссией. Поэтому в дальнейшем мы анализируем общую аграрную программу ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст». Объединение клубов ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст» стало возможным несмотря на различия в тактических принципах и политической ориентации, так как обе партии имели схожие программы реформистского характера. Они вынуждены были считаться с настроениями крестьянских масс, требовавших от людовцев объединения ради достижения главной цели — принятия закона об аграрной реформе. В «Вызволене» усиленно дискутировалось предложение покинуть сейм и перейти к решению аграрного вопроса «русским путем»²⁹. Подобные настроения были и среди молодых депутатов ПСЛ-«Пяст»³⁰. Поэтому были на время оставлены распри и объединенный клуб представлял теперь внушительную силу — 134 депутата.

²⁸ «Gazeta Rolnicza», 1919, № 23, s. 445—446.

²⁹ M. R a t a j. Ibid., s. 52.

³⁰ W. W i t o s. Ibid., t. I, s. 40.

Между тем правые силы перешли в наступление. В июне — июле 1919 г. были разгромлены Советы рабочих и фольварочных работников. Это придало уверенность правым партиям и в сейме, которые отказываются теперь от заигрывания и компромиссов с людовцами.

Принятые 10 июля 1919 г. большинством в один голос «Положения о принципах проведения аграрной реформы» не имели характера закона, а являлись рекомендацией правительству в области аграрной политики ³¹.

«Положения» состояли из 16 статей и 11 резолюций и определяли принципы будущей реформы ³².

Основой сельскохозяйственного производства должны были стать «сильные, здоровые и способные к интенсивному производству, опирающиеся на принципы частной собственности, крестьянские хозяйства разного типа и размеров». Парцелляции подлежали государственные имения, земли бывших правящих династий, бывшего Крестьянского банка и бывшей прусской Колонизационной комиссии, церковные земли после соглашения с Ватиканом, поместья, купленные во время войны в результате спекулятивных операций.

Был также принят принцип принудительного парцеллирования земли. Правительство обязывалось (§ IX) ежегодно парцеллировать 200 тыс. га, начиная с 10 июля 1919 г. Максимум оставляемой помещикам земли определялся для разных районов в размере от 60 до 180 га; на некоторых территориях на западе Польши и на ее «восточных кресах» — до 400 га. Сохранялись имения, производящие семена, а также животноводческие, рыбные и другие, переведенные на промышленную основу. Размер создаваемых крестьянских хозяйств не должен был превышать 25 моргов. В первую очередь землю могли покупать батраки парцеллируемого поместья, безземельные, солдаты и инвалиды польской армии. Им предназначалось 80% земельного фонда, созданного путем парцелляции. 20% земли шло на расширение уже существующих хозяйств. Признавалось необходимым упразднение сервитутов и запрещение частной парцелляции. Все леса, кроме гминных и крестьянских, национализировались. Для проведения аграрной реформы предусматривалось создание Главного земельного управления. Сейм призывал правительство на основе данных «Положений» в течение месяца выработать специальный закон.

Таким образом в «Положениях» был в основном учтен законопроект людовцев, в частности, ПСЛ-«Вызволене». Однако ряд существенных предложений (о максимальном размере земельных владений, о парцелляции церковных земель и некоторых категорий имений) крестьянских партий не был принят. Характерно, что сейм единогласно одобрил следующее предложение министра сельского хозяйства эндека Яницкого: «Лица, самовольно захватывающие чужую землю, будут лишены права пользования „Положениями“» ³³.

Людовцы оценили принятие «Положений» как победу. Газеты «Piast» и «Вызволене» пестрели заголовками «об историческом значении» победы людовцев, обещаниями проведения реформы в течение нескольких лет, самое большее в течение десяти.

«Исчезнут огромные латифундии, от которых весь доход шел лишь одному человеку или одной семье. Вся Польша покроется сетью новых, образцовых крестьянских хозяйств» ³⁴. «183 — за! 182 — нет! Это убе-

³¹ W. Stankiewicz. Sprawa reformy..., s. 60.

³² Полный текст положений приводится в следующей работе: T. Rzepiecki. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej w 1919. Poznań, 1920, s. 49—53.

³³ T. Rzepiecki. Ibid., s. 52.

³⁴ «Piast», 1919, № 29, s. 1.

дило нас, что народ всегда и везде может отстоять свои требования»³⁵. И как предупреждение чрезмерному восторгу людовцев звучал голос органа ППС — газеты «Роботник»: «Принятие принципов проведения аграрной реформы в сейме, это еще не реформа, а всего лишь декларация»³⁶.

Дискуссия в сейме по аграрному вопросу имела для ПСЛ-«Вызволене» далеко идущие последствия. Не выдержав проверки временем в декабре 1919 г. распался объединенный сеймовый клуб людовцев. Часть депутатов ПСЛ-«Вызволене», стоящих на правом крыле, осталась в составе клуба «Пяст». Это было началом окончательного размежевания политики ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст». Последнее стало стремиться к блоку с эндэцией, а ПСЛ-«Вызволене» продолжало в той или иной мере отстаивать интересы средних и беднейших слоев деревни.

Борьба ПСЛ-«Вызволене» в 1918—1919 гг. за аграрную реформу убедительно подтвердила положение марксизма-ленинизма, что не существует третьей, мелкобуржуазной, справедливой для всего крестьянства перспективы решения экономических противоречий в деревне. «Положения» 1919 г. в конечном итоге были выгодны помещикам и богатому крестьянству, которые отнюдь не составляли большинства польской деревни.

³⁵ «Wyzwolenie», 1919, № 29, s. 361.

³⁶ «Robotnik», 1919, № 199, s. 1.

В. Е. ГУСЕВ

РУКОПИСНЫЕ ЗАМЕТКИ П. ШАФАРИКА НА ПЕРВЫХ НОМЕРАХ «СЕРБСКОГО ЛЕТОПИСА»

В процессе формирования национальной культуры сербского народа важную роль сыграли Матица сербская и ее «Летопис».

Ныне Матица сербская, как определено в ее уставе, — «научное, литературное и культурное общество», она состоит из нескольких отделений, имеет богатую библиотеку (насчитывающую свыше 450 тыс. названий), художественную галерею и собственное издательство, которое выпускает в свет художественную и научную литературу, несколько отраслевых и информативных сборников¹. Основным печатным органом ее остается «Летопис» — старейший журнал в Югославии и одно из старейших среди непрекращающихся периодических изданий в мире. Сама Матица сербская своим основанием обязана этому журналу, равно как журнал своим существованием — Матице.

Издание «Летописа» было задумано учителем красноречия в Новосадской гимназии Джордже Магарашевичем совместно с начинавшим тогда свою научную деятельность Павлом Шафариком (служившим в те годы директором этой гимназии); их замысел был поддержан Лукианом Мушицким². Издание предполагалось осуществить в виде ежегодника по образцу немецкого «Wiener Jahrbücher der Literatur»³. Подготовка ежегодника велась с первой половины 1823 г., и было решено издавать его отдельными выпусками — четыре в год. Поэтому ежегодник первоначально получил название «Сербске летописи», а каждая часть — «Сербска летопись»⁴. Первая часть была готова весной 1824 г. (цензурное разрешение — 12 мая), но с самого начала своего существования журнал встретился с серьезными трудностями: на первую часть, напечатанную в сентябре, был наложен запрет (о чем скажем ниже), и она поступила в продажу лишь в мае 1825 г., почти одновременно со второй частью. Новосадский книгоиздатель К. Каулице, опасаясь убытков, задержал печатание третьей части, а затем и вовсе отказал Магарашевичу в дальнейшем субсидировании журнала. Тогда-то, по инициативе юриста и поэта Йована Хаджича (Милоша Светича), 16 февраля 1826 г. в Пеште и была основана Матица сербская — первоначально как издательское предприятие (фонд), поддерживаемое добровольными взносами патриотически на-

¹ «Рад Матице српске», бр. I. Нови Сад, 1971.

² Ж. Милисавач. Матица српска. Нови Сад, 1965, с. 27—35; Ж. Младенович. Вук Караџић и Матица српска. Београд, 1965, с. 9—11.

³ Ст. Јосифовић. Промене у називу Летописа. «Летопис Матице српске», књ. 365, 1950, с. 212.

⁴ Позднее женский род слова, как не свойственный сербскому языку, был заменен на мужской: «Сербски летопис» (ч. 3 и след.).

строенных сербских меценатов. Так «Сербски летопис» был спасен; на обложке четвертой части (первой за 1826 г.) появилась ссылка, что журнал издается на средства нового общества «Трошком и трудом Матице србске у Пешти»), а затем он получил название «Летописа Матици сербской».

В первые годы своего существования «Сербски летопис» был журналом широкого культурологического профиля: там публиковались оригинальные произведения и переводы сербских писателей, историко-литературные и библиографические очерки, статьи и заметки по истории, религии, языку, этнографии и фольклору не только сербского, но и других славянских народов.

В фондах ленинградской Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина хранятся две первые части «Сербского летописа» с рукописными заметками на чешском языке⁵. Эти заметки представляют для славистов и историков журналистики большой интерес, поскольку принадлежат перу П. Шафарика — одного из инициаторов издания и ближайшего сотрудника его первого редактора.

Заметки П. Шафарика комментируют причину задержки выхода в свет первой части «Летописа», раскрывают авторство опубликованных в журнале произведений, указывают на источники некоторых материалов.

Хотя, как сказано выше, издание с самого начала задумывалось как ежегодник, однако на титульном листе первой части появилось название «*Serbische Monatsschrift*», что могло дать повод думать, будто его инициаторы предполагали придать своему изданию характер ежемесячного журнала. Рукописная поправка и заметка Шафарика устраняют сомнения на этот счет: он зачеркнул приведенное название и исправил его на «*Serbisches Jahrbuch*», указав здесь же источник недоразумения: «NB. Přeloženj P. Censora Budjnského» («Перевод г. Будимского цензора»).

Особый интерес представляет пространная запись Шафарика на обороте заглавного листа «Месяцеслова» на 1825 г. Как известно, именно этот «Месяцеслов», или «Календарь», и послужил причиной задержки выхода в свет первой части «Летописа», и едва не поставил под угрозу судьбу всего издания. Поскольку наименования праздников в «Календаре» были приведены не по церковному канону, а в народном произношении, митрополит Стефан Стратимирович через Новосадского епископа Гедеона Петровича потребовал от магистрата Нового Сада наложить запрет на издание⁶.

Заметка Шафарика так излагает этот эпизод: «Poznam. Na tento kalendář geho Exell. Arcibiskup a metropolita Karlowický Steph[an] Stratimirovič z Kulpjna, hned po wygitj skrze zdegšj magistrát sequestrum preložiti dal, že prý gmena Swatých *posrbena*, gako kdyby prý Němci psali d[as] h[eisst] Hansi mjsto Johann, da[s] h[eisst] Seph mjsto Goseph etc. etc. Ale mistodřjčj Rada Královská Budjnská zdegšjmu magistrátu proto hodnou Kapitolu wyčjtala, sequestrum i hned wyzdwihla, a letopis swobodne i s kalendářem prodawati rozkázala. Chudás Wydawatel ač newinen padnul w nemilost u Arcibiskupa».

⁵ «Сербске летописи за год 1825. Перва частица... у Будиму, 1824; Сербске летописи за год 1825. Друга частица... У Будиму, 1825». Шифр: С. 45.5.1/1; С. 45.5.1/2.

⁶ См. письмо Г. Магарашевича В. Караджичу от 5 декабря 1824 г. «Вукова переписка», кн. II. Београд, 1908, с. 504; А. И в и њ. Архивска грађа о српским књижевним и културним радницама 1740—1840, кн. I. Београд—Суботица, 1926, с. 173—174. Характерно, что отрицательно относясь к реформе Вука Караджича, Стратимирович позже попытался запретить под тем же предлогом и «Даницу» Караджича, где последний также поместил «Календарь» с «народными именами» святых (см. Ж. М л а д е н о в и њ. Там же, с. 15).

«Замечание. На этот Календарь его превосходительство архиепископ и митрополит Карловацкий Стефан Стратимирович из Кулпина тотчас по выходе [„Летописа“] наложил секвестр через местный (Новосадский. — В. Г.) магистрат за то, что, дескать, имена святых *посерблены*, как если бы, мол, немцы писали „святой Ганс“ вместо Иоганн, „святой Сеф“ вместо Иозеф и т. д. и т. д. Но Наместнический королевский совет в Буде за это главу местного (Новосадского. — В. Г.) магистрата упрекнул, сразу же секвестр отменил, а Летопис с календарем свободно продавать приказал. Бедняга-издатель (Магарашевич. — В. Г.), хоть и невинен, впал у архиепископа в немилость»⁷.

Эта заметка не только подтверждает причину конфликта между редактором «Летописа» и церковными властями, но и указывает на его серьезность. И хотя решение светских властей приостановило вмешательство митрополита в судьбу «Летописа», однако зависимое положение Магарашевича и то обстоятельство, что он «впал в немилость», во многом объясняют отступления, компромиссы и осторожность редактора в последующей его деятельности⁸.

Статьи, художественные произведения и переводы, помещенные в первых частях «Летописа», не подписывались или подписывались инициалами. П. Шафарик последовательно, почти под каждым названием, указывает автора. Так, он атрибутирует статьи, принадлежащие Г. Магарашевичу подписью «Wydawatel» («Издатель»). Одну из таких статей — «Черногорцы» — он сопровождает примечанием в скобках, под заглавием «Prelož[enie] z Vialla de Sommieres od Wydawatele»⁹, тем самым указывая на источник статьи — записки французского офицера Виала де Сомьера, автора книги «Историческое и политическое путешествие в Черногорию» (Париж, 1820).

П. Шафарик отмечает принадлежность ряда стихотворных произведений Л. Мушицкому, а также Й. Хаджичу, дважды сопровождая последнее имя примечанием: «Synowec zdešjho biskupa, gurista» («Племянник местного епископа, юрист») ¹⁰. Он указывает также авторов ряда переводов — учителей Новосадской гимназии Джордже Джорджевича и Анастаса Теодоровича ¹¹.

Раздел «Цвет сербского княжества» во второй части «Летописа» Шафарик сопровождает подзаголовком: «Zlomky z tištěných knih» («Отрывки из печатных книг») ¹².

В первой части «Летописа» впервые были опубликованы на сербско-хорватском языке статьи П. Шафарика, которые позже вошли во введение к его «Истории славянского языка и литератур на всех наречиях», изданной на немецком языке («Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», 1826): «Поколения славянского народа у III десятины XIX вѣка» и «Характер славянского народа вообще». Тем самым идеи молодого Шафарика стали доступными сербскому читателю до появления книги. Факт этот, думается, недостаточно оценен

⁷ «Сербске летописи», частица прва, экз. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, заглавный лист «Мѣсецеслов за лѣто 1825» (без нумерации), оборот [далее — СЛ (арабская цифра обозначает часть)]. Воспроизвожу запись, сохраняя все особенности орфографии подлинника (g-j, j-i, w-v).

⁸ О позиции Г. Магарашевича в спорах о реформе правописания и об эволюции орфографии в «Летописе» см. Ж. М л а д е ц о в и њ. Там же.

⁹ СЛ, ч. 2, с. 18.

¹⁰ Там же, ч. 1, с. 121; ч. 2, с. 69.

¹¹ Там же, ч. 1, с. 119; ч. 2, с. 51, 53, 56.

¹² Там же, ч. 2, с. 121.

в истории славяноведения¹³. Кроме того, в первой части опубликована статья Шафарика «Средства на напредак литературе славенске», в третьей части — статья «Славенска литература (польска)» и заметка о «Славянских народных песнях» Ф. Челаковского, а в восьмой — заметка о смерти М. Катанчича.

Свои собственные сочинения Шафарик, в отличие от всех остальных материалов, скромно помечает лишь инициалами: P. G. Š. (здесь, как и в других случаях, Шафарик пользуется буквой G как J.). В некоторых случаях он вносит в текст опубликованных статей поправки. Так, к статистической таблице в статье «Поколения славянского народа...» Шафарик делает важное примечание, предупреждающее читателя о необходимости критического отношения к опубликованным сведениям о численности разных славянских народов в первой трети XIX в.: «Poznam. Na tyto ročty se nenj so spolehati; i w tisku se hybu wklúzly»¹⁴. («Замечание. На эти цифры не полагаться; и в наборе вкрались ошибки»). В тексте своей статьи «Характер славянского народа вообще» во фразе: «...обрание лишене, Славене у одну гомилу скупили и сатерали» Шафарик исправляет слово «едну» на «вашу»¹⁵.

Приведенные заметки П. Шафарика не датированы. Возможно, они появились вскоре после выхода в свет первых частей «Летописа»¹⁶. По характеру заметок можно заключить, что они делались не для себя, а для какого-то читателя, не связанного с новосадским окружением Шафарика, либо для предполагаемого будущего читателя «Летописа». Вероятно, желание кого-то посвятить в обстоятельства издания «Летописа» и познакомить с кругом его сотрудников побудило Шафарика послать комментируемые экземпляры «Сербского летописа» одному из своих русских корреспондентов. Ими могли быть П. И. Кепшен или несколько позже — О. М. Бодянский: последнему, в частности, Шафарик подарил в Праге свою книгу «Slowanske starožitnosti» (экземпляр с дарственной надписью хранится в Ленинградской публичной библиотеке). Установить, каким образом и когда комментируемые экземпляры «Сербского летописа» попали в фонды библиотеки, не удалось¹⁷.

Заметки П. Шафарика на «Сербском летописе» проливают дополнительный свет на начальный период истории журнала, вносят новые штрихи в характеристику выдающегося словацкого ученого и его деятельности, помогают полнее представить один из важных эпизодов в истории славяноведения.

¹³ О деятельности Шафарика в годы его пребывания в г. Нови Саде см. K. J i g e š e k. Šafarik mezi Jihoslovany. Praha, 1895; С. Н. Т о м и ћ. Књижевни и научни рад П. Ј. Шафарика. «Летопис Матице српске», књ. 197, 1899, с. 8—30. Объективная характеристика ранних трудов Шафарика содержится в кн. А. С. М ы л ь н и к о в. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.—Л., 1963.

¹⁴ СЛ, ч. 1, с. 61.

¹⁵ Там же, с. 84, третья строка сверху.

¹⁶ Такое предположение высказано рецензентами моего сообщения Ж. Милисавцем и Е. П. Наумовым, которых я благодарю за ряд советов.

¹⁷ То, что эти части «Сербского летописа» поступили в Петербургскую публичную библиотеку не непосредственно от Шафарика, подтверждается и отсутствием их в перечне книг, посланных им в мае 1855 г. из Праги (Отдел рукописей, Общее собрание иностранных автографов, № 4108 — воспроизведено в кн. А. С. М ы л ь н и к о в. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист, с. 85).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУД ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

В книге о Болгарии, написанной совместно французским и болгарским историками, в сжатой форме рассказывается о прошлом и настоящем болгарского народа¹.

Книга состоит из двух частей. Первая часть, включающая пять небольших глав, представляет собой очерк истории Болгарии с древнейших времен до народного антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. В них, сочетая черты научного исследования с популярным изложением материала, авторы сумели представить французскому читателю в хронологическом порядке основные вехи истории страны: от бронзового века до основания болгарского государства в 681 г.; первое и второе болгарские государства (VII—XIV вв.); османское иго и национальное освобождение Болгарии (1388—1878); существование самостоятельного болгарского государства с 1878 г. до Нейского мирного договора 1919 г.; кризисные межвоенные годы и годы второй мировой войны (1919—1944 гг.).

Соблюдая принцип научного историзма, проф. Каstellан и проф. Тодоров последовательно рассматривают важнейшие этапы развития страны, освещают социально-экономические изменения и деятельность наиболее выдающихся представителей болгарского народа. В книге проводятся параллели и показаны связи событий в Болгарии и в других странах, в частности — Франции, что имеет немаловажное значение, если учесть интересы читателя, для которого она предназначена. Так, рассказывая о богомилском движении, авторы указывают, что оно из Болгарии распространилось не только в Боснию и Италию, но и на юг Франции, где в течение столетий участников еретических социальных движений называли «булгарами» (с. 11). В книге приводятся наблюдения, оценки и высказывания о событиях в Болгарии выдающихся представителей французского народа Огюста Бланки, Виктора Гюго и других.

Говоря о пагубных последствиях пятивекового османского владычества, авторы

подчеркивают, что к моменту захвата полуострова турками-османами балканские государства не только не уступали в своем развитии западноевропейским странам, но даже в некоторых отношениях шли впереди них. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на Балканах новые тенденции развития стали появляться еще задолго до периода итальянского Возрождения (с. 15). В книге охарактеризованы османская феодальная система, колонизаторские и ассимиляторские тенденции Порты в отношении болгарского населения, которое оказывало этому упорное сопротивление и в целом сумело сохранить свой язык, обычаи и национальность.

Характерной особенностью социальной жизни на Балканах и особенно болгарского населения в период османского ига было развитие городов. В XVI в. в Болгарии насчитывалось 90 городов, в которых проживало от 8 до 10% всего населения страны (с. 17). С интересом читаются страницы, посвященные болгарскому Возрождению, таким его деятелям как Пайсий Хилендарский и Софроний Врачанский, борьбе за самостоятельную болгарскую церковь, независимую от греческой патриархии, и развитию светского образования, процессу формирования болгарской нации.

Рассматривая развитие борьбы болгарского народа против османского феодального гнета, авторы указывают, что особенно большой ее подъем наблюдался в периоды русско-турецких войн XVIII—XIX вв. При этом на стороне русских войск неизменно сражались и болгарские добровольческие отряды. Болгарские патриоты всегда проявляли свою солидарность с другими балканскими народами, поднимавшимися на борьбу с угнетателями.

В книге даны краткие, но достаточно емкие характеристики этапов развития национально-освободительного движения болгарского народа в XIX в., его идеологических течений, таких его выдающихся представителей как Георгий Раковский, Любен Каравелов, Васил Левский, Христо Ботев. Ярко отображена высшая точка этого движения — героическое Апрельское восстание 1876 г. Третья глава заканчивается описанием освобождения

¹ G. Castellán, N. Todorov. La Bulgarie. Collection «Que sais-je?» Presses Universitaires de France. Vendôme, 1976, 128 p.

Болгарии от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В первой части рецензируемого труда рассматривается также история самостоятельного болгарского государства до заключения Нейского мирного договора 1919 г. (гл. IV), а затем — вплоть до 9 сентября 1944 г. (гл. V). Обе главы содержат ряд интересных наблюдений. Показаны авантюристская внешняя политика болгарской буржуазии и монархии, не раз приводившая страну к национальным бедствиям, классовая борьба трудящихся масс, образование марксистской партии рабочего класса, превращение ее в руководящую силу общества. Прослежены основные события в Болгарии в период межвоенного двадцатилетия и второй мировой войны.

Вторая часть книги озаглавлена «Современная Болгария». Введением к ней служит небольшая глава о территории и населении страны. В развитии Болгарии после 9 сентября 1944 г. авторы выделяют два периода. Первый из них (до конца 1957 г.) характеризуется как период перехода от капитализма к социализму; второй (начиная с 1958 г.) — строительство основ развитого социалистического общества. Авторы приводят интересный материал о социалистической перестройке промышленности и индустриализации страны, о преобразованиях сельского хозяйства, о классовых сдвигах и общественном развитии Народной Республики Болгарии, рассматривают конституцию 1971 г., государственное устройство современной Болгарии, освещают руководящую роль БКП, деятельность Земледельческого союза, Отечественного фронта, профсоюзов и других массовых организаций трудящихся. В отдельной главе, завершающей рецензируемый труд, проанализировано развитие болгарской культуры начиная с периода национального Возрождения вплоть до наших дней. Материал книги в доходчивой для широкого французского читателя форме дает объективное представление об исторических судьбах и современной действительности Народной Республики Болгарии.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, книга не свободна от недостатков. Прежде всего следует отметить неравномерность

в освещении некоторых периодов или вопросов, а в некоторых случаях — и явную недооценку важных политических факторов. Так, о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на политическую жизнь Болгарии говорится лишь мимоходом (с. 50). Некоторые главы (особенно IV и V первой части книги) носят на себе печать какого-то абстрактного объективизма, иногда обнаруживается стремление вообще избежать авторской оценки событий. Не всегда приводимые оценки бесспорны. Например, фашистские правительства Цанкова и Ляпчева (1923—1931 гг.) определяются лишь как правительства «консервативной реакции» (с. 58—59). Монархо-фашистская диктатура канула и периода второй мировой войны названа королевской диктатурой, которой фашистский характер придает только внешнеполитическая ориентация на гитлеровскую Германию (с. 63). Если вполне можно согласиться с возражениями авторов против определения положения Болгарии периода 1941—1944 гг. как оккупированной страны (в книге подчеркнуто, что она была тогда сателлитом нацистской Германии), то явно несостоятельно их утверждение, что в результате вывоза продуктов сельского хозяйства Болгарии в Германию крестьянство «обогащалось», а рабочие, занятые на производстве, обеспечивающем нужды Германии, имели высокие заработки и т. п. (с. 69). Не подчеркнута в книге такая важная черта развития социалистической Болгарии, как ее разносторонняя интеграция и кооперация с другими странами мировой системы социализма, сотрудничество в рамках СЭВ и Варшавского договора. В книге встречаются также некоторые фактические неточности (с. 63, 67, 70, 117 и др.) и повторы.

Написанная ярким языком, рецензируемая книга позволит всем, кто обратится к ней, ознакомиться с богатой, полной драматических событий и героических подвигов историей свободолюбивого болгарского народа, обретшего ныне свободу и уверенно строящего развитое социалистическое общество.

Л. Б. Валуев

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ И ПОЛЬШИ

Взаимосвязи русской и польской литератур имеют давнюю историю. К ней неоднократно обращались наши ученые в прошлом, а среди них такие крупнейшие представители отечественного литературоведения, как академики Ф. И. Бусла-

ев, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский. Материал этот по-прежнему чрезвычайно актуален, ибо с его исследованием связано выявление общего и особенного в литературных процессах двух соседних народов, выявление роли и значения этих

двух крупнейших славянских литератур как внутри, так и вне славянских регионов, наконец, и само создание общей истории славянских литератур, столь правомерно и аргументированно постулируемое академиком Д. С. Лихачевым.

В последние годы интерес к разработке литературных и общекультурных взаимосвязей значительно возрос и у нас, и в Польше, а также, что особенно следует подчеркнуть, были выработаны формы сотрудничества для осуществления совместных, комплексных исследований. О значении таких исследований свидетельствуют и совместные издания, и перспективные планы сотрудничества академических и университетских организаций СССР и ПНР.

Здесь будет представлена работа польского ученого, которая внесла значительный вклад в современную славистику.

В новейших польских исследованиях литературных, культурных и научных связей восточного славянства с их ближайшим западнославянским соседом довольно часто встречается имя Франчишека Селицкого. Сделанное им привлекает внимание не только широтой научных интересов (от Средневековья до современности), но и введением в научный обиход новых фактов (результат кропотливой работы с первоисточниками, обширных изысканий в архивах и старых книгохранилищах), что удачно сочетается с глубоким культурно-историческим, а также литературоведческим анализом выявленного материала¹. Особо следует отметить переводческую деятельность этого ученого, благодаря которой польский читатель получил возможность ознакомиться с ценнейшим памятником древнерусской письменности и одним из крупнейших свершений средневековой славянской историографии — «Повестью временных лет». Это издание, снабженное обширной историко-литературной характеристикой и солидными комментариями Селицкого, вышло в 1968 г. В 1975 г. издательство

¹ Наиболее значительные работы видного польского слависта дают представление о круге разрабатываемых им проблем: «Чехов в Польше» (1955), «Ломоносов в Польше» (1962), «Древнерусские хроники в давней Польше» (1964), «Русское летописание в польской науке и литературе XIX в.» (1964), «К рецепции русских летописей в Польше XX в.» (1964), «Польские хронисты в русском летописании и давней историографии» (1965), «Максим Горький в кругу польских проблем» (1971), «Польско-русские контакты в свете источников XIII в.» (1974), «Древнейшие польско-украинские культурные связи в свете „Киевской летописи“ и „Хроники“ Кадзубэка» (1974), «Российская Академия наук и ее связи с польской наукой» (1975).

Польской академии наук выпустило сделанный Ф. Селицким перевод «Записок путешествия боярина Бориса Петровича Шереметьева через Польшу и Австрию в Рим и на Мальту»².

Этот выбор, как и само место издания — отнюдь не случайны. Именно во Вроцлаве на основе крупнейшего в Польше хранилища древних рукописей, прессы и книг³ — Национальной Библиотеки им. Оссолинских — проводятся планомерные и систематические исследования литературы и культуры эпохи Просвещения. Именно здесь расположен филиал Института литературных исследований Польской академии наук — Сектор истории литературы Просвещения. Созданная крупным ученым, профессором Тадеушем Микульским (1909—1958), вроцлавская научная школа снискала широкую международную известность. В планомерно проводимых ею исследованиях особое внимание уделяется и межнациональным контактам. Что же касается самого выбора описания путешествия фельдмаршала Шереметьева в Польшу, Австрию, Италию и на Мальту, то этот памятник представляет несомненный интерес, в частности, с точки зрения изучения русско-польского прошлого. Ф. Селицкий сделал перевод на основе первого издания 1773 г., которое уже в начале нашего века считалось библиографической редкостью⁴. В целом перевод следует признать удачным: Ф. Селицкий сумел средствами польского языка воссоздать колорит русского памятника, сохранить его стилизованный образ, связанное как с самим характером описываемого, так и с жанрами (дипломатический документ, торжественная речь, реляция), которые являются составными частями «Записки». Публикации этого перевода предшествует обширное (составляющее две трети всей книги: с. 7—198) исследование Селицкого — «Из истории культурных контактов Московской Руси с Польшей и Западом». Возникшее в связи с работой над переводным памятником, оно в то же время как в отношении самой рассматриваемой проблематики, так и хро-

² F. Sielicki. Podróż bojaryna Borysa Szeremietiewa przez Polskę i Austrię do Rzymu oraz na Malte. 1697—1698. Z dziejów kontaktów kulturalnych Rusi Moskiewskiej z Polską i Zachodem. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, s. 343.

³ См. А. Л и п а т о в. Рукописная пресса в Польше XVIII в. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

⁴ Ср. Б и т о в т. Редкие русские книги и летучие издания XVIII в. М., 1905, стр. 334. Согласно информации Ф. Селицкого (F. Sielicki. Ibid., s. 195) в Библиотеке им. Оссолинских имеются два хорошо сохранившихся экземпляра этого издания.

нологии исследуемых явлений выходит далеко за его рамки, имея самостоятельное значение и представляя особый интерес.

Задавшись целью проанализировать характер воззрений и тип культуры, представленные одним из наиболее высокообразованных людей эпохи, каким был Б. П. Шереметьев, Ф. Селицкий рассматривает пути развития русской духовной жизни от Киевской Руси до России времен Петра. В этой связи на первый план выступают вопросы местных традиций и западноевропейских веяний, политических и культурных контактов Руси с Западом, проблема соотношения национального и инационального. На этом фоне рассматривается и история рода Шереметьевых, которые (как позволяют судить сохранившиеся документы) сталкивались с Польшей и ее культурой по крайней мере со времен Ивана Грозного. Знаменательно, что родовой герб Шереметьевых (а дворянские гербы появились в Московской Руси второй половины XVII в. под польским влиянием) содержит элементы польских гербов Гданьска, Крулеца и Эльблонга.

Жизни и деятельности петровского фельдмаршала, снискавшего широкую известность и в Европе, посвящен особый раздел. Русские исторические документы, материалы самой «Записки» восполняются западными (а в том числе — и польскими) источниками. Эти последние приносят много интереснейших сведений как собственно политического, так и общекультурного, а также бытового характера, свидетельствующих об обширных польских знакомствах Шереметьева и той симпатии, которой он пользовался в Польше. Все это рассматривается на фоне русско-польской истории и в связи с общим развитием контактов между русской и польской культурами.

В заключительном разделе исследования автор рассматривает вопросы литературоведческого характера: историю тех жанров русской письменности, с которыми связан генезис, структура и стилевой облик переведенного им памятника. В этой связи анализируется русская паломническая литература XII—XVIII вв.

(начиная от «Хождения Даниила»), памятники светские (типа «Хождения Афанасия Никитина»), отчеты дипломатических миссий, описания путешествий. Эти материалы сопоставляются с аналогичными памятниками западноевропейской и польской литературы (так, в частности, неоднократно — и весьма удачно — используются колоритнейшие воспоминания польского Симплициссима — Яна Хрызостома Паска). Такого рода сопоставление чрезвычайно интересно не только с точки зрения литературной типологии. Нередко древнерусские и польские авторы одновременно или в пределах одной и той же эпохи посещали и описывали те же самые места. Сравнение этих описаний дает ценный материал как о разных типах мировосприятия, так и пунктах их соприкосновения. Эти различия и это общее, к которому в процессе исторического развития постепенно приходят европейские народы и их культура, а в данной связи — развивающаяся в границах византийско-православного региона древнерусская культура и развивающаяся в кругу романо-германском и католическом культура древнепольская — рассматриваются Ф. Селицким тонко и убедительно. При рассмотрении памятников письменности времен Московской Руси и петровской эпохи Ф. Селицкий анализирует и их язык под углом зрения характерных для того времени польских воздействий в лексике, фразеологии, синтаксисе, фонетике⁵.

Рассмотренная здесь книга — лишь часть той обширной и весьма плодотворной работы, которую систематически и успешно ведут польские ученые. То, что они делают в ряде случаев по своему значению выходит за пределы польской науки и представляет интерес для славистики в целом.

А. В. Lunatov

⁵ Полонизмами в «Записках путешествия Шереметьева» занималась в Польше М. Пшитудецкая. См. M. Pr z y t u l e c k a. Uwagi o języku dziennika podróży Borysa Piertowicza Szeremietiewa 1697—1699 r. «Slavia Wratislaviensia», 1972, z. 3.

ПОПОЛНЕНИЕ «БОГЕМИАНЫ»

Среди советских изданий об искусстве славянских народов заметным явлением стала книга Е. К. Виноградской «Графика и проблемы чешского искусства конца XIX — начала XX в.»¹.

Работа посвящена периоду, который в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей, занимающихся искусством разных стран. Этот, несомненно, один из наиболее сложных и плодотворных периодов в развитии европейской культуры ознаменовался не только

¹ «Наука», 1975.

созданием значительных художественных ценностей в различных ее областях. В это время были заложены основы многих процессов, определивших судьбы европейского искусства в XX столетии. Говорим ли мы о генезисе социалистического искусства или о проблемах авангардизма, о синтезе искусств, столь важном для наших дней, или о становлении таких областей творчества, как плакат, промышленная графика, мы неизбежно обращаемся к наследию рубежа веков, чтобы выявить истоки данных явлений. Это определяет актуальность исследования искусства того времени, которые существенны не только в плане изучения определенного этапа в истории искусства, но и для анализа его последующего развития.

Книга Е. К. Виноградовой является первой серьезной попыткой дать обобщающую картину развития чешской графики конца XIX — начала XX в. в контексте основных явлений чешского изобразительного искусства тех лет. Выбор этого вида искусства для анализа художественной проблематики эпохи представляется вполне возможным и убедительным. Хотя культурная жизнь Чехии того времени отмечена значительными достижениями в области живописи, скульптуры, архитектуры, однако именно графика переживала на рубеже веков особый период в своей истории, когда складывались новые представления о ее месте в системе искусств, когда она утверждалась как большая, самостоятельная область творческой деятельности, осознавались ее возможности для решения ряда важнейших творческих задач, когда графика впервые вышла в число искусств, определяющих художественный облик эпохи и наиболее чутко передающих ее пульс.

Поэтому материал графики, который Е. К. Виноградова берет в широком объеме, охватывая разные ее области (рисунок, гравюру, книжную и журнальную графику, плакат), дает автору возможность для исследования основных идейно-эстетических и формально-стилистических проблем искусства рубежа веков в Чехии.

Творчество того времени рассматривается в книге как один из важных этапов в развитии чешской национальной школы, прослеживается его роль и специфика в формулировании и решении национальных задач, стоявших перед чешским искусством на протяжении многих десятилетий, подчеркивается связь с предшествующим развитием и намечаются линии, проложенные художественной мыслью и практикой рубежа веков в будущее. Тем самым освещаемые автором процессы приобретают историческую перспективу.

Анализируя проблемы чешского символизма, модерна, особенности развития на чешской почве импрессионистских

тенденций, Е. К. Виноградова стремилась показать связь этих явлений с общеевропейским художественным процессом. Это помогает понять специфику развития чешского искусства и вместе с тем дает основания для объективной оценки его вклада в европейскую культуру.

Раскрывая эстетическую значимость произведений, созданных чешскими мастерами, автор вводит их в европейский контекст, показывая общность проблем, встававших в художественном творчестве перед чешскими графиками и их зарубежными коллегами, и подчеркивая то своеобразие, что удавалось внести чешским мастерам в их решение.

Для такого освещения этих вопросов рассматриваемая в книге эпоха дает богатый материал. Ибо именно в конце XIX в. чешское изобразительное искусство вступило в тот этап своего развития, когда чешский народ, пройдя через эпоху своего национального возрождения, сумел и в художественном творчестве в полный голос заявить о своем существовании. Анализируя творчество ведущих мастеров графики, таких как Ян Прейслер, Францишек Купка, Макс Швабинский, Альфонс Муха, автор в целом убедительно, на наш взгляд, намечает соотношения в эстетической значимости отдельных художественных явлений как внутри чешского искусства, так и по сравнению с творчеством европейских, прежде всего французских, мастеров. Обоснованно изложен и вопрос о соотношении «чешского» и «французского» начала в деятельности Ф. Купки и А. Мухи, вошедших в историю не только чешского, но и французского искусства.

В трактовке различных вопросов обращает внимание стремление автора показать сложность рассматриваемого периода, избежать категоричности суждений, раскрыть противоречия как в художественном процессе в целом, так и в творчестве отдельных мастеров, их художественной практике и эстетических декларациях.

Книгу Е. К. Виноградовой характеризует стремление документально мотивировать каждое высказываемое положение. Она опирается на прочную базу, привлекая в качестве источников не только собственно произведения художественного творчества, но и плоды художественно-критической, эстетической мысли той эпохи, материал других областей культуры, преимущественно литературы.

Естественно, рецензируемая книга не дает исчерпывающего ответа на все вопросы, которые она затрагивает, ибо круг их широк. Но несомненно, что она принесит наиболее полное и первое обобщающее освещение путей развития чешской графики на рубеже XIX и XX вв., показанное сквозь призму основных художественных проблем эпохи. Книга Е. К. Виноградовой будит размышления. Вво-

дя обширный новый материал, она дает богатую пищу специалистам, занимающимся иными областями чешской культуры или искусством других стран для сопоставления процессов. Направиваются некоторые такого рода сопоставления с польским искусством (например, вопрос

о соотношении национально-патристических и эстетических задач в искусстве), русским (специфика иконографии и др.).

Книга в целом — бесспорно ценный вклад в «Богемияну».

И. Свирида

Я. В. ЗАКРЕВСЬКА. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ, 1976, 163 с. + 22 карти

Я. В. ЗАКРЕВСКАЯ. Очерки по диалектному словообразованию в ареальном аспекте

Значение рецензируемой книги определяется тем, что она представляет собой первый в украинистике опыт изучения методами лингвгеографии диалектного словообразования на обширных компактных территориях. Вместе с тем эта книга — серьезный научный труд, в котором автор обсуждает кардинальные вопросы славянского словообразования, нередко предлагая оригинальные решения, имеющие общетеоретическое значение.

Монография Я. В. Закревской состоит из трех разделов. В первом (с. 7—27) формулируются принципы, положенные в основу словообразовательного анализа, и определяется специфика изучения словообразования в диалектах. Второй раздел (с. 28—138) посвящен конкретному анализу способов словообразования в ряде лексико-семантических групп (названия деятеля, места, единичные и собирательные названия, деминутивы, названия растений). В третьем разделе (с. 39—154) автор раскрывает особенности украинского диалектного словообразования и тенденции его развития.

При анализе диалектного словообразования, считает автор, надо исходить из тех же общелингвистических принципов, которые приняты как основополагающие при изучении словообразования литературных языков, а именно — его следует понимать как системный уровень языка и в диалектах исследовать системные отношения в словообразовании, а не словообразовательную структуру отдельных слов (с. 7—8, 16). Эта исходная позиция диктует необходимость использования и определения таких фундаментальных понятий, как «словообразовательный тип», «словообразовательная модель», «словообразовательное поле» и под. (с. 11—12); автор оперирует и такими категориями как «диалектное слово», «словообразовательный диалектизм» и др. Я. В. Закревская считает необходимым разграничивать синхронный и диахронный планы при изучении

словообразования; данная работа в основном посвящена синхронному словообразованию, что не исключает исторических экскурсов в случаях, когда это помогает выявить специфику исследуемых явлений (с. 9).

Достоинством книги является новизна и обширность ее исследовательской базы — это уникальный материал «Атласа украинского языка», к сожалению, еще неопубликованного; кроме того, автором по специальной программе собраны данные об именном словообразовании в 40 пунктах юго-западного украинского наречия; широко привлекаются и факты из опубликованных и архивных материалов по украинскому и другим славянским языкам (в частности, архив «Общеславянского лингвистического атласа»). Такой объем материала позволил Я. В. Закревской продемонстрировать возможности и эффективность применения лингвгеографических методов изучения — в пределах диалектного континуума — целых фрагментов словообразовательной системы (прежде всего, словообразовательных типов). Это касается картографирования явлений на уровне морфемной структуры отдельных слов (карты № 4—6, 13), описания ареалов словообразовательных оппозиций, различие между которыми — следствие изменений словообразовательного значения отдельных суффиксов (№ 19, 22), установления ареалов максимальной активности функционирования ряда суффиксов (№ 7, 21) и др.

Работа Я. В. Закревской является удачным опытом лингвгеографического и типологического сопоставления украинского материала с материалами всех славянских языков (привлекаемых, правда, не в одинаковой степени). Оно позволило автору сделать ряд выводов общего и частного характера относительно некоторых процессов и тенденций в области словообразования, установить специфику всей украинской диалектной зоны (или

ее частей), а также зон, в которые украинские диалекты входят как составной элемент. Так, для юго-западных говоров характерно использование суффикса *-анка* в названиях полей (с. 43, 48), *-аш* в значении деятеля (с. 56), наличие структур с *-jad* (с. 86), активность *-иц'а* в названиях деятеля ж. р. (с. 79), наличие полифункционального суффикса *-ан'а* (с. 110) и т. д. Автор показывает тесные связи украинских диалектов с диалектами других языков — так, аналог укр. *-исько* для обозначения места известен польским, части словацких и белорусских говоров (с. 30, карта № 3); детально рассмотрены некоторые карпатско-южнославянские параллели (распространение *-ар'*, *-л'а* — с. 61, 154, 79—81), что позволяет по-новому трактовать проблемы этногенеза славян и истории их языков. Сооставительное изучение диалектов украинского и соседних языков помогает выявить в сфере словообразования результаты контактирования и интерференции языков, совершавшихся на протяжении ряда веков. Помимо лексических заимствований (содержащих иноязычные форманты), это и заимствование словообразовательных средств (*-иста/истий* < < п. *ista* — с. 58); следствие белорусского влияния — распространение в северноукраинских говорах суффикса *-ник* для обозначения листьев сельскохозяйственных культур (с. 88); выявляются результаты общих процессов в ряде языков: полифункциональность отдельных суффиксов (с. 26), активизация *-исько* в украинских и белорусских говорах (с. 41), *-чик*, *-щик* — в украинских говорах, граничащих с русскими (с. 55, 151), *-аш* — под венгерским влиянием (с. 57, 150) и т. д. Эти и подобные выводы существенны для общей теории языковых контактов, так как раскрывают некоторые стороны механизма взаимодействия языков на словообразовательном уровне.

Позволив себе сделать и замечания критического характера. Автор видит в наличии междиалектной омонимии проявление тенденции к устранению многозначности слов и действие способа ее устранения (с. 120). Но, по-видимому, в территориальной дифференциации омонимов отражается общее развитие семантики, происходящее как во времени, так и в пространстве; наличие на определенных территориях ряда значений одного и того же слова (карты № 15, 16) может расцениваться как различная по диалектам сегментация внеязыковой действительности¹. Я. В. Закревская считает безусловно собирательными названия для совокупности деревьев типа *дубник*, *дубн'ак*, *дубина* (наряду с *дубја* и т. д. —

с. 92). Но образования на *-ник*, *-н'ак*, *-ина* могут быть на данной территории обычными, ед. ч., названиями для леса определенной породы (жстати, именно так анализируются производные указанного типа Н. И. Толстым. «Вопросы языкознания», 1966, № 5, с. 22 и сл.). Я. В. Закревская использует термин «активность» (нигде, однако, его не определяя) как будто в значении «наличие большого числа производных» (ср. «активность суффикса» — с. 109, 110); сочетания же «активно функционирует» (тип, структура, форма) (с. 102, 111, 113), «активное образование» (собирательных существительных) (с. 98), «активное образование слов в диалектах» (с. 152) имеют скорее смысл: «образование новых слов». Кажется заслуживающим внимания предложение понимать «активность» как «способность к новообразованиям» и противопоставлять ее «продуктивности» (= числу производных в языке) и «употребительности» (= встречаемости их в тексте)².

Данную работу можно рассматривать в качестве итоговой не только потому, что она синтезирует большой фактический материал и обобщает ряд важных наблюдений и выводов, касающихся функционирования и истории отдельных словообразовательных типов и суффиксов, но и потому, что она свидетельствует о принципиальной исчерпанности определенных путей и методов изучения и интерпретации диалектных фактов. К сожалению, в самой монографии не формулируется программа дальнейших исследований в области диалектного словообразования (в частности, украинского). Нам же перспективы работы в этой сфере синхронической диалектологии видятся в исчерпывающем описании словообразовательных типов для возможно большего числа отдельных диалектов (по терминологии московских диалектологов — «частных диалектных систем» — ЧДС), а также групп диалектов, по единой программе, с целью моделирования системы диалектного языка (СДЯ), как системы систем, на словообразовательном уровне. Для решения этой задачи диалектному говорению как объекту исследования должен быть придан статус языка и определено его отношение к другим языковым идиомам, например, к литературному языку. В настоящее время, как правило, феномен диалектного говорения обозначается по-разному. Так, в рецензируемой книге упоминается «диалектный язык» (с. 18), «диалектный язык в целом» (с. 21), «современный (украинский) диалектный язык» (с. 18), «(украинский) народно-разговорный язык» (с. 3, 4, 29, 58 и др.), «(современные) говоры» (с. 19, 48 и др.) далее — «(украинская) диалектная территория» (с. 32), «вся ~» (с. 32), «часть ~»

¹ Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, с. 39.

² «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, с. 383.

(с. 42) и даже «(моделирование) диалектного континуума» (с. 18) и т. д. Хотя не определено содержание тех названий, которые автор принимает как термины (терминологичность в всех встречающихся обозначениях сомнительна), не сформулированы взгляды на сущность диалектного языка и т. д., очевидна ориентированность работы на практику одновременного анализа совокупностей диалектов как единого объекта исследования. Составляющие эти совокупности диалекты а priori оцениваются как сходные, а различия между ними — как незначительные. И хотя по исходным принципам факты должны изучаться как компоненты словообразовательной системы, при конкретном исследовании они не редко вырываются из системы (ЧДС), в которой они функционируют. В частности, суммарная характеристика общего и различающегося в СДЯ и в системе литературного языка (СЛЯ) (с. 139 и сл.) не позволяет считать вполне доказанным тезис о близости указанных систем.

Необходимость приуроченности к ЧДС начального этапа исследования языковых фактов вытекает из специфики отношений, существующих между ЧДС и СДЯ, а также из онтологического различия между ними. ЧДС (и СЛЯ) трактуется как реальность, непосредственно данная в речи; напротив, СДЯ — научная абстракция, позволяющая понять

устройство той части национального языка, которая реализуется в диалектном говорении, являясь производной от некоторого собрания ЧДС. СДЯ моделируется как макросистема, содержащая постоянные (общие всем ЧДС) и вариативные (=территориально дифференцированные) звенья³. Лишь таким путем может быть составлено адекватное представление об устройстве системы словообразования в пределах некоторого континуума диалектов.

Завершая краткий разбор книги Я. В. Закревской, можно с удовлетворением констатировать, что эта книга является серьезным, многоплановым исследованием трудных и малоизученных проблем. Вероятно, не все решения автора будут приняты безоговорочно, но дискуссия по проблемам славянского диалектного словообразования, которая, возможно, развернется в связи с данной публикацией, сыграет положительную роль в развитии этой важной области науки о диалектах.

Г. П. Клепикова

³ Л. Э. Калнынь. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. АДД. М., 1976, с. 2—3, 6—8; см. и введение к одноименной книге того же автора, изданной в 1973 г. (с. 7 и сл.).

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ
ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
В 1977 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Баглай М. Великий Октябрь и современное международное профсоюзное движение. М., 1977.

Великий Октябрь и современная эпоха. Междунар. науч.-теорет. конф., посвященная 60-летию Великой Окт. соц. революции (Москва, 10—12 ноября 1977 г.). М., 1977.

Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М., 1977.

Научно-техническая революция и совершенствование социалистических общественных отношений. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. Коллективная монография. М., 1977.

Некоторые вопросы коммунистического воспитания студенчества. Из опыта братских союзов молодежи социалистических стран. М., 1977.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1977.

Степанов В. П. Социализм — общество подлинной свободы. М., 1977.

60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и задачи развития общественных наук в свете решений XXV съезда КПСС и съездов коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Междунар. встреча представителей кафедр обществ. наук вузов-партнеров соц. стран. Тезисы докл. Л., 1977.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Азнакаев Г. Договор дружбы и безопасности народов. Киев, 1977.

Александров С. В. Мировой революционный процесс — воплощение идей Октября. М., 1977.

Бондаренко И. А. Дружба. М., 1977.

Вахрамеев А. В. XXV съезд КПСС о росте могущества мирового социализма и укреплении сотрудничества братских стран. (Науч. докл.) М., 1977.

Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы. М., 1976.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1976 год. Сб. документов. 1977.

Во имя мира на земле. Советский Союз в борьбе за мир и сотрудничество народов, кн. 2, 1975—1977 гг. М., 1977.

Горизонтов Б. Две мировые системы и окружающая среда. М., 1977. Документы внешней политики СССР, т. 21. 1 янв.—21 дек. 1938 г. М., 1977.

Долгин В. Г. В единстве — сила содружества социалистических стран. М., 1977.

Егорьева А. В., Слабак К. С. Вess флаги в гости... М., 1977.

Ермоленко Д. В. Социология и проблемы международных отношений. Некоторые аспекты и вопросы социологических исследований международных отношений. 1977.

За дружбу с краіною Великого Жовтня. Діяльність товариств дружби з СРСР в европ. соц. країнах. Київ, 1977.

Задоров К. И. Социализм, мир, революция. Некоторые вопросы теории и практики международных отношений и классовой борьбы. М., 1977.

Иванов К., Кириллов Г. Социализм и мир неразделимы. М., 1977.

Коминтерн, КИМ и молодежное движение (1919—1943). Сб. документов, т. 1, 1919—1933; т. 2, 1934—1943. М., 1977.

Лейкин Э. А. Интернациональные связи молодежи Белоруссии. (Комсомол Белоруссии — активный участник сотрудничества ВЛКСМ с союзами молодежи стран соц. содружества, 1960—1975 гг.). М., 1977.

Макаренко Я. Корни и ветви. М., 1977.

Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.

Молодежь в условиях разрядки международной напряженности. Документы и материалы интернациональной деятельности ВЛКСМ, международного молодежного движения. М., 1977.

На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. науч. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудни-

чества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Орлик И. И. Исторические успехи мира социализма. М., 1977.

Орлик И. И. Социализм и современный мир. М., 1977.

От Хельсинки до Белграда. Советский Союз и осуществление Заключительного акта общеевропейского совещания. Документы и материалы. М., 1977.

Петровский Ю. В. Основа нерушимого единства. О принципах социалистического интернационализма. Л., 1977.

Побратимы — друзья. Очерки о городах-побратимах Ростове — Плевене, Таганроге — Червен-Бряге, Новочеркасске — Левски, Шахты — Никополь. Ростов н/Д., 1977.

Проблемы коммунистического движения. Ежегодник. 1976. Пролетарский интернационализм и борьба за укрепление единства мирового коммунистического движения. М., 1977.

Савинов К. И. Совместный вклад социалистических стран в дело мира и прогресса. М., 1977.

Санакоев Ш. П., Капченко Н. И. О теории внешней политики социализма. М., 1977.

Сергибаев Б. Глубокие корни братства. Интернационалистское и коммунистическое движение среди иностранных пролетариев в Казахстане. Алмата, 1977.

Советская Программа мира в действии. Материалы всесоюзной науч. конференции. Баку, 23—24 декабря 1975 г. М., 1977.

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Бухарест, 25—26 ноября 1976 г. М., 1976.

Социализм и европейская безопасность. М., 1977.

Социализм и мир неразделимы. Документы эпохи. М., 1977.

СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь. Материалы науч. конф., посвящ. 30-летию Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ПНР, ч. 1—2. М., 1977.

Трухановский В. Г. 60 лет борьбы СССР за мир и сотрудничество между народами. М., 1977.

Укрепление единства социалистических стран. Вопросы теории. М., 1977.

Ченусов А. Т. Укрепление политического сотрудничества братских социалистических стран на современном этапе. Киев, 1977.

Шмелев Н. П. Сосуществование и сотрудничество двух мировых систем. М., 1977.

З. Экономика. Экономическое сотрудничество.

Батизи Э. Э. Актуальные проблемы интенсификации социалистического производства. Науч. док. М., 1977.

Батизи Э. Э. Основные направления совершенствования планирования и управления инвестиционным процессом в странах — членах СЭВ. М., 1976.

Батизи Э. Э., Гзовский В. М. Пути повышения эффективности использования капитальных вложений в социалистической экономике. Докл. об итогах заоч. «круглого стола» науч. работников и специалистов стран — членов СЭВ. М., 1976.

Бодрова В. В. Народонаселение европейских социалистических стран. М., 1976.

Внешнеэкономические связи Советского Союза на новом этапе. М., 1977.

Вопросы политического и экономического развития стран социализма. Сборник. М., 1977.

Воспроизводство населения социалистических стран. На примере Советского Союза и Польши. Москва — Варшава, 1977.

Даньшина В. Н. Экономическое развитие ЧССР. М., 1977.

Дегтярь Л. С. Актуальные проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов в странах — членах СЭВ. М., 1976.

Зломанов Л. П., Кархин Г. И. Пятилетний план на службе мира. М., 1976.

Зурабян С. Ш. Внешнеэкономические связи СССР и экономическое совращение двух систем. Изд-во Ереван. ун-та, 1976.

Иванчик А. А. Научно-техническая интеграция стран — членов СЭВ как фактор повышения эффективности общественного производства. Харьков, 1977.

Кавко А. К. Польша: отечество и социализм. М., 1977.

Кожар В. Я. Развитие социалистической экономической интеграции на современном этапе. Минск, 1977.

Комиссаров В. П. Международные валютно-кредитные отношения СССР и других социалистических стран. М., 1976.

Комплексные программы развития в странах СЭВ. М., 1977.

Костюхин Д. И. Современный мировой рынок. Тенденции и проблемы развития. М., 1977.

Крашениников А. И., Морозов А. М. Международное кооперативное движение. М., 1977.

Критика современных антимарксистских концепций развития экономики социализма. Киев, 1976.

Ларионов К. А. Социалистиче-

ская экономическая интеграция. Учеб.-метод. пособие. М., 1977.

Лебин Д. А. Научно-технический прогресс и социалистическая интеграция. М., 1977.

Мацкевичюс И. С. Анализ калькулирования себестоимости продукции в странах СЭВ. М., 1977.

Машенков В. Ф., Черкашенинова О. И. Производительность труда в сельском хозяйстве европейских социалистических стран. М., 1976.

Методология разработки и применения стандартов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1976.

Микельский К. И. Значение коллективного опыта стран социалистического содружества для решения задач повышения эффективности общественного производства. (Тезисы докл.). М., 1976.

Можаров Н. Д. Транспорт стран — членов СЭВ в 1976—1980 гг. М., 1977.

Научно-техническая политика стран социализма. Коллективная монография. М., 1977.

Научно-техническая революция и социальный прогресс. Труды междунар. симпозиума ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, янв.-февр. 1974 г., т. 1—2. М., 1977.

Николаев А. С. и др. Развитие межхозяйственной кооперации в сельском хозяйстве европейских стран — членов СЭВ. М., 1977.

Общие условия поставок товаров между организациями стран — членов СЭВ. (ОУП СЭВ 1968/1975 гг.). М., 1976.

Овчинников К. П. Экономическое сотрудничество: эффективность и перспективы. Торгово-экономические отношения стран социалистического содружества с капиталистическими государствами. М., 1977.

Особенности и формы действия экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. Сборник, М., 1976.

Осьмова М. Н., Фаминский И. П. Два мира — две интеграции. М., 1977.

Партнеры и соперники. Внеш. торговля развитых капиталист. государств. М., 1976.

Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. М., 1976.

Планомерное развитие социалистической экономики. Москва — Братислава, 1977.

Политика народонаселения в странах — членах СЭВ. Вып. 20. М., 1977.

Проблемы дальнейшего совершенствования механизма управления процессом социалистической экономической интеграции. Материалы междунар. науч. конф. Москва, 1974. М., 1976.

Проблемы управления социалистическим промышленным производством. По

материалам научной конференции ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ, т. 1—2. М., 1977.

Пу г а ч е в Б. М. Строительство развитого социализма в странах социалистического содружества. М., 1977.

П у с т о в о й И. В. Некоторые организационные основы планирования здравоохранения в европейских странах. Учеб. пособие. М., 1976.

Пути и методы совершенствования системы ценообразования в торговле стран — членов СЭВ. Материалы междунар. науч. конференции. М., 1977.

Развитие пищевой промышленности зарубежных стран — членов СЭВ, М., 1977.

Развитие промышленных методов производства в основных отраслях сельского хозяйства европейских социалистических стран. М., 1977.

Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами. На 1 января 1977 года, т. 1—2. М., 1977.

Серебряный М. И. Международная валютная система. Учеб. пособие. Ч. 1. Международная социалистическая валютно-финансовая система стран — членов СЭВ. Л., 1976.

Система внутреннего ценообразования в странах — членах СЭВ и СФРЮ. Сб. науч. трудов. М., 1977.

Система планирования и управления народным хозяйством в зарубежных европейских странах СЭВ. М., 1977.

Слободяник В. В. Вопросы научно-технической политики в условиях социалистической экономической интеграции. Краткий обзор материалов междунар. коллоквиума ученых и специалистов стран СЭВ. 21—22 дек. 1976 г. М., 1977.

Современный этап развития мировой социалистической системы. Некоторые вопросы теории и практики. Сб. науч. трудов. М., 1977.

Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Экономические проблемы. Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Создание экономики развитого социализма в европейских социалистических странах. (Разработка проблемы этапов развития ком. формации). М., 1976.

Социализм и народное благосостояние. М., 1977.

Социалистическая экономическая интеграция. Учеб. пособие. М., 1977.

Социально-экономическое развитие сельского хозяйства европейских социалистических стран. Сб. статей. М., 1977.

Спицын В. К. Профсоюзы и социалистическая экономическая интеграция. М., 1977.

Торговля в развитом социалистическом обществе. М., 1977.

Трахтенгерц Л. А. Двусторонне-общие условия научно-технического

сотрудничества СССР со странами — членами СЭВ и СФРЮ. М., 1976.

Ушкалов И. Г. Политика занятости стран — членов СЭВ на современном этапе. М., 1976.

Фаддеев Н. В. СЭВ: достижения и перспективы. М., 1977.

Халиков М. Х. На принципах интернационализма. Йошкар-Ола, 1977.

Хвойник П. И. Международная капиталистическая торговля. (Проблемы и перспективы развития). М., 1977.

Шабуня В. И. Экономика Народной Республики Болгарии на этапе строительства развитого социалистического общества. М., 1977.

Ширяев Ю. С. Международное социалистическое разделение труда. Вопросы теории. М., 1977.

Шмелев Г. И., Стародубровская В. Н. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства европейских социалистических стран. М., 1977.

Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Экономическая роль государства в странах социалистического содружества (Материалы Всесоюз. науч. конф., посвящ. 25-летию СЭВ. Москва, апр. 1974 г.). М., 1977.

Экономическое сотрудничество социалистических стран. Сб. статей. М., 1976.

4. Партийная жизнь.

Димитр Благоев — выдающийся теоретик и революционер. Сб. статей к 120-летию со дня рождения. М., 1977.

Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии. 30 мая — 4 июня 1977 года. Документы и материалы. М., 1977.

Визит Иосипа Броз Тито в Советский Союз. 16—24 августа 1977 г. Речи, документы, материалы. М., 1977.

Влияние Великого Октября на развитие мирового коммунистического движения. Сб. статей. М., 1977.

VIII съезд польских профсоюзов. 6—8 декабря 1976 г. Варшава. Материалы и документы. М., 1977.

Держинский Ф. Э. Избранные произведения. Изд. 3-е, перераб. и доп., т. 1—2. М., 1977.

За Европу мира и прогресса. Коммунисты. Новая обстановка в Европе. Проблемы идейно-политической борьбы. М., 1977.

К советскому народу. К народам, парламентам и правительствам всех стран мира. Обращения совместного торжественного заседания Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 3 ноября 1977 года. М., 1977.

Коммунисты и профсоюзы. Борьба революционного авангарда за укрепление и единство международного профсоюзного движения. М., 1977.

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. Сб. материалов. М., 1977.

Кривогуз И. М. Очерки истории современного международного коммунистического и рабочего движения. Факультативный курс. Пособие для учителей. М., 1977.

О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. М., 1977.

XI съезд Болгарской коммунистической партии. София, 29 марта — 2 апреля 1976 г. М., 1977.

Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977.

5. Государственное строительство. Право

Авакьян С. А. Местные органы государственной власти высшей ступени европейских социалистических стран. М., 1977.

Вадимов В. Международное значение Конституции СССР. М., 1977.

Гарантии прав личности в уголовном процессе Польской Народной Республики. Межвуз. сборник науч. статей. Ярославль, 1976.

Гражданский процесс в социалистических странах — членах СЭВ. Ч. 1. Вводный раздел. НРБ, ВНР, М., 1977.

Законодательство зарубежных стран. Реф. сборник № 3, М., 1977.

Ильинский И. П. Политическая организация социалистического общества. М., 1976.

Источники гражданского права соц. стран Европы — членов СЭВ. М., 1977.

Коваленко Л. М. Развитие социалистической демократии и совершенствование социальной структуры общества в НРБ. Науч.-аналит. обзор. М., 1977.

Ковачев Д. А. Правительство, центральные ведомства, местные органы суда и прокуратуры в европейских социалистических государствах (Конституционная регламентация). М., 1977.

Конституция Польской Народной Республики. М., 1977.

Лук И. Социализм и международное право. М., 1977.

Марышев Н. И. Договоры социалистических стран о правовой помощи (Вопросы междунар. частного права и процесса). М., 1976.

Международно-правовые формы сотрудничества государств в Европе. М., 1977.

Миرون В. К. Социальное страхование рабочих и служащих в европей-

ских социалистических странах. МГУ, 1977.

Правовые вопросы деятельности СЭВ. М., 1977.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 31. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 янв. и 31 дек. 1975 года. М., 1977.

Советское государство и прогрессивное развитие международного права. М., 1977.

Условное осуждение и досрочное освобождение по законодательству социалистических стран. М., 1976.

Участие трудящихся социалистических стран в управлении производством. Сб. статей о работе профсоюзов. М., 1977.

Шебанов А. Развитие социалистической демократии. М., 1977.

6. Справочники. Библиография.

Автомобильная промышленность европейских социалистических стран в цифрах. Справочник. М., 1976.

Атлас мира. М., 1977.

В гостях у разных народов. Рек. указ. литературы о зарубеж. странах. М., 1977.

Валюты стран мира. Справочник. М., 1976.

Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Указ. литературы 1967—1976, ч. 1—4, прил. М., 1977.

Гринюк П. Ф., Черненко И. С., Яшин Я. С. Коммунистические и рабочие партии мира. Справочник. Киев, 1977.

Елин Пелин. Биобиблиогр. указ. Сост. Л. П. Лихачева. М., 1977.

Институт славяноведения и балканистики. 1947—1977. (Справочно-информ. обзор.). М., 1977.

Инструкция по русской передаче географических названий Чехословакии. М., 1977.

Критика буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологии. Указ. литературы, изд. в 1975 г., вып. 1. М., 1977.

Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий. Указ. литературы соц. стран Европы 1976 г. М., 1977.

Материалы по истории балканских славян в отделе рукописей и редких книг. Каталог, вып. 1. Л., 1977.

Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977. М., 1977.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1976. Справочник. М., 1977.

Народное хозяйство социалистических стран в 1976 году. Сообщения стат. управлений. М., 1977.

Развитое социалистическое общество. Теория и практика построения социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Указ. литературы соц. стран Европы, ч. 1—2. М., 1977.

Справочник пропагандиста-международника. М., 1977.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1977. М., 1977.

Страны мира. Краткий полит.-экон. справочник. М., 1977.

Труды Института всеобщей истории АН СССР. 1969—1975. Указ. литературы, ч. 1—2. М., 1977.

Шидловская В. С., Краснова Н. С. Научное предвидение и эконо-

мическое прогнозирование. Указ. сов. и иностр. литературы, опубл. во второй половине 1974 — первой половине 1975 гг., ч. 1 и 2. М., 1977.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ и СФРЮ. Развитие социалистической экономической интеграции. Указ. литературы. 1975. ч. 1. М., 1977.

Юрьева И. А. Антифашистская борьба болгарского народа 1941—1944. Науч. вспомогат. указ. литературы. М., 1976.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Балканские страны в новое и новейшее время. Сб. статей. 1977.

Бейлис А. С. История Народной Республики Болгарии (1944—1976 гг.). Учеб. пособие. Львов. ун-т, 1977.

Бухарин Н. И. Интеллигенция Польской Народной Республики. М., 1977.

Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977.

Винокур И. С., Тимошук Б. О. Давни слов'яни на Дністрі. Іст.-краєзн. нарисп. Львів, 1977.

Всемирная история, т. II, М., 1977.

Галкин И. С. В. И. Ленин и развитие советской историографии и новейшей истории стран Европы и Америки. МГУ, 1977.

Герои Сопротивления. Изд. 2-е, М., 1977.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 2. Август 1922 г. — июнь 1934 г. М., 1977.

«Драг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918 гг. Коллективная монография. М., 1977.

Зеленин В. В. Под Красным знаменем Октября. Югославские интернационалисты в Советской России. М., 1977.

Земсков В. И. Основные черты первой и второй мировых войн. М., 1977.

Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Учебник для исторических факультетов, ун-тов. МГУ, 1977.

Историческая наука за рубежом о Великом Октябре. Реф. сборник., М., 1977.

Исторический опыт Великого Октября и его международное значение. Сб. статей. 1977.

История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти томах, т. 8. Воениздат, 1977.

История средних веков, т. 1 и 2. М., 1977.

Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. 1917—1918. М., 1977.

Лешиловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848—1849. М., 1977.

Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М., 1977.

Михутина И. В. Советско-польские отношения. 1931—1935. М., 1977.

Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.

Новая история. Ч. 2. 1871—1917. Учеб. пособие для ист. факультетов ин-тов. М., 1976.

Новейшая история. 1939—1975 гг. Курс лекций. М., 1977.

Общие закономерности Великого Октября и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Всесоюзная науч. конференция. Рига, 1976. Тезисы докл. и выступлений. 14—16 дек. 1976 г. Вып. 1—2. М., 1976.

Павленко В. В. Солидарность трудящихся Украинской ССР с революционной борьбой рабочих и крестьян Болгарии. 1923—1934 гг. Киев, 1977.

Под знаменем боевой дружбы. По материалам конференции советских и польских историков, состоявшейся в Москве 23—27 октября 1972 г. М., 1977.

Проблемы всеобщей истории. Сб. статей. М., 1977.

Проблемы историографии и источниковедения всеобщей истории. Сб. науч. трудов. Л., 1976.

Пухлов Н. Н. Польское рабочее движение. 1890—1904 гг. М., 1977.

Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976.

СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. В 2-х т., т. 1. М., 1977.

Строительство социализма в Польской Народной Республике. Исторические очерки. Киев, 1977.

Шленова Н. А. Рабочий класс Чехословакии в годы строительства основ социализма. Численность, состав, структура. М., 1977.

2. Культура. Наука

Андреев В. Д. Проблемы реализма в болгарской литературе XX века. ЛГУ, 1977.

Ведина В. П. Єжи Путрамент. Літ.-критич. нарис. Київ, 1977.

Волинський К. П. Єднання і розквіт братів літератур (зближення соц. нац. культур на сучасному етапі та збагачення змісту категорії народності в літературі). Київ, 1977.

Галацкая В. Музыкальная литература зарубежных стран, вып. 3. М., 1977.

Гілевич Н. Верная вялікім заповітам. Сучасная балгарская проза. 1956—1976. Літ.-крит. эцюды. БДУ, 1977.

Головенченко А. Ф., Козлова Н. П., Колесников Б. И. Зарубежная литература XIX век. Романтизм. Хрестоматия. М., 1976.

Голомидов В. И. Архивное дело в Социалистической Республике Югославии. (Реф. обзор). М., 1976.

Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.

Григорьев В. Кароль Липинский. М., 1977.

Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. М., 1977.

Идеи социализма и литературный процесс на рубеже XIX — XX веков. Сб. статей. М., 1977.

Из истории зарубежной музыки, вып. 2. Сб. статей. М., 1977.

Індивідуальність письменника і літературний процес. Нариси про письменників соц. країн вропи. Київ, 1977.

Інтернаціональне та національне в сучасному слов'янському фольклорі (На матеріалах УРСР). Київ, 1977.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

Кириллюк Є. П. Шевченковзнавчі та славистичні дослідження. Київ, 1977.

Кищенко Н. И. Эстетика, жизнь, искусство. Итоги VIII Междунар. эстет. конгресса. М., 1977.

Липатов А. В. Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье, Возрождение, Барокко. М., 1977.

Литература зарубежных социалистических стран в 60—70 годы. Реф. сборник. М., 1977.

Мавродинова Л. Общие иконографические особенности в средневековой монументальной живописи Грузии и Болгарии. Тбилиси, 1977.

Макаренко З. Н. Архивное дело в Чехословацкой Социалистической Республике. (Реф. обзор.) М., 1977.

Марксистско-ленинское воспитание студентов: опыт Львовского и Люблинского университетов. Львов — Люблин, 1976.

Музейное дело в СССР. Встреча музейных работников Советского Союза и Народной Республики Болгарии. Сб. статей. М., 1976.

Музыкальная литература зарубежных стран. Учеб. пособие для муз. училищ, вып. 3. М., 1977.

Никонов И. Е. Культуры эпохи раннего железа, ч. 5. Культуры скифов, сарматов и ранних славян. Учебн. пособие. М., 1977.

О прогрессе в литературе. Л., 1977.

Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы. М., 1977.

Питровская А. Леон Кручковский. Жизнь и творчество. М., 1977.

Планирование и внедрение научных исследований по информатике в ЧССР. Киев, 1976.

Политика социалистических стран в области науки. (Болгария, Польша, Чехословакия.) Реф. сборник. М., 1976.

Пышлик Р. Гашек. Док. повесть. М., 1977.

Радволина И. М. У одного костра. Портреты югосл. писателей. М., 1977.

Развитие эстетической мысли в социалистических странах. Реф. сборник. М., 1977.

Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2-х т., т. 2. Л., 1977.

Светлов И. Е. Скульптура народной Польши. М., 1976.

Слов'янське літературознавство і фольклористика. Респ. міжвід. збірник, вип. 12. Київ, 1977.

Современная художественная литература за рубежом. Информ. сборник. Обзоры, рецензии, аннотации. М., 1977.

Солнцева Л. П. Театр Чехии и Словакии. М., 1977.

Социалистическая интеграция и наука. Материалы совещания президентов академий наук соц. стран. Москва, 15—18 февраля 1977. М., 1977.

Социалистический образ жизни и культура. Реф. сборник. М., 1977.

Социалистический реализм на современном этапе его развития. Коллективная монография. М., 1977.

Социалистический реализм сегодня. Проблемы и суждения. М., 1977.

Стецкевич С. М. Социалистические страны Европы. Пособие для учителей. М., 1977.

Суберляк Стефан. Выставка произведений. Каталог. М., 1977.

Ученые социалистических стран в борьбе с буржуазной философией и социологией. Реф. сборник. М., 1976.

Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Художественная литература Болгарии в современных исследованиях болгарских и советских ученых. Реф. сборник. М., 1977.

Человек и труд. Выставка произведений болг. художников, посвящ. XI съезду Болг. ком. партии. Каталог. М., 1976.

Чуховски П. Илия Бешков. Альбом. М., 1976.

Шопен Фридерик. Письма, т. I. М., 1976.

3. Языкознание

Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.

Болгарско-русский электротехнический словарь. Около 17 000 терминов. Москва — София, 1977.

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиограф. словарь, т. 2: А — К. БГУ, 1977.

Вопросы русского и славянского языкознания. Межвуз. сборник. Иваново, 1976.

Громова А. П. Сравнительная фонетика славянских языков. (Вокализм). Уч. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1977.

Длуги Д. А., Раевский Б. Г., Буравцева Н. Р. Карманный чешско-русский и русско-чешский словарь. Изд. 4-е, стереотип. М., 1977.

Иванова Т. А. Старославянский язык. М., 1977.

Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977.

Именное склонение в славянских языках XV — XVI вв. Лингвостат. анализ. Л., 1977.

Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докл. М., 1977.

Леонидова М. А. Карманный болгарско-русский словарь. 10 600 слов. Изд. 7-е, стереотип. М., 1977.

Материалы по русско-славянскому языкознанию. Межвуз. сборник. Воронеж. ун-т, 1977.

Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (К семант. типологии). М., 1977.

Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.

Польско-русский экономический словарь. Около 30 000 терминов. Москва — Варшава, 1977.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.

Севрюков В. Н., Мишнаевский А. П. Чешские научно-технические сокращения. М., 1977.

Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков. МГУ, 1977.

Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Черновцы, 4—7 окт. 1976 г. М., 1977.

Стоянов И. А. Глаголы умственной деятельности в болгарском языке. М., 1977.

Тыпалогия славянских моў і ўзаемадзейне славянских литератур. Тэзісы дакл. 3-й Рэсп. канф. 2—3 снежня 1977, кн. 1 и 2. Минск, 1977.

Фролова С. В. Гласные старославянского языка в сравнительно-историческом освещении. Учеб. пособие для студентов. Куйбышев, 1976.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X — XI вв. М., 1977.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лекс. фонд, вып. 4. М., 1977.

Этимология. 1975. Ежегодник. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1977, № 3

С. Грынгаров. Внутренние аспекты политических режимов Болгарии (январь 1901 — май 1903 г); А. Тончев. Итальянские норманы на Балканах в XII в. (1100—1187 гг.); Г. Марков. Болгария и балканская политика третьего рейха (октябрь 1936 — апрель 1937); П. Коледаров. Историческая география Северо-западного Причерноморья по данным Константина Багрянородного.

«Kwartalnik Historyczny», 1977, № 3

Э. Випшицкая. Существовали ли в конце древних веков национально-движения; В. Ленгауэр. Милитаризм и тирания. Из истории греческой политической мысли в IV в. до н. э.; В. Судер. Классификация возраста людей (Возрастная статистика) в Римской империи; С. Былина. Plenitudo Simplicitatatis?; Селестин V и францисканские спиритуалисты; З. Качмарек. Сецессий мо-

лодых в национальном лагере Великопольши в 1933—1934 гг.; Т. Ст же м б о ш. Военные потери варшавских кооперативных отделов в 1943—1944 гг.

«Z pola walki», 1977, № 2

Е. То ма шев ский. Политические партии в Болгарии осенью 1944 г.; П. Зо м е р ф е л ь д. Стратегия и тактика Социалистической народной партии Кубы в 1952—1959 гг.

«Českoslovencký časopis historický», 1977, № 5

Я. Га ла н да дер. Идеальная дифференциация чешского рабочего движения в период непосредственного влияния Великой Октябрьской социалистической революции; В. Ла ц и н а. Представления о решении аграрного вопроса в Чехословакии в 1918—1919 гг.; Л. Су ш ко. Начало подчинения словацкой экономики фашистской Германией (1939—1940 гг.); К. Но во т н ы. Франтишек Палацки и рабочий вопрос; Я. П а н е к. Роль привилегированных сословий в добелогорский период 1526—1620 гг.

«Slovanský přehled», 1977, № 3

Ф. Ш ро м. Спор вокруг Октября; К. Бра б е ц. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции и образования Союза Советских Социалистических Республик; Ч. А м о р т. Великий Октябрь — общая традиция социалистических стран.

1977, № 4—5

В. Кра л. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в Чехословакии; А. До лей ш и. Развитие марксистской теории социальной революции В. И. Лениным накануне Великой Октябрьской революции; К. Гер м а н. Великая Октябрьская социалистическая революция в зеркале французской советологии; Л. Бра з да. К критике буржуазной концепции «стихийного» характера Февральской революции в России; В. На л е в ка. Славянское движение в Латинской Америке в годы Великой Отечественной войны.

«Slovenská literatúra», 1977, № 1

М. Ми на р и ко ва - При да в ко ва. Эволюция текстов в творчестве Ваянского; М. Ю р ч о. От правды явления к правде идеи; К. Го р а л е к. Словацкий фольклор и мировая литература.

№ 2

С. Ш ма т л а к. Создание программы словацкой пролетарской литературы; Я. Ш ка м л а. К вопросам социали-

стического художественного синтеза; А. Ба г и н. Попытка характеристики мемуарной литературы; Я. Ко б у ш е в с к и. Поэзия Люда Ондреева по отношению к модернистской традиции; П. За я ц. Коммуникационные проблемы эпики и лирики; Ф. В ш е т и ч ка. Композиция Шафаржиковой баллады «Лел и Лила».

№ 3

Ф. Л и ко. Структурализм и современная литературная наука; Ю. Но ге. Проблемы реализма и социалистического реализма в словацкой литературе 60-х годов; А. Ле не. Алоис Ирасек и его произведения в словацкой периодической печати с конца XIX в. (90-е годы) по 1930 г.

«Česka literatúra», 1977, № 1

В. Ке н и г с м а р к. К вопросам развития чешской прозы первой половины 70-х годов; Д. Мо л да но ва. Значение детских рассказов и прозаических произведений с детской тематикой в творчестве Ружены Свободовой; Н. Ко п и с т я н с к а я, В. Го ш о в с к и й. Как возникла первая книга Ивана Ольбрахта о Закарпатье; К. Го р а л е к. Из советской компаративистики; П. Ч о р н е й. Выступление Зденека Неудлы против РКЗ в 1937 г. и его восприятие.

№ 2

М. По го р с к и й. Две главы, посвященные прозе Фр. Шрамека; Д. Мо л да но ва. «...не нарвешь с неба звезд»; Р. Р. Ку з не ц о ва. Человек и история в романе-эпосе Ярослава Кратохвила «Истоки»; Я. Д о р ж а к. На тему: жизнь против смерти.

№ 3

Л. Ш то л л. Ф. Кс. Шальда; Р. Р. Ку з не ц о ва. Роман, репортаж, очерк; О. Си ро в а т ка. От литературы к браку; Й. Га н з а л. К пониманию народа в возрожденческой литературе; С. Ба р т у ш ко ва. Карпатская проза Я. Томачека; Материалы научной конференции в Либлице; З. У р б а н. Арабеска Неруды о лоретанских колоколах в поэтической переработке Е. Ба гр я н ы.

№ 4

Академику Ладиславу Штоллу к 75-летию; М. Бла г и н ка. Творческое призвание; Ш. В л а ш и н. Поэзия С. К. Нейманна 30-х годов и ее интерпретация в работах Л. Штолла; А. Га й ко ва. Послевоенная концепция литературной критики Л. Штолла; П. П ы т

л и к. Понимание синтеза у Ф. Кс. Шальды в 90-х гг.; Э. М а ц е к. По поводу одной части культурно-политического влияния Ф. Кс. Шальды; Л. С. К и ш к и н. Миколаш Алеш и чешские писатели.

№ 5

Л. Ю р ь е в а. К некоторым методологическим и теоретическим проблемам совместного труда; С. Б э л з а. СССР в творчестве Иржи Тауфера; Н. Н а д ь я р н ы х. Роль литературных взаимоотношений в процессе формирования духовной культуры развитого социализма.

«*Slavia orientalis*», 1977, № 1

В. К о в а л ь ч и к. О польских переводах произведений Николая Карамзина; Т. К л и м о в и ч. Между реализмом и натурализмом. Из наблюдений над повествованием романов Дмитрия Мамия-Сибиряка (1883—1896); М. Ц и м б о р с к а - Л е б о д а. Из наблюдений над поэтикой «Черных масок» Леонида

Андреева; Г. П о р е м б и н а. Биографические повести и рассказы Константина Паустовского; Я. Ч и к в и н. Концепция истории в сибирских поэмах Леонида Мартынова; Я. С о с н о в с к и. Предударные гласные после мягких согласных в русском говоре старообрядцев деревень Бури Габове Гронды (Сувальское воеводство); М. Б а л и й. Суффиксальное субстантивирование имен прилагательных в украинском языке.

№ 2

Х. М. М а л г о в с к а. Очерк в польской и советской литературе; Н. П е т р о в а. «Тихий Дон» М. Шолохова и традиции русской классической литературы; М. З е л и н ь с к а. Из проблематики раннего творчества К. Федина; В. П и л а т. О лирической прозе Виктора Лихоносова; В. М о к р ы. К вопросу о польских исследованиях последнего десятилетия в области украинской литературы.

ПАМЯТИ МЕЧИСЛАВА КАРАСЯ

10 августа 1977 г. прервалась жизнь профессора Мечислава Карася, виднейшего и активнейшего польского лингвиста, ректора краковского Ягеллонского университета. Ученик и продолжатель дела таких крупных ученых, как Казимир Нитч, Витольд Ташицкий и Тадеуш Лер-Славиньский, покойный Мечислав Карась сумел сочетать предельную строгость и педантичность старой академической школы с большим масштабом, размахом и дерзновенностью научных разысканий, свойственными послевоенному поколению польских лингвистов. Диалектолог, топонимист, полонист широкого профиля, славист, М. Карась был наделен редкими качествами крупного организатора науки и вдумчивого, терпеливого исследователя. На его долю выпало нелегкое, но почетное и славное дело продолжить и завершить работу К. Нитча по созданию «Малого атласа польских говоров», создавать картотеку и готовить к печати первые тома «Словаря польских говоров». Присущее покойному высокое сознание гражданского долга ученого запечатлено в его вступительном слове к первому из 25 томов «Словаря»: «... новый словарь принесет богатейшие лексические собрания, которые станут исчерпывающей основой для изучения польской диалектной лексики. Мы хотим, чтобы будущий словарь как можно лучше служил науке и обществу. Мы глубоко убеждены, что выполнение этой ответственной задачи во времена, когда народные говоры и их лексика исчезают на глазах, является нашим почетным, важным и трудным долгом».

М. Карасю принадлежит заслуга развертывания крупномасштабных исследований по польской ономастике. Волею судьбы известная серия польских академических «Ономастических трудов» открылась его монографией «Местные названия типа *Podgóbra, Załaz* в польском и других славянских языках» (1955), нашедшей широкий отклик в славистических кругах и послужившей во многом образцом для дальнейших польских топонимических исследований. Тринадцать лет спустя славянская ономастика обогащается новым трудом того же автора — «Топонимия Элафидских островов на Адриатике» (1968), свидетельствующим о превосходном знании полевого материала и хорватско-сербской диалектной речи. Умение проникнуть в стихию диалекта особенно ярко проявилось у М. Карася при исследовании польских говоров. Об этом красноречиво свидетельствуют его монографии «Польские диалекты Оравы» (1965), «Оравские диалектные тексты в пределах Польши» (совместно с А. Зарембой, 1964), «Оравские диалектные тексты в пределах Чехословакии» (1965). Богатство материала, не только лингвистического, но и этнографического и фольклорного, строгость метода — характерная черта этих работ. Но разыскания ученого шли дальше сбора материала «в поле» у носителей говора. Он много работал и в архивах, находя очень ценные, ранее не известные науке факты. Так, ему удалось открыть в монастырской доминиканской библиотеке в Кракове уникальный рукописный церковнославянский словарь XVII в., который потом был им комментирован и издан совместно с супругой Анной Карась — «Дикционарий славянско-польский Мариана из Яслиск 1641 года» (1969).

Нельзя не сказать о постоянном и глубоком интересе М. Карася к соотношению диалектной и литературной речи, который особенно ярко проявился в ряде его статей, написанных в последние годы жизни, а также в работе по созданию «Словаря польского произношения», в основу которого положена концепция «безконкурентной», застывшей, но гибкой, динамичной орфоэпической нормы.

Чувство развития языка было свойственно М. Карасю, внимательному наблюдателю, трудолюбивому диалектологу. В еще большей степени ему было присуще ощущение пульса жизни общества, к которому он принадлежал. Завершив во время войны и оккупации среднее образование, М. Карась поступил в 1945 г. студентом по полонистике в Краковский университет, чтобы вскоре стать ассистентом, затем профессором того же университета. В последние годы дважды (в 1972 и 1975 гг.) он избирался на должность ректора. С 1971 г. он был бессменным директором Института польской филологии.

М. Карась был неоднократно гостем нашей страны и печатался во многих наших лингвистических изданиях. У нас помнят его как интересного собеседника и большого энтузиаста науки. Светлая память о Мечиславе Карасе останется в наших сердцах.

Т. М. Судник, Н. И. Толстой.

CONTENTS

- Vinogradov V. N.* The liberation of the Balkan peoples from the Osman oppression. *Kuzmin V.* The Prague agreement of 1973 contribution to the European security. *Wojciechowski M.* (Poland). Conservative opposition in Hitler Germany and Poland (1933—1944). *Birman M. A.* The tesniaks and the marxist propaganda among the Bulgarian proletariat in the beginning of the XX century. *Ivanova R. P.* Public movement in Ukraina and the Polish Revolt of 1863. 3

From the history of Slavic Studies

- Lapteva L. P. A. S.* Duvernoi and his works on the history of Slavs 59

To the VIII International Congress of Slavic Studies

- Zaliznyak A. A.* New data about Russian language monuments of the XIV—XVII c. distinguishing between two phonemes of the «o-type» 74

REPORTS

- Voronkov V. I.* PSL «Wyzwolenie» in the struggle for the land reform (November 1918 — June 1919). *Gusev V. E.* Manuscript notes of P. Shafarik in the first issues of the Serbian «Lětopis» 97

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Valev L. B.* The work on the history of Bulgaria for the French reader. *Lipatov A. V.* From the history of the cultural intercourse between Moscow Russia and Poland. *Svirida I.* The increase of the «Bohemiana». *Klepikova G. P.* Я. В. Закревська. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті 110

Bibliography

- The books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the USSR in 1976—1977. Contents of the foreign periodicals 117
- Sudnik T. M., Tolstoy N. I.* To the memory of Mechlislav Karaš 127

Технический редактор *Е. В. Сипицына*

Сдано в набор 10.02.78. Подписано к печати 14.04.78 Т-04078 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,4 Бум. л. 4,0 Тираж 1235 экз. Зак. 172

Издательство «Наука». 103717. Москва, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891